КОГДА-ТО ТОМУ НАЗАД

сказки английских писателей

Когда-то тому назад… Сказки английских писателей

Джон Рескин, Фрэнсис Браун, Эдит Несбит, Джеймс Мэтью Барри, Редьярд Киплинг, Алан Александр Милн, Уильям Сомерсет Моэм, Джон Толкин

Аннотация
Когда-то тому назад. Сказки английских писателей
Д. РЕСКИН. Король Золотой Реки, или Черные Братья
Ф. Браун. Бабушкино волшебное кресло
Э. НЕСБИТ. Мелисанда
Д. БАРРИ. Питер Пэн в Кенсингтонском Саду
Р. КИПЛИНГ. Сказки Старой Англии
Холодное Железо
Нож и меловые холмы
Доктор медицины
А. МИЛН. Когда-то тому назад…
С. МОЭМ. Принцесса Сентябрь
Д. ТОЛКИН. Фермер Джайлс из Хэма, или, на простонародном языке, Возвышение и удивительные

приключения фермера Джайлса, господина Ручного Ящера, графа Ящерного и короля Малого Королевства
ПРИМЕЧАНИЯ

Аннотация

В сборник вошли сказки английских писателей: Д. Рескина, ф. Браун, Э. Несбит, Д. Барри, Р. Киплинга, А. Милна, С. Моэма, Д. Толкина.

Составитель: Кандидат филологических наук В. А. Симоновский

Перевод: А. Слобожана и Г. Усовой.

Когда-то тому назад
Сказки английских писателей

СОЮЗТЕАТР. Санкт-Петербург. 1991

Д. РЕСКИН

КОРОЛЬ ЗОЛОТОЙ РЕКИ ИЛИ ЧЕРНЫЕ БРАТЬЯ

Д. РЕСКИН
Король Золотой Реки, или Черные Братья

ГЛАВА 1,

рассказывающая о том, как привычное течение жизни в сельскохозяйственных угодьях Черных Братьев было нарушено вторжением Юго-Западного Ветра, эсквайра

Давным-давно в безлюдной горной части Стирии лежала необычайно плодородная долина. Со всех сторон её окружали крутые скалистые горы, вечно заснеженные вершины которых терялись в облаках, и с этих вершин вниз круглый год неслись бурные реки. Одна из них стремила свои воды на запад и падала с такой высокой скалы, что, когда после захода солнца вся долина погружалась во тьму, этот водопад еще сверкал в солнечных лучах, словно золотой дождь.

Поэтому-то жившие в долине люди и прозвали реку Золотой. Но как, ни странно, ни эта, ни другие реки в долину не текли. Они сбегали с противоположной стороны гор и, извиваясь, уходили на широкие равнины к многолюдным

городам. Зато дождевые облака так сильно тянуло к снежным вершинам, и они так охотно отдыхали над круглой ложбиной, что во время жары и сильной засухи, когда во всех соседних районах земля становилась выжженной, в маленькой долине шли дожди, и поэтому урожай в ней был столь обилен, а трава густа, яблоки так красны, а виноград спел, вино столь ароматно, а мед сладок, что люди не уставали дивиться этой долине и прозвали её Долиной Богатств.

Вся эта маленькая долина принадлежала трем братьям, которых звали Шварц, Ганс и Глюк. Двое старших, Шварц и Ганс, были на редкость уродливы, с густыми, свисающими вниз бровями и маленькими, тупыми глазками, которые всегда оставались полузакрыты, так что заглянуть братьям в душу было невозможно, хотя сами они были уверены, что могут заглянуть в душу любому. Они жили тем, что возделывали землю в долине, и дела их процветали. Всех, кто не приносил им какой-нибудь пользы, они убивали. Они стреляли дроздов, потому что те расклевывали яблоки, отравляли сверчков, чтобы они не ели крошек со стола, давили цикад, все лето распевавших в липах. Они тянули с выплатой денег своим работникам, пока те не бросали работу, а тогда

затевали с ними ссору и выгоняли за ворота, так ничего и не заплатив. Было бы очень странно, если бы при такой земле и при таком ведении хозяйства братья не стали настоящими богачами, и они действительно ими стали. Они всегда старались попридержать зерно, пока цена на него не поднималась, и тогда продавали его втридорога; на полу у них лежали груды золота, но никто не слышал, чтобы они хоть раз поделились с кем-нибудь хотя бы одним пенни или коркой хлеба; одним словом, у них был столь жестокий и тяжелый нрав, что все, кто хоть раз имел с ними дело, звали их не иначе, как Черные Братья.

Младший брат, Глюк, настолько сильно отличался от старших как по характеру, так и по внешности, насколько это вообще возможно для братьев. Он был светловолосым, голубоглазым мальчиком лет двенадцати от роду и любил все живое. Неудивительно, что он плохо уживался со своими братьями. Вернее сказать, братья плохо уживались с ним. Обычно Глюк получал почетное задание вращать вертел с мясом, когда оно водилось в доме, что, однако, случалось не очень часто, поскольку братья, надо отдать им должное, о своих нуждах думали столь же мало, сколь и о нуждах других. Кроме того, Глюк чистил сапоги,

мыл полы и иногда тарелки, и если объедки с них ему давали лишь время от времени, в качестве поощрения, то равнодушные пинки, в качестве меры воспитания, он получал постоянно. Так продолжалось долгое время. Но вот наступило очень дождливое лето и в окрестных селениях вся жизнь разладилась.

Наводнение унесло в море только что сложенные стога сена, град побил виноградники, болезнь сгубила пшеницу. Только в Долине Богатств все оставалось как всегда — целым и невредимым. Если раньше над ней шли дожди, когда соседние районы страдали от засухи, то сейчас здесь ярко светило солнце, тогда как над соседними районами не пробивался ни один его луч. Люди отовсюду шли в долину купить зерна и уходили, призывая проклятья на голову Черных Братьев, которые запрашивали любую цену, какая им заблагорассудится. Люди побогаче платили, а кому это было не по карману — просили у братьев подаяние. Несколько человек даже умерли от голода у самого дома братьев, на что те не обратили ни малейшего внимания.

Близилась зима, а с ней и холода, когда однажды двое старших братьев ушли из дома, как всегда предупредив маленького Глюка, которого они

оставили следить за жарящимся мясом, чтобы он не смел никого впускать и никому ничего давать. Глюк сел у самого огня, потому что за окном шел сильный дождь и стены кухни были сырыми и холодными. Глюк все время поворачивал мясо, подставляя его к огню то одной, то другой стороной, и оно стало румяным и аппетитным. Как жаль, — подумал Глюк, — что мои братья никогда никого не приглашают к своему столу. Если бы сейчас, когда у других нет даже куска черствого хлеба, а у нас такая замечательная баранья нога, они пригласили кого-нибудь поужинать с нами, их сердца подобрели бы».

Не успел он это подумать, как в дверь два раза постучали. Звук был глухой и тяжелый, как будто дверной молоток был подвязан, — скорее, не стук, а удар ветра.

— Должно быть, это ветер, — сказал Глюк. — Никто другой не осмелился бы постучать в нашу дверь два раза.

Но нет, это был не ветер: стук, на этот раз очень настойчивый, раздался снова, и, что было особенно удивительно, стучавший, казалось, очень спешил и ничуть не боялся последствий. Глюк подошел к окну, открыл его и высунул голову посмотреть, кто это.

У двери стоял маленький джентльмен такой необычной наружности, какой Глюку еще не доводилось видеть. У него был большой, несколько красноватый нос и такие круглые и красные щеки, как будто последние сорок восемь часов он раздувал плавильную печь.

Глаза его весело сверкали из-под длинных шелковистых ресниц, усы образовывали по завитку с каждой стороны рта и торчали, словно два штопора, а какого-то странного, пепельно-каштанового цвета волосы спускались ниже плеч. Ростом он был несколько больше четырех футов, на голове у него сидел длинный остроконечный колпак почти такой же высоты, как он сам, украшенный черным пером длиной около трех футов. Полы его камзола переходили сзади в нечто подобное сильно удлиненным фалдам фрака, которые терялись в раздувавшихся складках огромного блестящего плаща. В тихую погоду этот плащ был, пожалуй, слишком уж длинен, потому что сейчас ветер, со свистом кружащийся вокруг старого дома, относил плащ на расстояние, в добрых четыре раза превышающее рост его обладателя.

Глюк был настолько поражен необыкновенным видом этого пожилого джентльмена, что, не говоря ни слова, продолжал смотреть на него,

пока, наконец, тот, исполнив дверным молотком еще один, на этот раз более энергичный концерт, не обернулся, чтобы подобрать свой развевающийся плащ. При этом он заметил маленького Глюка, который, высунувшись из окна, смотрел на него широко раскрытыми глазами.

— Эй, — крикнул старичок, — разве так полагается отвечать на стук путника? Я промок, впусти же меня.

Надо отдать должное этому джентльмену: он действительно промок. Перо от шляпы висело у него между ног, как хвост у побитой собаки, и по нему, как с зонтика, сбегала вода. Вода стекала и с его усов, попадая в карманы жилета, а оттуда дальше вниз — как ручей на мельнице.

— Простите, сэр, — ответил Глюк, — мне очень жаль, но я не могу.

— Не можешь — что? — спросил пожилой джентльмен.

— Не могу впустить вас, сэр. Никак не могу. Мои братья избили бы меня до смерти, если бы я даже помыслил о чем-то подобном. А что вы хотите, сэр?

— Что хочу? — нетерпеливо переспросил пожилой джентльмен. — Хочу погреться и посушиться. Смотри, как ярко горит твой камин, как трещит

и пляшет на стенах огонь, — но никто около него не греется. Впусти же меня, я хочу только посидеть у огня.

Глюк простоял, высунув голову в окно, уже довольно долго, и сам почувствовал, что на улице действительно очень холодно, а когда обернулся и увидел огонь в камине, сердце у мальчика дрогнуло и ему стало жаль, что он горит впустую.

«Этот джентльмен и правда очень промок, — сказал он себе, — впущу его на четверть часа». Глюк подошел к двери и открыл её. Путник вошел, и вместе с ним в дом ворвался порыв ветра, от которого задрожали старые стены.

— Ну, вот и молодец, — похвалил гость мальчика. — А братьев не бойся. Я поговорю с ними.

— О, сэр, не надо, пожалуйста, не надо! — воскликнул Глюк. — Вам нельзя оставаться до их прихода, это было бы для меня смертью.

— Бедняга, — посочувствовал старичок. — Мне больно слышать это. Так сколько времени могу я здесь провести?

— Пока не поджарится баранья нога, а она уже очень румяная.

Услышав это, гость прошел в кухню и уселся на расположенную над камином полку. Верхушку своей шляпы он просунул в дымоход, потому что

расстояния до потолка ей явно не хватало.

— Вы быстро там высохнете, сэр, — сказал Глюк и снова сел вертеть баранью ногу. Однако старик не просто обсыхал, а скорее исторгал из себя воду, которая капала из каждой складки его плаща и падала — кап, кап, кап — прямо на раскаленные угли, отчего огонь шипел и пускал клубы дыма, — ему действительно приходилось туго.

В конце концов, спустя четверть часа, глядя, как вода растекается по полу длинными, стремительными ручейками, Глюк воскликнул:

— Простите, сэр! Может быть, вы снимете плащ?

— Нет, спасибо, — ответил старичок.

— А шляпу, сэр?

— Спасибо, она мне не мешает, — последовал довольно резкий ответ.

— Но… сэр… простите… сэр, — нерешительно начал Глюк, — но, честное слово, сэр… вы… гасите огонь.

— Что ж, придется баранине пожариться чуть дольше, — сухо ответил гость.

Глюк был немало удивлен таким поведением гостя, в котором странным образом сочетались высокомерие и застенчивость. Мальчик отвернулся и еще пять минут задумчиво смотрел на

подвешенное мясо.

— На вид баранья нога очень аппетитна, — наконец промолвил старичок. — Не мог бы ты отрезать мне кусок?

— О нет, сэр, это невозможно, — ответил Глюк.

— Я очень голоден, — продолжал старик. — Я ничего не ел ни вчера, ни сегодня. Не может быть, чтобы им стало жалко одного кусочка от этой ноги.

Он говорил таким печальным тоном, что совсем разжалобил сердце Глюка.

— Сегодня братья обещали один кусочек мне, — сказал он, — и я могу дать его вам, но только один, не больше.

— Ну, вот и молодец! — воскликнул старичок.

Глюк нагрел тарелку и заточил нож. «Ну и пусть меня побьют», — подумал он. И только он отрезал от бараньей ноги большой кусок, как в дверь заколотили. Старик быстро соскочил с полки, как будто ему вдруг стало горячо. Глюк приложил отрезанный кусок обратно, тщетно пытаясь сделать так, чтобы ничего не было заметно, и побежал открывать дверь.

— Чего ради мы из-за тебя должны мокнуть под дверьми! — с порога крикнул Шварц, запустив в голову Глюка зонтом.

— Действительно, чего ради, ты, маленький бездельник? — подхватил Ганс, огрев Глюка по уху в качестве воспитательной меры, и прошел за братом в кухню.

— Господи помилуй! — воскликнул Шварц, открыв дверь.

— День добрый, день добрый, — говорил старичок, который снял шляпу и стоял в центре комнаты, отвешивая частые поклоны.

— Это кто? — спросил Шварц, схватив скалку и повернувшись к Глюку со свирепым видом.

— Я не знаю, братец, правда, не знаю, — ответил Глюк, сильно испугавшись.

— Как он сюда вошел? — гремел Шварц.

— Братец! Дорогой! — с горечью ответил Глюк. — Он был насквозь, насквозь мокрый!

Скалка уже опускалась на голову мальчика, когда старик неожиданно подставил свою шляпу, о которую скалка сломалась, а из шляпы полилась вода и залила всю комнату. Но самым удивительным было то, что не успела скалка коснуться шляпы, как тут же вырвалась из руки Шварца и, кружась, словно соломинка, подхваченная ветром, упала в дальний угол комнаты.

— Кто вы такой, сэр? — строго спросил Шварц, обращаясь к гостю.

— И что вам здесь надо? — прорычал Ганс.

— Я бедный старик, — смиренно начал маленький человечек. — Я увидел в окне огонь и попросил впустить меня погреться на четверть часа.

— Тогда не откажите в любезности выйти так же, как вошли, — сказал Шварц. — Из вас вылилось уже достаточно воды, а мы не хотим превращать свою кухню в хлев.

— Как вы можете выгонять старика из дому в такой холодный день, сэр? Посмотрите на мои седые волосы.

Они, как уже было сказано, спускались ему ниже плеч.

— Что ж, — сказал Ганс, — их достаточно, чтобы вас согреть. Убирайтесь!

— Но я очень голоден, сэр. Не могли бы вы дать мне кусок хлеба, прежде чем я уйду?

— Хлеба! Еще чего? — воскликнул Шварц. — А то нам со своим хлебом больше делать нечего, как раздавать его таким красноносым бродягам!

— Почему бы вам не продать свое перо? — ехидно спросил Ганс. — А теперь вон! Вон!

— Еще секунду, — сказал старичок.

— Чтоб и духу твоего тут не было? — крикнул Шварц.

— Пожалуйста, джентльмены…

— Ах, чтоб тебя! Вон! — снова крикнул Ганс, хватая старика за ворот. Но едва он это сделал, как кубарем полетел вслед за скалкой и упал на нее. Это очень разозлило Шварца, который бросился к старику с намерением выставить его, но и он, едва коснувшись старого джентльмена, был отброшен в тот же угол, где уже лежали скалка и Ганс, и, сильно ударившись головой о стену, упал рядом с ними.

Затем старик завертелся волчком и вертелся до тех пор, пока его длинный плащ полностью не обернулся вокруг него, потом он нахлобучил шляпу, причем довольно криво, потому что стоять прямо ей мешал потолок, сделал еще один завиток на своих похожих на штопор усах и с абсолютным спокойствием произнес:

— Джентльмены, я с вами прощаюсь. Сегодня в полночь я вернусь, и вас, вероятно, не удивит после столь плохого приема, какой вы мне оказали, что это будет мой последний визит.

— Только попадись мне еще, — несколько испуганно пробормотал Шварц, выходя из угла, но не успел он закончить фразы, как старик с силой захлопнул за собой дверь, и в то же мгновение за окном промелькнул какой-то рваный сгусток об-

лака, который, постоянно меняя форму, крутясь, вращаясь и переворачиваясь в воздухе, пронесся над долиной и пролился дождем где-то вдали.

— Нечего сказать, хорошенькое дельце, мистер Глюк! — воскликнул Шварц. — Разложи мясо на тарелки. Если я еще раз поймаю тебя на чем-нибудь подобном… О, что это? Мясо уже кто-то резал!

— Ты же сам обещал мне один кусок, братец, — сказал Глюк.

— И ты решил отрезать его, пока мясо не остыло, чтобы забрать себе весь сок? Теперь тебе придется долго ждать, прежде чем я пообещаю что-нибудь подобное снова. Будь любезен выйти из комнаты и посидеть в угольном подвале, пока я тебя не позову.

Глюк вышел из комнаты в подавленном состоянии. Братья наелись мяса, спрятали остатки в буфет и принялись за вино. Они пили до тех пор, пока окончательно не опьянели.

Ночь выдалась ужасной! Выл ветер, непрерывно хлестал ливень. Перед сном братья всё же сообразили опустить все ставни да задвинуть второй засов. Обычно они спали в одной комнате. Когда часы пробили двенадцать, братьев разбудил страшный грохот. Дверь распахнулась

с такой силой, что весь дом заходил ходуном.

— Что это? — вскричал Шварц, вскакивая с постели.

— Всего лишь я, — ответил их недавний гость.

Братья сели на спинку кровати и уставились в темноту. Комната была вся залита водой, и в свете тусклого луча, пробившегося сквозь щель в ставне, Шварц и Ганс увидели огромный пенный шар, который вращался и прыгал вверх и вниз, как пробка, и на этом шаре, словно на удобной подушке, полулежал знакомый старик в шляпе и плаще. Только шляпа теперь сидела прямо, потому что крыша дома была снесена и ей ничто не мешало.

— Простите за беспокойство, — насмешливо сказал посетитель. — Боюсь, что ваши постели намокли. Возможно, вам было бы лучше перейти в комнату вашего брата, — в ней я оставил потолок.

Ему не пришлось повторять совет дважды, потому что, насквозь мокрые, братья в великом страхе бросились в комнату Глюка.

— Мою визитную карточку вы найдете на столе! — крикнул им вслед старичок. — И помните — это мой последний визит.

— Дай-то бог, — пролепетал Шварц, чувствуя

мурашки по всему телу. Пенный шар исчез.

Наконец настал рассвет, и двое братьев, выглянув из окошка крошечной комнатки Глюка, окинули глазом долину. Их взору предстала картина полного разорения и опустошения. Наводнение смыло все деревья, посевы, скот и вместо них нанесло кучи красного песку и серой глины. Пораженные ужасом, братья медленно перешли в кухню. Вода опустошила весь первый этаж, унесла зерно, деньги, все, что только могла, и лишь на столе виднелась маленькая белая карточка. На ней большими, удлиненными буквами было написано:

ЮГО-ЗАПАДНЫЙ ВЕТЕР, ЭСКВАЙР

ГЛАВА 2,
повествующая о том, что делали три брата после визита Юго-Западного Ветра, эсквайра, и о том, как маленький Глюк поговорил с Королем Золотой Реки

Юго-Западный Ветер, эсквайр, своё слово сдержал. После непродолжительного визита, о котором было рассказано выше, он навсегда покинул Долину Богатств и, что намного хуже, убедил сделать то же самое своих родственников, Дождевые Ветры, среди которых он пользовался

большим авторитетом. Поэтому за весь следующий год в долине не выпало ни одной капли дождя. Внизу, на равнине, зеленели поля и цвели сады, а наследственные владения Трех Братьев стали похожи на пустыню. Та самая почва, которая раньше была самой плодородной во всем королевстве, теперь превратилась в горы красного песка, и братья, будучи более не в состоянии спорить с враждебными небесами, в отчаянии бросили землю своих отцов и отправились искать средства к существованию в большие города на равнине. Все их имущество погибло, осталось лишь несколько причудливых предметов из старинного золотого сервиза — все, что сохранилось от их неправедно нажитого богатства.

— Не сделаться ли нам ювелирами? — предложил Шварц Гансу, когда они входили в большой город. — У ювелира много возможностей мошенничать: мы сможем добавлять изрядное количество меди в наше золото, да так, что никто и не заметит.

Мысль эта обоим понравилась. Братья одолжили на время плавильную печь и сделались ювелирами. Однако два небольших обстоятельства мешали успеху их предприятия. Во-первых, покупателям не очень-то нравилось золото с мед-

ным отливом, а во-вторых, старшие братья, как только им удавалось что-то продать, оставляли маленького Глюка следить за печью, а сами «шли пропивать вырученные деньги в ближайшую пивную. Так они переплавили все имевшееся у них золото, не скопив денег на покупку нового, и в конце концов у них осталась только одна кружка, которая когда-то была подарена маленькому Глюку его дядей и которую мальчик очень любил. Он не расстался бы с ней ни за что на свете, хотя пил из нее только молоко и воду. Кружка эта была не совсем обычная. Её ручку образовывали две пряди струящихся золотых волос, так тонко сработанных, что казалось — это совсем не металл, а шелк. Внизу пряди переходили в бороду и бакенбарды столь же тонкой работы, которые обрамляли свирепое крошечное лицо из чистейшего золота, расположенное прямо перед самой кружкой. Особенно выделялись глаза, которые возвышались над ободком кружки. Когда кто-нибудь пил из нее, то не мог избежать пристального взгляда этих глаз, а Шварц даже клятвенно утверждал, что однажды, в семнадцатый раз опорожняя кружку с рейнским вином, он заметил, как один глаз ему подмигнул! Поэтому, когда кружке подошел черед идти на переплавку,

у бедного маленького Глюка чуть не разорвалось сердце: братья же лишь посмеялись над ним, бросили кружку в плавильный тигель и, покачиваясь, побрели в пивную, как всегда поручив Глюку разлить золото в формы, когда оно расплавится.

Проводив братьев, Глюк бросил прощальный взгляд на тигель, где плавился его друг. Струящиеся волосы уже исчезли, и оставался только красный нос да блестящие глаза, глядевшие еще более злобно, чем обычно. «Ничего удивительного, — подумал Глюк, — когда с тобой так обращаются».

Опечаленный Глюк медленно побрёл к окну и сел подышать свежим вечерним воздухом, подальше от горячего дыхания печи. Из этого окна открывался вид на цепи гор, которые окружали Долину Богатств, и особенно хорошо была видна скала, с которой низвергалась Золотая Река.

День как раз клонился к закату, и, сидя у окна, Глюк видел, как вершины гор окрасились в багровые и малиновые тона, как среди этих вершин горели и подрагивали яркие языки огненных облаков, как река, все затмевая своим сиянием, трепещущим золотым столбом низвергалась с уступа на уступ и багряная радуга, раскинувшая

над ней свою широкую арку, то вспыхивала, то угасала в гирляндах водяных брызг.

— Ах! — громко вздохнул Глюк, не отрывая взгляда от реки. — Как было бы хорошо, если бы река и вправду была из золота.

— Вовсе нет, Глюк, — сказал звонкий металлический голос где-то рядом.

— О боже! Что это? — воскликнул Глюк, вскакивая. Нигде никого не было. Он осмотрел всю комнату, заглянул под стол, много раз оборачивался и смотрел у себя за спиной, но нет, конечно же, никого нигде не было, и он снова сел к окну. Теперь он молчал, но продолжал думать о том же: как было бы удобно, если бы река и вправду была из золота.

— Вовсе нет, малыш, — раздался тот же голос. На этот раз он звучал громче.

— Боже! Что же это? — снова воскликнул Глюк. — Он оглядел все углы, обшарил буфет, затем встал посреди комнаты и завертелся волчком со всей скоростью, на какую был способен, — полагая, что, может, кто-то прячется у него за спиной, когда тот же голос в третий раз донесся до его слуха. На этот раз голос весело напевал «Лала-лира-ла» — мелодию без слов, плавную, но бурную, немного похожую на ту, что исполняет

закипающий чайник. Глюк выглянул в окно. Нет, голос раздавался откуда-то из дома. Может быть, с чердака или из подвала? Нет, источник звука несомненно находился в этой самой комнате, причем звук становился все громче, все отчетливей: «Лала-лира-ла». Вдруг Глюк понял, что около печи звук громче. Он подбежал к ней и, заглянув внутрь, понял, что звук исходит не просто из печи, а из тигля. Он откинул крышку и в ужасе отскочил, потому что тигель действительно пел! Минуту-другую Глюк стоял в самом дальнем углу комнаты, открыв рот и подняв руки к лицу, затем пение резко оборвалось и он услышал отчетливо произнесенные слова.

— Эгей! — позвал голос,

Глюк молчал.

— Эгей, Глюк, малыш, — снова позвал тигель.

Глюк собрал всю свою волю, подошел прямо к тиглю, достал его из печи и заглянул внутрь. Золото все расплавилось, его поверхность была гладкой и отполированной, как поверхность реки, но в ней не отражалась склоненная головка маленького Глюка, а откуда-то из глубины выглядывали колючие глаза и красный нос его старого приятеля с кружки, только в тысячу раз более колючие и красные, чем когда либо прежде.

— Подойди сюда, Глюк, малыш, — еще раз позвал голос из тигля. — Я в полном порядке, вылей же меня отсюда!

Но Глюк был настолько поражен, что не мог двинуться с места.

— Выливай же меня, выливай! — повторил голос довольно грубо.

Глюк все не мог пошевелить ни рукой, ни ногой.

— Да выльешь ты меня, в конце концов, или нет? — вспылил голос. — Мне здесь жарко.

Огромным усилием воли, обретя способность двигаться, Глюк взял тигель и наклонил его, чтобы вылить золото. Но вместо потока расплавленного металла оттуда сначала свесилась пара изящных, маленьких желтых ножек, затем появились полы камзола, согнутые в локтях руки и наконец — хорошо знакомая голова его друга с кружки. По мере появления все части тела приставали одна к другой, и вот на полу уже стояла решительная фигурка золотого карлика, ростом не более полутора футов.

— Все в порядке, — сказал карлик, сгибая и разгибая сначала ноги, потом руки, потом качая головой вверх, вниз и вбок, насколько позволяла шея, и так пять минут подряд не останавливаясь,

очевидно желая удостовериться, что его сложили как надо, а Глюк все это время разглядывал его в немом изумлении. Карлик был одет в золотой с разрезами камзол столь тонкой выделки, что он переливался всеми цветами радуги, словно перламутр. Его волосы и борода волнами ниспадали до пояса. Они были такими мягкими и нежными, что Глюк никак не мог определить, где они кончались: казалось, будто они тают в воздухе. Зато лицо карлика мягкостью совсем не отличалось, его цвет немного приближался к цвету меди, а черты были весьма грубыми и явно указывали на очень упрямый и несговорчивый нрав их крохотного владельца.

Осмотрев себя, карлик обратил взгляд маленьких колючих глаз на Глюка и минуту-другую пристально, в упор разглядывал его.

— Нет, вовсе нет, Глюк, малыш, — произнес маленький человечек.

Спору нет, разговор, поддерживаемый таким способом, был слишком уж отрывочным и бессвязным. Вполне возможно, что эти слова были произнесены в ответ на невысказанные мысли Глюка, которые и вызвали первые реплики карлика из тигля. Как бы то ни было, Глюк не имел ни малейшего желания возражать ему.

— Вовсе нет, сэр? — мягко и смиренно переспросил мальчик.

— Нет, — повторил карлик, ставя последнюю точку. — Вовсе нет.

С этими словами карлик покрепче натянул на голову шляпу и три раза прошелся взад и вперед по комнате, три фута туда и три фута обратно, высоко поднимая ноги и с силой опуская их на пол. За это время Глюк успел немного собраться с мыслями, так что, не видя особой причины бояться этого крохотного существа и чувствуя, что любопытство побеждает изумление, отважился задать чрезвычайно щекотливый вопрос.

— Простите, сэр, — сказал Глюк в сильном замешательстве, — вы были моей кружкой?

Услышав это, человечек резко обернулся, подошел вплотную к мальчику и вытянулся в полный рост.

— Я — Король Золотой Реки, — сказал он. Потом он повернулся и вновь принялся шагать по комнате — шесть футов туда, шесть футов обратно, шесть туда, шесть обратно, — чтобы дать своему собеседнику время избавиться от ужаса, который должно было вызвать подобное заявление. Потом он опять подошел к Глюку и остановился, словно ожидая, что тот скажет.

Глюк понял, что молчать неучтиво.

— Надеюсь, Ваше Величество чувствует себя хорошо? — произнес он.

— Слушай! — воскликнул карлик, не удостоив ответом вежливый вопрос мальчика. — Я — Король Реки, которую вы, смертные, называете Золотой. Злой и могущественный волшебник заколдовал меня и превратил в кружку, и от этих чар ты только что освободил меня. Я успел хорошо узнать тебя и твоих жестоких старших братьев, и мне хочется отплатить тебе добром.

Внимай же моим словам! Если кто-то взойдет на вершину горы, откуда берет начало Золотая Река, и выльет в её поток три капли из родника с живой водой, то для него, и только для него, река станет Золотой. Но помни: тот, кто отступил в первый раз, повторить попытку больше не сможет, тот же, кто выльет в реку нечестивую воду, будет поглощен ею и превратится в черный камень.

С этими словами Король Золотой Реки повернулся и шагнул прямо в печь, туда, где пламя бушевало сильнее всего. Его маленькая фигурка накалилась, потом побелела, стала прозрачной, светящейся и, превратившись в сплошной поток огненного света, поднялась, задрожала и исчезла.

Король Золотой Реки пропал.

— Ой! — закричал бедняга Глюк, заглянув в дымоход. — О, боже мой, боже мой! Кружка! Моя кружка!

ГЛАВА 3,
рассказывающая о том, как мистер Ганс отправился в экспедицию к Золотой Реке и как он был вознагражден

Не успел Король Золотой Реки удалиться тем необычным способом, о котором было рассказано в предыдущей главе, как в дом шумно ввалились Ганс и Шварц, смертельно пьяные. Обнаружив пропажу золотой кружки, они несколько протрезвели и стали нещадно избивать Глюка. Проведя за этим занятием минут пятнадцать, братья, обессилев, повалились на стулья и стали допытываться у него, что он может сказать в свое оправдание. Глюк рассказал им все как было, но они, естественно, не поверили, ни одному его слову и снова принялись избивать его, пока силы окончательно не покинули их: тогда они поплелись спать. Однако упорство, с каким Глюк и утром повторял свой рассказ, заставило их отнестись к его словам с большим доверием, и в результате между братьями разгорелся долгий

спор относительно того, кому же из них первому следует испытать свое счастье. Не найдя ответа на столь трудный вопрос, они схватились за мечи и стали драться. На шум сбежались соседи, которые, поняв, что своими силами им дерущихся не разнять, послали за констеблем. Ганс, услышав об этом, ухитрился сбежать и спрятаться, Шварца же отвели к мировому судье и оштрафовали за нарушение спокойствия, а поскольку последние деньги он пропил накануне, его посадили в тюрьму, пока он не расплатится.

Узнав об этом, Ганс чрезвычайно обрадовался и решил отправиться к Золотой Реке немедленно. Трудность состояла в том, как достать воду. Он обратился к служителю, который следил за родником, но тот наотрез отказался дать воду столь отъявленному негодяю. Тогда Ганс изловчился и украл полный сосуд воды, после чего торжествующе вернулся домой.

На следующее утро он встал чуть свет, перелил воду в надежную флягу, положил в мешок две бутылки вина и немного мяса, перебросил его через плечо, взял горный посох и отправился в горы.

По пути из города Гансу пришлось идти мимо тюрьмы, и, скользя взглядом по её окнам, он увидел, как сквозь решетки одного из них с

безутешным видом смотрит не кто иной, как Шварц.

— Доброе утро, братец! — крикнул ему Ганс. — Не хочешь ли чего передать Королю Золотой Реки?

Шварц от ярости заскрежетал зубами и стал что было силы трясти оконную решетку, а Ганс лишь рассмеялся в ответ, посоветовав брату устроиться поудобней, ожидая его возвращения, взвалил на плечи мешок, потряс у Шварца перед носом флягой, пока вода в ней не вспенилась, и поспешил дальше в наилучшем расположении духа.

В такое утро любой человек почувствовал бы себя счастливым, даже если бы его и не ожидала впереди Золотая Река. В долине лежал слоистый, влажный туман, над ней возвышались громады гор. Их ближние отроги неясными тенями едва различались в поднимающихся испарениях, но чем выше были горы, тем больше они притягивали света, и вот среди хаоса скал появились яркие красноватые пятна солнца, которое длинными, почти горизонтальными лучами пронизывало частокол сосен. Еще выше громоздились разрозненные массивы зубчатых скал, искромсанных и раздробленных, которые образовывали причудливые фигуры; то тут, то там белела полоска

освещенного солнцем снега, зигзагообразной молнией сбегающая вниз по дну ущелья, — а намного дальше и намного выше всего этого, среди синего неба, спали высочайшие пики вечного снега, столь же расплывчатые, как утренняя дымка, но более чистые и неизменные.

Золотая Река, берущая начало в невысоких, свободных от снега скалах, сейчас почти вся лежала в тени. До солнца доставали лишь высоко взлетавшие россыпи водяной пыли, которая неторопливым дымком поднималась над волнующимся потоком и легким облачком уносилась утренним ветром.

К ней, и только к ней, были прикованы взгляд и мысли Ганса; забыв о расстоянии, которое ему предстояло преодолеть, он пустился безрассудно скорым шагом и успел сильно устать, не поднявшись даже на первую гряду низких, покрытых зеленью скал. Одолев эту гряду, он увидел, что между ним и истоком Золотой Реки лежит широкий ледник, о существовании которого он и не подозревал. Это его удивило, поскольку он хорошо знал эти горы. Ганс ступил на ледник с уверенностью бывалого альпиниста, но всё же подумал, что никогда в жизни он еще не ходил по столь необычному и опасному льду. Он был

чрезвычайно скользким, и из расселин доносились звуки несущейся воды — не низкие и монотонные, а громкие и все время меняющиеся: то поднимающиеся до нестройных пассажей бурной музыки, то распадающиеся на короткие грустные ноты, похожие на внезапные вскрики человека — крики боли и отчаяния. Лед крошился на тысячи кусочков, которые принимали самые причудливые формы, но Ганс заметил, что ни один из них не похож на обычный осколок льда. Их очертания напоминали искаженные презрением человеческие лица. Мириады предательских теней и мертвенно-бледных огней струились и вились вокруг голубоватых вершин, слепя глаза и мешая идущему, а от плеска и гула невидимых вод притуплялся слух и кружилась голова. С каждым новым шагом эти кошмары только усиливались. Лед крошился, новые пропасти разверзались под ногами, горные пики, казалось, утратили устойчивость, они со всех сторон раскачивались над головой взад-вперед и с грохотом падали посреди тропы. Хотя Ганс уже сталкивался с подобными опасностями в горах, причем погода была много хуже теперешней, гнетущее чувство панического страха он впервые ощутил именно теперь, когда прыгал

через последнюю расселину и потом в полном изнеможении лежал на скале.

Гансу пришлось еще на леднике выбросить мешок с едой, который грозил ему опасностью, и теперь, чтобы освежиться, он был вынужден откалывать и сосать кусочки льда. Это утолило жажду, и, когда после часового отдыха его тело вновь обрело силы, Ганс, подгоняемый неистребимой алчностью, продолжил нелегкий путь.

Теперь он шел по самому краю обнаженных красных скал. Вокруг не было ни травинки, чтобы облегчить его шаг, ни какой-нибудь высокой скалы, чтобы в её тени спрятаться от южного солнца. Время перевалило за полдень, прямые лучи солнца били по крутому склону, воздух накалился и оставался недвижим. К усталости, которая снова мучила Ганса, добавилась сильная жажда. Он вновь и вновь смотрел на фляжку с водой, висевшую на поясе. «Ведь надо всего лишь три капли, — подумал он наконец. — По крайней мере, я могу смочить себе губы».

Он открыл фляжку и уже поднес её к губам, когда случайно увидел, что рядом на скале что-то лежит. Гансу даже показалось, что этот предмет шевельнулся. Это была маленькая собака. Выло видно, что она умирает от жажды. Она безжиз-

ненно распласталась, вытянув лапы, открыв пасть, высунув сухой язык. Множество муравьев ползало по её морде и шее. Собака не сводила глаз с фляжки в руке Ганса, но он поднес её ко рту, отпил, пнул собаку ногой и пошел дальше. II вдруг ему показалось, хотя он не мог бы объяснить почему, будто какая-то странная тень пронеслась по ясному небу.

Дорога с каждым шагом становилась все более крутой и изрезанной, а высокогорный воздух, вместо того чтобы освежать, бросал в жар, отчего казалось, будто кровь в жилах закипала. Шум горных потоков звучал в ушах как насмешка: вода была далеко, а жажда росла с каждой секундой. Прошел еще час, и Ганс снова посмотрел на флягу у пояса. Она была уже наполовину пуста, но всё же в ней оставалось еще много больше необходимых трех капель. Ганс остановился попить, и снова, едва собравшись сделать глоток, почувствовал, как рядом на скале кто-то шевельнулся. На камнях, безжизненно вытянувшись, лежал белокурый малыш, грудь его вздымалась и опускалась от жажды, губы запеклись и были сухие, глаза закрыты. Ганс неторопливо оглядел ребенка, отпил из фляги и пошел вперед. Темно-серое облако заслонило солнце, а по склонам гор

змеями поползли длинные тени. Ганс, напрягая последние силы, шел вперед. Солнце садилось, но его заход не нес с собой прохлады. Горячий воздух свинцовой тяжестью давил на лоб и грудь, но цель была близка.

Ганс видел, как Золотая Река низвергалась со склона горы примерно в пятистах футах от него. Он на мгновение остановился перевести дыхание и бросился к заветной цели.

В эту секунду до его слуха донесся слабый вскрик. Он обернулся и увидел седого старика, распростертого на скале. Глаза его ввалились, лицо было мертвенно-бледным, и на нем застыло выражение отчаяния.

— Пить! — еле слышно прошептал он. — Пить! Я умираю.

— Нет у меня воды, — ответил Ганс. — Ты свое уже пожил.

Он прошел мимо лежащего тела и ринулся вперед. Вспышка голубой молнии, по своим очертаниям напоминающей меч, блеснула на востоке, три удара грома сотрясли небо, и на землю опустилась тяжелая, непроницаемая мгла. Солнце садилось, подобно раскаленному шару скрываясь за горизонтом.

Рев Золотой Реки заглушал все звуки. Ганс сто-

ял у края ущелья, по которому текла Золотая Река. Её волны отражали алое великолепие заката, их гребни вздымались подобно языкам пламени, и в белой пене мерцали вспышки кроваво-красного света. Гансу казалось, что рев реки становится все сильнее и сильнее, от этого непрерывного грохота закружилась голова. Содрогаясь, он вытащил фляжку и бросил её на середину реки; но как только она коснулась воды, ледяной холод сковал все тело Ганса. Он пошатнулся, вскрикнул и упал. Вода заглушила его крик, и к небу взлетели лишь её жалобные причитания, когда она перекатилась через ЧЕРНЫЙ КАМЕНЬ.

ГЛАВА 4,
повествующая о том, как мистер Шварц отправился в экспедицию к Золотой Реке и что он за это получил

Сидя дома один, бедный Глюк с волнением ожидал возвращения Ганса. Увидев, что того все нет, он ужасно испугался и отправился в тюрьму к Шварцу. Узнав, что Ганс не вернулся, Шварц очень обрадовался и сказал, что тот наверняка был превращен в черный камень, и что именно он, Шварц, заберет все золото себе. Глюк же сильно горевал и проплакал всю ночь. Встав

поутру, он обнаружил, что в доме нет ни хлеба, ни денег, поэтому он пошел и нанялся на работу к ювелиру.

Глюк работал так старательно, ловко и подолгу каждый день, что вскоре скопил деньги, необходимые, чтобы заплатить штраф за брата, и отнес их в тюрьму, так что Шварц смог выйти на свободу. Шварц остался очень доволен и пообещал дать Глюку часть золота, которое он добудет у Золотой Реки. Глюк же хотел только одного: узнать, что случилось с Гансом.

Когда Шварц узнал, что воду Ганс выкрал, он подумал, что Королю Золотой Реки это едва ли могло показаться достойным, и решил действовать более хитро. Он взял еще немного денег у Глюка, нашел нечестного служителя родника и купил у него полный сосуд живой воды. Теперь-то, думал Шварц, все в полном порядке.

На следующее утро он встал до восхода солнца, бросил в мешок краюху хлеба и бутылку вина, перелил воду во флягу и отправился в горы. Как и его брат, он был немало удивлен, увидев на пути ледник, и лишь с огромным трудом смог его преодолеть, хотя и сбросил мешок в самом начале пути. День был безоблачный, но не очень светлый: на небе висела какая-то багряная мгла, и горы выглядели хмурыми и потемневшими. Когда Шварц карабкался по крутой горной тропе, он, как раньше его брат, почувствовал сильную жажду и решил испить немного из фляги. В это мгновение он увидел, что рядом на камнях лежит белокурый малыш, который плачет и просит пить.

— Как бы не так. Мне и самому-то мало, — ответил Шварц и пошагал дальше. Но при этом ему показалось, будто лучи солнца потускнели, а на западе он увидел низкие черные тучи, выплывавшие из-за горизонта. Шварц еще час карабкался по скалам, когда жажда снова овладела им, и он решил отпить еще немного. Но в этот момент он заметил старика, лежащего прямо на тропе, и услышал, как тот просит воды.

— Как бы не так, — буркнул Шварц. — Мне и самому мало.

С этими словами он пошел дальше. И снова ему показалось, будто перед глазами померк свет, и посмотрев на небо, он увидел, как солнце заволокла кровавая дымка, как черные тучи захватили полнеба, как их края сердито вздымались и опускались, подобно грозным морским валам, отбрасывая длинные тени на тропу, по которой шел Шварц.

Он взбирался по скалам еще час, и снова в нем проснулась жажда; и в тот момент, как он поднял флягу к губам, ему почудилось, что на тропе он видит своего брата Ганса, в изнеможении лежащего перед ним.

Пока он его разглядывал, тот простер к нему руки и попросил воды.

— Ха-ха-ха, — рассмеялся в ответ Шварц, — так вот ты где! Вспомни-ка тюремное окно, братец. Воды ему! По-твоему, я только для тебя и нес её сюда?

Он перешагнул через лежащее тело, но при этом ему показалось, что на губах Ганса появилась какая-то странная насмешливая улыбка. Пройдя несколько ярдов, Шварц оглянулся, но на тропе уже никого не было*

Внезапно Шварцем овладел какой-то бессознательный ужас, но жажда золота возобладала над

ним, и Шварц ринулся вперед. Черные тучи стояли уже над головой, из них били косые молнии, а в промежутках между вспышками снова и снова накатывали волны темноты, закрывая все вокруг. Само небо в лучах заходящего солнца окрасилось красным и стало похоже на кровавое озеро, и с него налетал ветер, разрывая багряные облака на части и забрасывая их в самую гущу тьмы. Когда Шварц стоял у обрыва Золотой Реки, её волны были черны, как грозовые облака, а пена словно горела огнем; и когда он швырнул в волны флягу, рев бурлящей реки слился с раскатами грома над головой, молния ослепила ему глаза, земля провалилась под ногами и воды заглушили последний крик. К небу взлетали лишь жалобные причитания реки, когда она перекатывалась через ДВА ЧЕРНЫХ КАМНЯ.

Глава 5,
рассказывающая о том, как Глюк отправился в экспедицию, о том, что он за это получил, а также о ряде других любопытных вещей

Видя, что Шварц не вернулся, Глюк сильно опечалился и не знал, что же ему делать. Денег у него совсем не осталось, и ему пришлось снова идти наниматься к ювелиру, который заставлял

его работать очень много, а платил очень мало. Так что спустя месяц-другой Глюк выбился из последних сил и решил пойти попытать счастья к Золотой Реке. «Этот король-крошка выглядел очень добрым, — думал он. — Вряд ли он станет превращать меня в черный камень». Итак, он отправился к роднику, и там ему охотно дали сосуд воды. Глюк положил в мешок хлеба, бутылку воды и на рассвете отправился в горы.

Если ледник порядком измотал и Ганса, и Шварца, которые были и сильнее Глюка, и более опытны в хождении по горам, то маленький Глюк на леднике устал в двадцать раз больше братьев. Несколько раз он падал, потерял мешок с едой. Его сильно пугал странный шум подо льдом. Преодолев ледник, он долго отдыхал, лежа ничком на траве, и начал подниматься на последнюю гору в самое жаркое время дня. Через час он почувствовал нестерпимую жажду и собрался, подобно своим братьям, испить из фляги, когда увидел старика, который, опираясь на посох, еле плелся по тропе ему навстречу. Выглядел он очень слабым.

— Сынок, — позвал он. — Я теряю сознание от жажды. Дай мне попить из твоей фляги.

Глюк посмотрел на него, и увидев, какой тот

бледный и изможденный, протянул ему воду.

— Только, пожалуйста, не выпейте её всю, — попросил он.

Старик пил долго и вернул флягу на две трети пустой. Затем он пожелал мальчику скорейшего завершения его дела, и Глюк весело зашагал вперед. Идти ему стало легче, на тропе появились отдельные травинки, кругом стали стрекотать кузнечики, и Глюк подумал, что никогда еще он не слышал такой чудесной музыки.

Маленький Глюк шел еще один час, и жажда настолько измучила его, что он понял: ему не удержаться, сейчас он достанет фляжку и попьет. Но, уже поднеся её к губам, он заметил малыша, который лежал у тропы, тяжело дыша, и жалобно просил пить. Глюк переборол собственную жажду и набрался решимости потерпеть еще немного. Он поднес флягу к губам ребенка, и тот выпил воду почти до дна, оставив лишь несколько капель. Затем ребенок улыбнулся Глюку, поднялся и побежал с горы вниз, а Глюк все смотрел ему вслед, пока тот не превратился в маленькую точку, размером со звездочку на небе, а затем повернулся и снова полез вверх. И скалы зазеленели молодым мхом, распустились всевозможными нежными цветами: среди них были и бледно-розовые мар-

гаритки и мягкие горечавки, более голубые, чем само голубое небо, и совершенно белые, словно прозрачные, лилии. Там и тут порхали лиловые и малиновые бабочки, а с неба струился такой чистый свет, что Глюка охватил прилив счастья, какого он не испытывал ни разу в жизни.

Однако через час Глюку снова мучительно захотелось пить, но, заглянув во флягу, он увидел, что там осталось всего лишь пять-шесть капель, и не решился поднести её к губам. И когда он уже вешал флягу обратно на пояс, он заметил, что на камнях, тяжело дыша, лежит собака — та же, которую видел Ганс на своем пути к реке. Глюк остановился и посмотрел сначала на нее, потом на Золотую Реку, бегущую в пятистах ярдах от него. Он вспомнил слова карлика, что «никто не сможет повторить попытку дважды», и уже собирался пройти мимо собаки, когда она заскулила, да так жалобно, что Глюк снова остановился. «Бедное животное, — подумал он. — Если я не помогу ей сейчас — она умрет. Ей не дожить, пока я схожу к реке и вернусь». Глюк все пристальней и пристальней вглядывался в собачьи глаза, и они смотрели на него так скорбно, что мальчик не мог вынести этого взгляда.

— Будь проклят этот Король Золотой Реки со

всем своим золотом! — воскликнул он, открыл фляжку и вылил остатки воды в рот собаки.

Собака вскочила и встала на задние лапы. Её хвост исчез, уши выросли, стали блестящими, потом золотыми, нос тоже стал красно-золотым, а глаза засверкали, и через несколько секунд собака исчезла, а на её месте стоял старый знакомый Глюка, Король Золотой Реки собственной персоной.

— Спасибо, — поблагодарил он Глюка и тут же добавил: — Не бойся, я не сержусь, — потому что мальчика при появлении короля охватил ужас. Затем, карлик продолжил: — Что ж ты раньше не пришел ко мне сам вместо того, чтобы присылать своих негодяев-братьев? Мне еще пришлось тратить на них время, превращая их в черные камни. И уж камни получились тверже твердого, скажу я тебе.

— О, боже мой! — воскликнул Глюк. — Неужели вы и вправду так жестоко с ними поступили?

— Жестоко! — воскликнул карлик. — Они вылили в мою реку нечестивую воду, и уж не думаешь ли ты, что я буду такое терпеть?

— Почему нечестивую? — удивился мальчик. — Могу поручиться, сэр, — я хочу сказать, ваше величество, — они взяли воду из чудесного

источника, как вы и говорили.

— Очень может быть, — ответил карлик. — Но, — при этих словах его лицо приняло суровое выражение, — вода, которую не дали слабому и умирающему, — это нечестивая вода, будь она даже из чистейшего источника, а вода, отданная из сострадания, чиста, будь она даже осквернена трупами.

С этими словами карлик нагнулся и сорвал цветок, который рос у его ног. На белых лепестках блестели три капельки прозрачной росы. Глюк протянул флягу, и карлик стряхнул капельки в нее.

— Брось это в реку, — сказал он, — и спускайся с другой стороны гор в Долину Богатств. Да поспеши.

Пока карлик говорил, фигура его становилась все менее и менее отчетливой. Переливающиеся цвета его платья постепенно превращались в прозрачный столб ослепительного света, и несколько мгновений фигура Короля Золотой Реки оставалась словно занавешенной широкой лентой радуги. Но цвета поблекли, воздух наполнился легкой дымкой, и король исчез.

Глюк подошел к обрыву Золотой Реки. Ему открылась вода, прозрачная, как хрусталь, и

сверкающая, как солнце. И когда он бросил в поток флягу с каплями росы, то тут же в месте её падения образовался небольшой водоворот, в котором вода исчезала с мелодичным журчанием.

Некоторое время Глюк стоял, разглядывая реку с явным разочарованием, потому что она не только не, превратилась в золото, но как-то сразу сильно обмелела. Всё же он послушался совета своего друга карлика и стал спускаться с гор с другой их стороны, обращенной к Долине Богатств, и пока он шел, ему казалось, будто внизу он слышит шум воды, пробивающей себе подземный ход. Когда же наконец перед его взором открылась долина, он увидел, что река, похожая на Золотую, низвергается в долину с какого-то нового уступа скал и бесчисленными ручейками бежит меж потрескавшихся куч красного песка.

И Глюк увидел, как там, где пробежали ручейки, встает молодая зеленая трава, как вьющиеся растения тянутся и поднимаются над орошенной землей. По берегам реки неожиданно распустились бутоны цветов, словно звезды высыпали на быстро темнеющий небосвод, а густые кусты мирта и вьющиеся побеги виноградной лозы на глазах вырастали и отбрасывали все более и более длинные тени. Так Долина Богатств вновь

стала цветущим садом, и наследство, утраченное из-за жестокости, было вновь обретено силой любви.

И Глюк стал жить в этой долине. В его доме бедные люди всегда могли рассчитывать на помощь, так как его амбары были полны зерном, а дом — богатством.

Так для него слова карлика стали явью, а река — Золотой.

И поныне жители долины показывают то место, где три капли росы упали в воды реки, и прослеживают подземный путь Золотой Реки до её появления в Долине Богатств. А у самого истока Золотой Реки до сих пор лежат ДВА ЧЕРНЫХ КАМНЯ, вокруг которых день за днем жалобно журчит вода, и эти камни жители долины до сих пор называют

ЧЕРНЫЕ БРАТЬЯ.

Ф. БРАУН

БАБУШКИНО ВОЛШЕБНОЕ КРЕСЛО

Ф. Браун
Бабушкино волшебное кресло

В стародавние времена, когда землю еще населяли фен, жила маленькая девочка, такая белокурая и такая хорошенькая, что ее прозвали Снежный цветочек, или Снежинка, и лицо ее было столь же красиво, насколько добра была ее душа. Никто не слышал от нее худого слова, и рядом с ней и старым, и молодым становилось радостно и покойно.

В целом свете не было у нее ни одного родного человека, кроме старой бабушки по имени Заколюка. Госпожу Заколюку люди любили меньше, чем ее внучку, потому что порой бабуля бывала весьма сварлива. Правда, к своей внучке она всегда была добра. Они жили вдвоем в крошечном домике на опушке огромного леса. Стены домика были сложены из торфа, крыша покрыта тростником. Высокие деревья заслоняли домик от северного ветра, а полуденное солнце согревало его и придавало ему радостный вид; под крышей вили гнезда ласточки, а у порога густо цвели маргаритки, — но во всей стране не было никого беднее Снежинки и ее бабушки. Все их добро

было кот да две курочки-несушки, постелью им служила сухая трава, а из мебели у них было одно только большое кресло на колесиках, с обитым черным бархатом сиденьем и резной дубовой спинкой, украшенной затейливыми фигурками оленей и цветами.

На этом кресле с утра до ночи сидела госпожа Заколюка и пряла пряжу, чтобы заработать себе и внучке на жизнь, пока Снежинка ходила за дровами, присматривала за курами с котом и выполняла множество других поручений бабушки. Во всем графстве никто не умел прясть такую тонкую пряжу, как госпожа Заколюка, но работала она очень медленно. Ее прялка была такой же древней, как она сама, только еще дряхлее: было удивительно, как она вообще не разваливается на части. Поэтому денег бабушка и внучка выручали немного и жили очень скромно. Девочка, однако, совсем не страдала от отсутствия изысканных обедов и богатых одежд. Каждый вечер, когда она растапливала печь припасенными днем дровами и огонь начинал потрескивать и завивать в трубе, бабушка останавливала прялку и рассказывала внучке новую сказку. Девочка часто удивлялась, откуда бабушка знает их так много, но вскоре поняла откуда. Однажды солнечным весенним

утром, в ту пору, когда ласточки возвращаются в родные края, бабушка встала с кресла, надела чепец и шаль, которые она всегда надевала, собираясь на рынок продавать пряжу, и сказала: «Деточка, я отправляюсь в долгое путешествие к своей тетке, живущей далеко на севере. Тебя я нс могу взять с собой, потому что тетка моя — самая сварливая женщина на свете, и детей она никогда не любила. Тебе останутся куры, которые будут нести яйца, и ячменная мука в ларе. И еще я скажу, что надо делать, когда тебе станет грустно: ты ведь всегда была хорошей девочкой. Тихонько положи голову на сиденье кресла и попроси: «Бабушкино кресло, расскажи сказку». Это кресло смастерила одна хитрая фея, жившая в нашем лесу в дни моей молодости. Мне она дала его только потому, что знала: никто другой не сможет сохранить его тайну лучше меня. И запомни: можно просить не больше одной сказки в день. Если же тебе захочется куда-нибудь отправиться, то тебе надо лишь сесть в кресло и сказать: «Бабушкино кресло, отвези меня туда-то и туда-то», и оно отвезет тебя куда захочешь. Не забудь только заранее смазать колеса, потому что кресло целых сорок лет стояло на одном месте».

С этими словами госпожа Заколюка отправи-

лась к своей тетушке в северную страну. Снежинка, как всегда, сходила за дровами, накормила кур и кота, напекла ячменных лепешек. Когда же наступил вечер и ей стало немного грустно одной в доме, она вспомнила бабушкины слова, тихонько положила голову на кресло и проговорила: «Бабушкино кресло, расскажи сказку».

Едва она произнесла последнее слово, как из глубины кресла чистый и звонкий голос принялся рассказывать сказку, которую девочка еще не слышала. Это так ее поразило, что она даже забыла испугаться. И сказка оказалась просто замечательной.

Теперь она больше нс грустила. Каждое утро она пекла новую лепешку, каждый вечер слушала новую сказку. Она так и не смогла понять, кому же принадлежит голос, и благодарность свою выражала тем, что натирала до блеска дубовую спинку и стирала пыль с бархатной обивки, после чего кресло выглядело совсем как новое. Ласточки все так же вили гнезда под крышей, маргаритки гуще прежнего росли у порога, но вскоре для девочки настали тяжелые времена. Хотя она очень заботилась о курах и всегда вовремя их кормила, она забыла подрезать им крылья, и однажды утром они полетели наве-

стить своих друзей-фазанов, живших в глухом лесу. Кот последовал их примеру и пошел проведать родственников, а муки в ларе осталось лишь несколько горстей. Снежинка проглядела все глаза, высматривая знакомую серую шаль, но бабушка не появлялась.

«Бабушка задерживается, — размышляла девочка, — и скоро мне нечего будет есть. Если бы мне удалось ее разыскать, она, наверно, посоветовала бы, что делать. Вот и подходящая причина попутешествовать».

На следующий день, встав на заре, Снежинка смазала у кресла колесики, из остатков муки испекла себе лепешку в дорогу, села в кресло и произнесла: «Бабушкино кресло, вези меня той дорогой, какой шла она».

Не успела она произнести последнее слово, как кресло заскрипело, выехало на улицу и покатилось по лесной дороге, той самой, по которой ушла госпожа Заколюка. Кресло мчалось со скоростью кареты, запряженной шестеркой лошадей, что сильно поразило юную путешественницу. Так они катили весь день, не сбавляя скорости и не останавливаясь, и к заходу солнца выехали наконец на открытую поляну, где сотня лесорубов валила высокие деревья, еще сотня распиливала

их на дрова, а двадцать возчиков увозили дрова на телегах. Девочка очень устала, да к тому же сгорала от любопытства, поэтому она приказала креслу остановиться, и оно тут же подчинилось. Она подошла к пожилому лесорубу, который показался ей хорошо воспитанным, и обратилась к нему: «Милостивый государь, скажите, пожалуйста, зачем вы готовите столько дров?»

«Из какой глуши ты явилась, глупая девчонка, — отвечал лесоруб, — что ты не слышала о великом пире, который наш повелитель, король Добывала, собирается задать в честь дня рождения своей единственной дочери, принцессы Жадинии? Он будет длиться семь дней, и вход будет открыт для всех. А на этих дровах будут жариться быки и овцы, гуси и индейки, которые во всей стране пребывают сейчас в глубокой скорби».

Услышав это, девочка захотела посмотреть, а то и попировать на таком чудесном празднике (она ведь давно уже жила на одних ячменных лепешках), поэтому она снова села в кресло и сказала: «Бабушкино кресло, немедленно отвези меня во дворец короля Добывали».

Не успело последнее слово слететь с ее уст, как кресло тронулось с места и покатилось прочь из

леса, к величайшему изумлению всех работавших, которые никогда раньше ничего подобного не видели. Лесорубы побросали пилы топоры, возчики слезли с телег и пошли следом за креслом к воротам большого, прекрасного города, обнесенного могучими стенами и высокими башнями. Город стоял в центре широкой равнины, на которой раскинулись поля, сады и деревушки.

Это был самый богатым город в стране. Сюда приезжали торговать купцы со всего света, и молва утверждала, что в этом городе приличное состояние можно было сколотить всего за семь лет. Но какими бы богатыми они ни были, думала девочка, громыхая в кресле по булыжной мостовой, она никогда не видела столько недовольных, алчных лиц, что выглядывали сейчас из окон роскошных магазинов, величественных особняков и нарядных карет. Жители города не отличались ни добродушием, ни честностью, но такими они стали совсем недавно. Когда король Добывала был молодым, он управлял страной вместе со своим братом, принцем Остроумом, который отличался большими познаниями и рассудительностью. Он владел искусством управления, разбирался в характерах людей, умел предсказывать будущее по звездам. Но и это еще

не все. Он был великим волшебником, и о нем говорили, что он никогда не умрет и вечно останется молодым. В его время в городе не было ни больных, ни недовольных, и перед чужестранцами гостеприимно распахивали двери, не задавая лишних вопросов и не спрашивая платы. Никто не сутяжничал в судах и не запирал двери на ночь. На празднование Дня весны — Первого мая — и на Михайлов день в город приходили феи — они были друзьями Остроума. Все, кроме одной. Эта недалекая, но страшно коварная фея по имени Фортунетта не выносила тех, кто был умнее ее, принца же она не любила особенно, поскольку ей никак не удавалось его обмануть.

На всей земле короля Добывали долго царили мир и радость, и так продолжалось до тех пор, пока однажды летом принц Остроум не отправился один в лес искать какую-то редкую травку для своего сада и там не пропал. Король и все его слуги исходили лес вдоль и поперек, но так ничего и не нашли. Больше о принце не было ни слуху ни духу. Потеряв брата, король Добывала почувствовал себя во дворце очень одиноко и поэтому женился на принцессе по имени Кругомвсемое, сделав ее королевой. Эту принцессу нельзя было назвать не то что красивой, но даже миловидной. Люди

говорили, что она заставила короля полюбить себя при помощи колдовских чар, потому что приданого у нее был один только голый остров с зияющей посреди него огромной ямой, которая никогда не наполнялась, и была эта принцесса до того жадной, что чем больше она имела, тем большего ей хотелось. Через некоторое время у короля и королевы родилась дочь, и поскольку больше детей у них нс было, она и должна была унаследовать все родительские владения. Ее назвали Жадиния, и сейчас весь город готовился праздновать ее день рождения. Нельзя сказать, что все так уж любили принцессу, которая походила на мать к обликом и характером, просто она была наследницей короля. На праздник пришли гости и из близких, и из далеких мест, среди них были и чужестранцы и феи, не посещавшие город со времени короля Остроума.

Во всем дворце царила суматоха. Дворец представлял собой громадное, величественное здание, в котором число комнат равнялось числу дней в году. Полы были сделаны из черного дерева, потолки — из серебра, а золотой посуды было столько, что пятьсот вооруженных солдат день и ночь охраняли ее, чтобы не пропало ни одно блюдечко. Когда солдаты увидели девочку, едущую

в кресле, они гурьбой побежали докладывать королю, что в его владениях появилось нечто такое, чего там никогда не видали — не слыхали, и вскоре весь королевский двор высыпал на улицу посмотреть на кресло, которое двигалось само по себе.

Когда Снежинка увидела кавалеров и дам в расшитых нарядах и сверкающих бриллиантах, она застыдилась своих босых ног и холщового платья, однако, в конце концов, собралась с духом и ответила на все их вопросы и о себе, и о своем кресле. Королева и принцесса ценили только золото, все же остальное не ставили ни во что. Придворные равнялись на них и тоже с презрением отвернулись от девочки, и только старый король подумал, что это кресло могло бы развеселить его, когда ему будет грустно, и разрешил Снежинке остаться присутствовать на пиру вместе с посудомойками из кухни. Бедная крошка была рада и этому, хотя никому не было до нее дела, и даже слуги задирали перед ней нос из-за ее босых ног и холщового платья. Для кресла не нашлось иного места, кроме грязного угла в каморке у черного хода. Самой девочке велели спать там же, а питаться объедками с кухни.

В тот же день начался пир. Как приятно было

видеть множество гостей, которые подъезжали в каретах, верхом, приходили пешком, так что вскоре заполонили весь дворец и заняли комнаты согласно своему положению. Никогда еще Снежника не видела, чтобы столько жарили или варили. Было и вино для знатных вельмож, я пряный эль для простых людей, и всевозможные танцы под музыку, и самые развеселые наряды. Однако при всем при этом отсутствовало подлинное веселье, и многие гости сидели с постными минами.

Одни дулись, что им не оказали почести, которые, по их мнению, им полагались по рангу, другие досадовали, что кто-то лучше одет. Слуги ходили насупленные, потому что не получили подарков. Время от времени кого-нибудь ловили за кражей чашек, а у ворот постоянно толпилось множество людей, требующих назад земли и имущество, отнятые у них королевой Кругомвсемое. Стражники все время отгоняли их, но те возвращались снова и снова, и их выкрики отчетливо доносились до главного зала, где шел пир. Так что неудивительно, что вечером после ужина настроение у короля совсем упало. Это заметил его любимый паж, всегда находящийся при короле, и напомнил ему о маленькой девочке и ее кресле.

— Хорошая мысль! — воскликнул король. — Я уже много лет не слышал ни одной сказки. Немедленно позвать сюда девочку с креслом!

Любимый паж передал приказание короля начальнику кухни, начальник кухни передал его шеф-повару, шеф-повар — поварихе, повариха — старшей посудомойке, старшая посудомойка-мальчику-уборщику, а тот передал девочке приказание умыться, почистить кресло и идти в главный пиршественный зал, где великий король Добывала желает послушать ее сказку.

Никто не захотел помочь ей, и она сама привела себя в порядок, насколько это было возможно с помощью воды и мыла, вычистила кресло, да так, что казалось, будто на нем никогда не было ни одной пылинки, потом села в него и произнесла: «Бабушкино кресло, отвези меня в главный пиршественный зал».

В то же мгновение кресло спокойно и торжественно покинуло кухню и двинулось вверх по лестнице в главный зал. Там собрались самые знатные кавалеры и дамы королевства, а также феи и высокие гости из дальних стран. Такого общества во дворце не бывало со времен принца Остроума, и самые бедные гости косили атласное с вышивкой платье. Король сидел на троне из

слоновой кости в мантии из пурпурного бархата, плотно усеянной золотыми цветами. Рядом с ним сидела королева в платье из серебряной ткани с жемчужными застежками. Но самым красивым был наряд принцессы — ведь этот пир был устроен в ее честь. На ней было платье из золотой ткани с алмазными застежками, справа и слева от нее стояли две камеристки в платьях из белого атласа, которые держали ее веер и носовой платок, а за ее стулом — два пажа в расшитых золотом ливреях. Но при всем этом выглядела принцесса злобной и уродливой: и ее, и королеву просто бесило, что босоногую девчонку со старым креслом пустили в большой королевский зал.

На обеденном столе еще стояли золотые тарелки с изысканнейшими яствами, но никто не предложил бедной крошке ни кусочка, поэтому она, отвесив робкие поклоны королю, королеве, принцессе и всей честной компании, присела на ковер, положила голову на бархатное сиденье, как она всегда делала у себя дома, и произнесла: «Бабушкино кресло, расскажи сказку».

Все, даже рассерженная королева и разозленная принцесса, все застыли от изумления, когда из подушки раздался звонкий голос, который произнес: «Слушайте же сказку».

В этот вечер и в последующие пять голос из кресла рассказывал по одной сказке, которые мы пропускаем. Они так нравились королю, что после каждой он дарил девочке все более дорогие наряды и все ближе приближал ее к своему трону. Наконец, в последний, как все думали, день пира волшебное кресло рассказало сказку про Весельчака. (Прим. переводчика.)

Рассказ про весельчака

Много-много лет назад на севере Англии жил один бедняк с женой, и было у них тринадцать детей, два поля, три коровы и пять овец. Двенадцать детей получили имена, какие обычно давали в тех краях: Твердолоб, Бычьяшея, Хватала и тому подобные, но когда дошла очередь давать имя тринадцатому, то бедняк с женой то ли не могли придумать никакого другого имени, то ли что-то в выражении глаз малыша заставило их посчитать это имя вполне подходящим, но только прозвали они его Весельчаком. Соседям это имя показалось весьма странным и не соответствующим положению родителей. Бедняк, однако,

не выказывал никаких других знаков гордыни и пренебрежения к окружающим, и соседи успокоились. Тринадцать ребятишек с каждым годом становились все более рослыми и сильными, и родителям приходилось трудиться до седьмого пота, чтобы всех их прокормить. Когда же их самый младший подрос настолько, что смог пасти отцовских овец, случилась великая ярмарка, проводившаяся только раз в семь лет, и на нее съехались жители со всей округи. Она открылась в Иванов день, и не в каком-нибудь городке или деревне, а прямо на зеленом поле между рекой с одной стороны и высоким холмом-с другой. Люди поговаривали, что на этом поле в старые добрые времена частенько водили хоровод феи.

Купцы и разные торговцы собрались на эту ярмарку из ближних и далеких мест. Не было в этом северном крае такого, чего нельзя было бы купить или продать на ярмарке, и ни стар, ни мал, не уходил с ярмарки без покупки. Бедняку с тринадцатью детьми трудно было дать каждому денег на большую покупку, но не дать совсем ничего — значит показать свою бедность, а он этого не хотел. Поэтому, призвав всех к себе, отец раскрыл кожаный кошель, где хранились его сбережения, и дал каждому из детей по серебря-

ному пенни.

Ни у его сыновей, ни у дочерей никогда не водилось столько карманных денег. Они надели выходные одежды и отправились на ярмарку с папой и мамой, беспрерывно обсуждая будущие покупки. Когда эти простые люди подошли к ярмарке и увидели все, что открылось их взору, то решили, что во всем мире нет ничего более примечательного, чем эта их северная ярмарка. Ломились от всевозможных товаров лавки, в палатках стояли накрытые для пира столы, манили к себе кукольные представления, канатоходцы и другие развлечения, кругом продавались пряники и коврижки, расхаживали толпы знакомых и незнакомых людей, одетых в свои лучшие одежды. День прошел в разглядывании диковин и в разговорах со старыми друзьями. И хотя в те времена на одно пени купить можно было удивительно много, еще до наступления вечера двенадцать детей из тринадцати уже истратили все свои деньги. Сыновья купили медные пряжки, дочери — малиновые ленты или зеленые подвязки, сам отец приобрел трубку, мама — резную табакерку из кости, — одним словом, каждый уносил с собой что-нибудь с ярмарки, — каждый, кроме Весельчака.

Причина, по которой серебряное пенни все еще оставалось у него в кармане, крылась в том, что он всем сердцем хотел купить скрипку. Скрипок на ярмарке продавалось немало, и больших и маленьких, и расписных и простых. Весельчак рассматривал их, спрашивал цену, — но все они оказывались ему не по карману. Родители попросили его поторопиться с покупкой, потому что предстоял еще долгий путь домой и надо было выйти до захода солнца.

Красный диск солнца уже клонился к земле и ярмарка начала пустеть, поскольку многие торговцы свернули свои палатки и уехали. Дальний конец ярмарки терялся во мшистой ложбине на длинном склоне холма, и Весельчак решил пойти посмотреть, что там есть. Он сразу же увидел лавку, где продавались скрипки. Молодой купец из далекой страны стоял за прилавком, на котором лежали новенькие превосходные скрипки, а вокруг толпилось множество покупателей. Неподалеку от этого места сидел маленький седовласый старичок, и на прилавке перед ним не было ничего, кроме одной скрипки, старой и замусоленной, на которой не осталось ни одной целой струны. Прохожие то и дело подшучивали над ним, но крошечный старичок все так же

величественно сидел на своем месте и как ни в чем не бывало кричал: «Скрипка! Кому скрипку!», словно у него был лучший товар на всей ярмарке.

— Не купите ли скрипку, юноша? — обратился он к Весельчаку, когда тот подошел поближе. — Отдаю по дешевке, всего за одно серебряное пенни. Если на нее натянуть новые струны, то во всей стране не сыщете подобной.

Весельчаку сделка показалась стоящей. У него были золотые руки, и он мог приделать струны. И вот серебряное пенни легло на прилавок, а скрипка с прилавка перекочевала к мальчику под мышку.

— Знаешь, юноша, — молвил старичок, — мы, торговцы, любим заключать разные сделки, так что если ты поможешь мне упаковать прилавок, я расскажу тебе много интересного об этой скрипке.

Весельчак был мальчик добрый, да и послушать интересное тоже любил, поэтому он взял у старика веревку и помог ему связать вместе те доски и планки, из которых состоял прилавок. Старичок взвалил их на спину, словно вязанку хвороста, а потом сказал:

— Что касается этой скрипки, о юноша, то

ты должен знать, что тебе не удастся ни починить старые струны, ни натянуть новые, если ты не достанешь нити, которые прядут ночные прядильщицы, зато, получив их, ты сторицей вернешь свое пенни.

Произнеся эти слова, старичок повернулся и, как борзая, помчался вверх по склону.

Подобное напутствие показалось Весельчаку довольно странным, но, привыкнув всегда надеяться на лучшее, он посчитал его шуткой и поспешил к своей семье, которая вскоре отправилась домой. Дома все стали показывать друг другу свои приобретения, показал свою скрипку и Весельчак. Братья и сестры подняли его на смех за то, что он купил инструмент, не умея на нем играть, а сестры еще с издевкой спрашивали, какую музыку он собирается извлечь из оборванных струн. Отец же сказал так:

— Ты выказал мало благоразумия, потратив свое пенни подобным образом, из чего я делаю заключение, что, боюсь, в жизни тебе не придется тратить много.

Короче говоря, каждый отпустил язвительное замечание о покупке Весельчака, кроме его мамы. Она, добрая душа, сказала, что если он потратил первое пенни неразумно, то второе может быть

использовано уже лучше, да к тому же, кто знает, может в один прекрасный день от его скрипки тоже будет какой-то толк. Чтобы подтвердить ее слова, Весельчак занялся починкой струн. Он трудился над ними все свободное время, и днем и ночью, но, как и предсказывал старик перед расставанием, мальчику не удавалось ни починить старые струны, ни натянуть новые: они просто нс держались на скрипке. Весельчак использовал всевозможные материалы и не щадил себя за работой — но все впустую. В конце концов он решил поспрашивать у людей, кто же прядет ночью, но всем соседям это показалось такой смешной шуткой, что они вспоминали ее до самой следующей ярмарки.

Так постепенно над Весельчаком стали посмеиваться и дома, и в поселке. Все считали, что пророческие слова его отца обязательно сбудутся, братья и сестры относились к нему не лучше, чем к отцовскому подпаску, а соседи были убеждены, что из мальчика вырастет только шалопай… Но Весельчак все равно ни за что не хотел расставаться со своей скрипкой. Он ведь отдал за нее серебряное пенни и очень надеялся, что когда-нибудь все-таки починит струны, чего бы это ни стоило. Кроме мамы, никто дома не жалел его, а

ей надо было думать еще о двенадцати детях, и поэтому Весельчак решил избавиться от насмешек и отправиться искать свое счастье.

Его домочадцы без особого сожаления выслушали его решение, потому что они несколько стыдились его и, кроме того, вполне могли обойтись без одного человека. Отец дал ему на дорогу ячменную лепешку, мать-свое благословение, братья и сестры пожелали доброго пути. Почти все соседи надеялись, что с ним не случится ничего дурного, и вот одним летним утром Весельчак отправился в путь, держа под мышкой свою скрипку с порванными струнами.

В те времена в северной стране больших дорог не существовало, и каждый человек мог выбрать любую тропинку, какая ему приглянется. Весельчак дошел до места, где когда-то стояла ярмарка, и двинулся вверх по склону холма, надеясь найти того старичка и узнать что-нибудь о ночных прядильщицах. Весь холм был покрыт вереском, и мальчик поднялся до его вершины, никого не встретив. С противоположной стороны холма вниз уходили почти отвесные скалы, и, с трудом спустившись по ним, Весельчак очутился в узкой горной лощине, сплошь заросшей диким утесником и куманикой. Никогда еще ему не

приходилось сталкиваться с такими колючими зарослями вереска, но он был не из тех, кто отступает при первом же препятствии, и продолжал прокладывать себе путь вперед, несмотря на то, что его одежда была разорвана, а руки исцарапаны. Наконец он подошел к концу лощины, откуда расходились две тропинки: одна бежала к сосновому лесу, и хотя было не видно, где она кончалась, она утопала в зелени и радовала глаз. Другая, неровная и каменистая, вела к широко раскинувшейся долине, окруженной высокими горами. Над долиной висел густой серый туман, хотя стоял летний день и до вечера было еще далеко.

Мальчик устал от долгой дороги и стоял, раздумывая, какой путь избрать, когда на тропинке, ведущей к долине, показался старик-великан, в три раза выше и больше любого жителя северной страны. Вокруг его головы развевались, как лен, спутанные седые космы волос и бороды, одежда была сшита из мешковины, а на спине он нес огромную корзину с пылью, которая давила на плечи.

— Эй ты, ленивый бродяжка, послушай-ка меня! — произнес он, подходя к мальчику. — Если ты изберешь тропинку, ведущую в лес, то я не

знаю, что тебя там ждет, но если ты предпочтешь этот путь, тебе придется помочь мне с этой корзиной, а это, скажу честно, тебе не фунт изюму.

— Что ж, дедушка, — ответил Весельчак, — вы выглядите усталым, а я моложе вас, хотя и не такой высокий, поэтому, с вашего позволения, я выберу этот путь и помогу вам нести корзину.

Едва он произнес эти слова, как старик схватил его, и той же веревкой, которой привязывал корзину, накрепко привязал ее к плечам мальчика, и, когда они двинулись по каменистой тропе, не переставал браниться и ругаться. Дорога была неровной, ноша — тяжелой, и Весельчак только и думал, как бы поскорее избавиться от общества этого великана. Впрочем, это было невозможно, поэтому, в конце концов, он, желая как-нибудь скоротать время, а может, и поднять настроение старика, начал напевать старинную песню, которой когда-то выучился у мамы. В это время они уже вошли в долину, и на землю опустилась ночь, темная и холодная. Старик-великан прекратил браниться, и в неярком свете луны, которая уже взошла на небе, Весельчак увидел, что они подошли к заброшенному дому с распахнутыми всем ветрам дверьми. Здесь старик остановился и отвязал веревку.

— Семь раз по семь лет, — сказал он, — ношу я эту корзину, но никто еще, ни разу не пел, помогая мне. Ночь освобождает всех, так что я освобождаю тебя. Где будешь спать: у моей печки на кухне или в этом холодном доме?

— В доме, дедушка, если не возражаете.

— Так спокойной тебе ночи, — произнес старик и, взвалив на плечи корзину, поплелся дальше.

Стало тихо. Мальчик вошел в пустой дом. Туман над долиной развеялся, ночь стояла ясная, и сквозь открытую дверь и окно в комнату ярко светила луна. В доме, казалось, никто никогда не жил: мебели в нем не было, а очаг выглядел так, словно в нем давно уже не разводили огня. Мальчик ужасно устал и, расположившись на полу в углу, быстро заснул рядом со своей скрипкой.

Спать на голом полу было жестко, да и холодно-худая одежонка почти не грела мальчика, — но все время сквозь сон ему слышались приятные звуки: казалось, это поют голоса и скрипят прялки. Когда же поутру Весельчак открыл глаза и увидел себя на голом полу в пустой комнате, он подумал, что, наверное, все это ему просто приснилось. Прекрасная ночь кончилась, и на землю снова спустился тяжелый туман, затмивший и синее небо, и яркое солнце. Свет был холодный

и серый — какой бывает зимой. Весельчак съел половину лепешки, попил из ручья неподалеку и отправился осматривать долину.

Он увидел множество людей, и все они усиленно трудились в домах, на полях, мельницах или в кузницах. Мужчины копали и стучали молотами, женщины скребли и чистили, даже дети и те трудились, не поднимая головы, не разговаривая и не смеясь. Лица у всех были изможденные и угрюмые, и говорили они только о работе и добывании денег.

Это показалось мальчику весьма странным, потому, что все выглядели богатыми. Женщины работали, одетые в шелка, мужчины — в алый бархат. В каждом доме виднелись малиновые занавеси, мраморные полы и полки с серебряной посудой, и каждый работал так, словно от этого зависела сама его жизнь.

Птицы в этой долине не пели — они были слишком заняты ловлей мошек или строительством гнезд. Коты не лежали у печки — они все охотились за мышами, собаки по собственному почину гонялись за зайцами, коровы и овцы щипали траву так, словно боялись, что ее у них отнимут, а пастухи кололи дрова и плели корзины.

В центре долины возвышался величественный

замок, но вокруг него вместо парков и садов лежали пивоварни и орошаемые теплицы. Ворота замка были открыты, и Весельчак вошел внутрь. Во внутреннем дворе делали бочки, в одном из главных залов сбивали масло, в другом — делали сыр, во всех остальных пряли и ткали. В самой высокой башне этого погруженного в работу замка, у окна, из которого открывался вид на долину, сидела благородная дама. Платье на ней было богатое, но какого-то тусклого грязновато-коричневого цвета. Волосы серо-стальные, взгляд — мрачный. Вокруг нее сидели двенадцать таких же угрюмых девушек. Они пряли на ручных прялках, какие использовались в древности, и дама пряла вместе с ними так же упорно и сосредоточенно.

К кому бы мальчик ни обращался, ни один человек ни в замке, ни на улице не удостаивал его вниманием и не отвечал на вопросы. Богачи вытаскивали кошельки и твердили: «Нанимайся ко мне — заработаешь денег». Бедняки на ходу бросали: «Некогда нам с тобой болтать». Нищий калека у дороги не ответил ничего: он был слишком занят сбором милостыни, а ребенок у порога дома ответил, что ему надо идти работать. Весь день Весельчак бродил по улице, зажав под мыш-

кой скрипку, и видел, как старик-великан снова и снова обходил долину по кругу со своей тяжелой ношей-корзиной с пылью.

«Это самая ужасная долина, какую я когда-либо видел, — сказал себе мальчик. — Скрипку, конечно, мне здесь не починить, но вот только не хочется уходить, не узнав, что же такое нашло на местных жителей и всегда ли они работали так старательно и напряженно».

Между тем снова настала ночь, О ее приходе мальчик узнал по тому, что исчез туман и взошла луна. Люди проходили мимо него туда-сюда, спеша домой. И здания, и поля погрузились в тишину. Около заброшенного домика, где он провел предыдущую ночь, Весельчак встретил старика-великана.

— Дедушка, — обратился он к нему, — прошу тебя, ответь мне, как развлекаются и отдыхают жители этой страны?

— Развлекаются и отдыхают? — вскричал старик в страшном гневе. Где ты слышал, чтобы люди развлекались и отдыхали? Мы работаем днем и спим ночью. Во владениях госпожи Мрачности не бывает развлечений,

И, продолжая осыпать мальчика отборной бранью за безделье и легкомыслие, старик ушел,

оставив Весельчака второй раз ночевать в пустом доме.

В эту ночь мальчик спал не так крепко, и, хотя сон так и не позволил ему открыть глаза, он не сомневался, что всю ночь рядом с ним слышалось пение и скрип прялки. Проснувшись поутру, он обещал себе не покидать долины, не. узнав, что это значит. Потом он съел вторую половину лепешки, снова попил из ручья и пошел осматривать долину.

Тот же густой туман застилал солнце и небо, та же тяжелая работа продолжалась всюду, куда бы он ни бросил взгляд, и старик-великан с корзиной, полной пыли, все ходил и ходил по привычному кругу. Мальчик не мог найти никого, кто бы ответил хоть на один его вопрос, и богатые и бедные пытались заставить его работать на них, причем еще более настойчиво, чем накануне. Поэтому Весельчак, опасаясь, как бы кто-нибудь не принудил его прислуживать, побрел в самый отдаленный уголок долины.

Тут никто не работал, потому что земля была голой и пустынной. Там, где долина кончалась, громоздились серые скалы, крутые и высокие, словно крепостные стены. Они стояли плотной стеной, и единственный проход между ними

загораживался высокими железными воротами с массивным замком на них. Рядом располагалась белая будка, на ее пороге стоял однорукий солдат и курил длинную трубку. Это был первый неработающий человек, которого Весельчак встретил в этой долине. Лицо его показалось мальчику вполне дружелюбным, поэтому, подойдя к солдату с самым почтительным поклоном, он спросил:

— Уважаемый господин солдат, не могли бы вы сказать мне, что это за страна и почему люди здесь так упорно работают?

— Ты, наверное, чужестранец, что задаешь такие вопросы? — ответил солдат вопросом на вопрос.

— Да, — подтвердил мальчик, — я пришел сюда только позавчера вечером.

— Тогда, к сожалению, я вынужден тебя огорчить, потому что здесь ты должен будешь остаться навсегда. Мне приказано впускать в эти ворота всех, но не выпускать никого, а другой выход день и ночь сторожит великан с корзиной.

— Это дурная новость, — опечалился мальчик. — Но раз уж я здесь, не могли бы вы объяснить мне, почему здесь такие порядки и что это за долина?

— Подержи мою трубку, — начал солдат, — и я расскажу тебе все. Эта долина принадлежит женщине из вон того замка, женщине, которую семь раз по семь лет назад люди прозвали госпожой Мрачность. В молодости ее звали иначе — мисс Беззаботность, и в те времена ее долина была самым замечательным местом во всей северной стране. Здесь светило самое яркое солнце и лето длилось дольше, чем где бы то ни было. На вершинах холмов плясали феи, на всех деревьях пели птицы. Великан по имени Силач, последний из рода великанов, ухаживал за сосновым лесом и, когда не спал на солнцепеке, заготавливал из сосны святочные поленья. По вечерам к очагу в каждом доме спускались две прекрасные девушки в белых платьях, каждая держала на плече серебряную прялку, и всю ночь они пряли золотые нити. Люди тогда ходили в домотканой одежде и пили из рога, но они жили весело! Устраивались майские гулянья, праздники урожая, справлялось Рождество. В горах играли на дудочках пастухи, в полях пели жнецы, и вечерами отблески пламени и смеющиеся лица оживляли каждый дом. Но все изменилось, а почему — никто не ведает, поскольку знавшие это старики давно умерли. По одной версии, при-

чиной всего было то, что с пальца владычицы слетело волшебное кольцо, по другой — что во внутреннем дворике замка иссяк родник. Как бы то ни было, мисс Беззаботность превратилась в госпожу Мрачность. Тяжелый труд стал уделом людей, тяжелые времена стали явью в долине. Опустился туман, ушли феи, великан состарился и стал носить корзину с пылью, ночные прядильщицы больше не показывались в домах людей. Существует пророчество, что так будет продолжаться до тех пор, пока госпожа Мрачность не отложит прялку в сторону и не станцует. Все лучшие скрипачи северной страны играли ей свои самые веселые мелодии, но все впустую. Наш король — мудрый правитель и великий воин. Он накопил столько сокровищ, что они занимают два дома, он победил всех врагов, но и он не смог изменить порядки в долине госпожи Мрачности, Я не знаю, какие награды он обещал освободителю этой земли, но, когда из его затеи ничего не вышло, король стал опасаться, что подобное бедствие может распространиться и на другие части его королевства, и поэтому издал закон, гласящий, что всякий вошедший в долину должен в ней остаться. Меня его величество взял на войне в плен и поставил сюда охранять воро-

та, оберегая спокойствие его подданных. И если бы не эта трубка, я бы тоже давно уже начал работать как и они, своей одной рукой. Послушайся моего совета, юноша, и научись курить.

— Я лучше попытаюсь приделать струны к своей скрипке, — ответил мальчик и, усевшись, продолжал беседовать с солдатом до тех пор, пока туман не начал рассеиваться, а луна подниматься. Тогда он пошел в заброшенный дом.

Когда он подошел к нему, было уже поздно, и после туманного дня лунная ночь была просто восхитительна. Мальчику подумалось, что в такое время как раз можно попытаться выбраться из долины: и людей нет, и великана нигде не видно. Однако, подойдя ближе к тому месту, где встречаются две тропинки, мальчик наконец увидел великана: он крепко спал у костра из сосновых шишек, положив под голову корзину. Рядом с ним лежала груда камней. «Так это и есть твой кухонный очаг?» — подумал мальчик и попытался прокрасться мимо великана, но тот вскочил и, скверно ругаясь, стал швырять в него камни, которые долетали до мальчика, пока он не пробежал больше половины пути, отделявшей его от заброшенного дома.

Приблизившись к дому, мальчик порадовался,

что, спасаясь от великана, всю дорогу бежал. Дверь была все так же раскрыта, сквозь нее светила луна, и у холодного очага сидели две прекрасные девушки, все в белом: они пряли на серебряных прялках и пели веселую и беспечную песенку, как жаворонки майским утром. Мальчик мог бы слушать их ночь напролет, но вдруг ему подумалось, что это, должно быть, и есть те самые ночные прядильщицы, чьи нити вдохнут жизнь в его скрипку, поэтому, набравшись храбрости, он сделал шаг вперед и почтительно обратился к ним:

— Уважаемые дамы, очень вас прошу, дайте, пожалуйста, бедному мальчику нить — починить скрипку.

— Семь раз по семь лет, — ответили девушки, — прядем мы ночами в этом заброшенном доме, но еще, ни один смертный не видел нас и не заговаривал с нами. Ступай, собери дров со всей долины да растопи нам этот холодный очаг, и тогда каждая из нас даст тебе по серебряной нити за твои труды.

Держа скрипку под мышкой, Весельчак обошел всю долину, собирая при лунном свете дрова. Но подданные госпожи Мрачности делали все, в том числе и собирали дрова, так тщательно, что он

почти ничего не находил, и успела пройти ночь и настал туманный день, прежде чем он сумел набрать небольшую охапку дров. Дверь оставалась открытой, но прекрасные девушки с серебряными прялками исчезли. Зато на полу, где они сидели, лежали две длинные серебряные нити.

Прежде всего Весельчак свалил охапку дров около очага, чтобы все было готово на случай их прихода следующей ночью, а затем поднял с пола серебряные нити, чтобы починить скрипку. И тут-то он наконец оценил напутственные слова продавца скрипки, потому что едва он приложил струны к цевью, как они сразу же сами натянулись и закрепились. А старая и поблекшая скрипка стала сверкать и блестеть, пока не превратилась в золотую. Весельчак так обрадовался, что, не умея играть, провел смычком по струнам и… И едва он их коснулся, как они сами зазвучали, воспроизводя ту же беспечно-веселую мелодию, которую напевали ночные прядильщицы.

«Может быть, кто-нибудь из работающих остановится и послушает ее», — подумал Весельчак и со своей играющей скрипкой пошел по улицам в сторону замка. Музыка заполняла все вокруг, и люди слышали ее. Подобного дня никогда еще не было в долине госпожи Мрачности. Мужчи-

ны переставали копать, женщины прекращали стирать, дети тоже бросали свои дела, и там, где проходил Весельчак со своей скрипкой, все замирали. Когда он вошел в ворота замка, бондари, работавшие во дворике, побросали на землю инструменты, а в самом замке люди переставали сбивать масло и делать сыры, останавливали ткацкие станки. Прялка в руках госпожи Мрачности застыла в воздухе.

Продолжая играть, мальчик прошагал по всем залам и поднялся в башню. Когда он подошел, госпожа Мрачность отбросила в сторону прялку и пустилась в отчаянный пляс. За ней последовали ее фрейлины. Танцуя, госпожа молодела на глазах-с ее лица сходила угрюмость, а с волос-седина. Она переоделась в принесенное ей белое с вишневым платье, какое носила в дни молодости, и госпожи Мрачности больше не стало, а появилась мисс Беззаботность — юная девушка с золотистыми волосами, смеющимися глазами и щеками, подобными летним розам.

Тут же шум веселья донесся из всех уголков долины. Тяжелый туман перевалил за горы и исчез, появилось солнце, и стало голубым небо. Во внутреннем дворике замка забил прозрачный родник, а с востока прилетел белый ястреб, держа

в клюве золотое кольцо, и надел его на палец мисс Беззаботности. После этого великан Силач разорвал веревку, сбросил со спины корзину с пылью и разлегся спать на солнцепеке. Ночью феи плясали на вершинах холмов, а ночные прядильщицы с золотыми прялками вернулись в дома людей и больше не скрывались в заброшенном доме. Все хвалили Весельчака и его скрипку. Когда весть о его замечательной игре достигла слуха короля, тот повелел убрать железные ворота и отпустил на свободу пленного солдата, а мальчика назначил на должность своего первого скрипача-должность, которая при этом мудром монархе была в королевстве наивысшей. Как только семья мальчика и соседи узнали, как высоко вознесла его простая скрипка, они решили, что музыка не такое уж плохое занятие, и все-мужчины, женщины, дети-стали учиться игре на скрипке. Говорят, ни один из них так и не выучился ни одной мелодии, это получилось только у его мамы, которой мальчик преподнес богатые подарки.

Голос из кресла смолк. Фигурка, одетая в зеленый и желтовато-коричневый бархат, поднялась, держа в руке золотую скрипку, и сказала:

— Такова моя сказка.

— Если не считать вчерашнюю и пять предыдущих, — произнес король Добывала, — то это лучшая сказка, какую я слышал с тех пор, как мой брат Остроум покинул меня и потерялся в лесу. Эй, Удачник, мой первый паж, иди и принеси этой девушке золотой пояс. Раз ее кресло может рассказывать такие истории, она больше не будет жить со слугами, а займет одну из лучших комнат дворца и будет есть за одним столом с нами в большом королевском зале!

Возвращение принца Остроума

Снежинка очень обрадовалась, что будет есть за одним столом со всеми благородными кавалерами и дамами, о которых рассказывал голос из кресла. Она склонилась в глубоком реверансе и от всего сердца поблагодарила короля. Присутствующие с радостью потеснились, освобождая для нее место, и, когда ей принесли золотой пояс, она стала выглядеть ничуть нс хуже остальных.

— Ма-ам, — прошептала принцесса Жадиния, готовая расплакаться от злости, — ты только посмотри, как эта замухрышка, которая пришла сюда в грубом платье и босиком, заполучила и пышные наряды, и расположение гостей — и все своими сказками! Все расхваливают ее и

забывают про меня, хотя это мой праздник, мой день рождения. Ма-ам, это замечательное кресло должно стать моим. По какому такому праву оно принадлежит простой девчонке.

— Оно будет твоим, дочь моя, — ответила королева.

Она заметила, что король, как всегда после обеда, уже заснул на троне, и, позвав двух пажей, которых звали Скряга и Кулак, приказала им

пойти в дальний конец зала, где сидела девочка, и взять у нее кресло, а когда приказание было исполнено, тут же преподнесла кресло в подарок дочери.

Ни один придворный, ни один гость не осмелился выступить против приказа королевы, и бедной девочке не оставалось ничего другого, как только забиться в угол и расплакаться. Тем временем принцесса Жадиния, напустив на себя вид, который ей казался величественным, положила голову на подушку и произнесла:

— Бабушкино кресло, расскажи сказку.

— А разве это кресло твоей бабушки? — возмутился голос в подушке, после чего кресло так сильно подпрыгнуло, что принцесса перевернулась и распласталась на полу, заходясь от визга, причем визжала она не столько от боли, сколько от злости.

Напрасно придворные пытались ее утешить. Только королева, чей нрав был еще круче, чем у дочери, поклялась наказать дерзкий предмет мебели и послала за старшим лесничим по имени Верзила, чтобы тот изрубил кресло топором.

От первого же удара подушка разорвалась, и, ко всеобщему удивлению, из нее выпорхнула птица — белоснежная и с алыми кончиками перьев и

через раскрытое окно вылетела на улицу.

— Лови её! Хватай! — разом крикнули королева с принцессой, и все, за исключением короля, все еще спавшего на троне, бросились вслед за птицей. А она пролетела по саду и вылетела на широкий пустырь, где когда-то стояли дома, которые потом по приказу королевы были снесены, чтобы на их месте вырыть шахты для добычи золота. Золота королева не нашла, а три глубокие ямы остались. Для того чтобы во время праздника пустырь выглядел получше, ямы прикрыли нарубленными ветками и сверху забросали землей, О них помнили все, кроме королевы и принцессы. Эти двое бежали первыми, а Снежинка изо всех сил старалась от них не отстать. Когда королева с принцессой ступили на прикрытую яму, ветки не выдержали, так что они обе провалились вниз, а девочку, бежавшую следом, успел ухватить за край алого платья и оттащить в сторону первый паж короля.

Все искали птицу, но она исчезла. Зато невдалеке, в том самом месте, куда она опустилась, стоял прекрасный принц в алом платье. На голове его сверкала и переливалась корона, казавшаяся то золотой, то цвета лесных листьев.

Большинство придворных не знали, что и ду-

мать, но все феи и эльфы, а также пожилые люди узнали его и закричали: «Да здравствует принц Остроум!»

Этот крик разбудил короля, и он в великой радости вышел приветствовать своего брата и поздравить его с возвращением. Лорд-гофмейстер королевского двора и личные пажи короля отправились, захватив веревки и фонари, спасать королеву и принцессу; они нашли их на дне одной ямы, на куче песка, целыми и невредимыми. Хотя яма была очень глубокой, отдельные солнечные лучи все же проникали вглубь, освещая песок, и каждая блестевшая на солнце песчинка казалась королеве и принцессе крупицей золота.

Они принялись на чем свет стоит ругать работавших там прежде старателей, называя их обманщиками, негодяями, ленивыми прохвостами, награждая добрым десятком иных прозвищ за то, что те оставили внизу столько добра, и наотрез отказались выбираться из ямы. Раз во дворце появился принц Остроум, говорили они, то дом им будет не мил, и лучше уж они останутся внизу и будут копать золото, а потом скупят для себя весь мир. Король Добывала, ради сохранения во дворце мира и спокойствия, не стал перечить и распорядился спустить в яму заступы и лопаты.

Два пажа, Скряга и Кулак, решили присоединиться к королеве с принцессой и тоже искать золото, надеясь получить половину добытого. Там все они и остались. Одни придворные говорили, что золото они найдут обязательно, другие в этом сильно сомневались. По крайней мере, ко времени написания этой истории золота еще не было.

Что же касается принца Остроума, то он пошел во дворец со всеми остальными, ведя Снежинку под руку и рассказывая всем, как коварная фея Фортунетта подстерегла его в тот момент, когда он забыл об осторожности, и превратила в птицу, как она заключила его в сиденье этого старинного кресла и передала его госпоже Заколюке, как он находил единственное утешение в крошке Снежинке, которой рассказывал различные сказки.

Король так обрадовался возвращению брата, что приказал устроить еще один пир на семь дней. Все это время ворота дворца оставались, открыты, всех приглашали на пир, все жалобы выслушивали. Земли и дома, присвоенные королевой Кругом все мое, были возвращены их законным владельцам. Каждый получил то, чего желал больше всего, и недовольных больше не осталось ни в замке, ни вне его, А на седьмой день праздника прибыла не кто иная, как госпожа

Заколюка, в чепце и серой шали.

Снежинка очень обрадовалась приезду бабушки, обрадовались ей и король с принцем, которые помнили госпожу еще в дни ее молодости. Пир продлили еще на семь дней, а когда он закончился, в королевстве все встало на свои места. Король Добывала и принц Остроум снова стали править вместе, а Снежинку, поскольку она оказалась самой доброй девочкой во всем королевстве, они избрали своей наследницей вместо принцессы Жадинии. С этого дня она ходила в бархате и шелках, имела семь пажей и жила в лучших комнатах дворца. Госпожа Заколюка тоже стала важной дамой. Ее кресло заново обили бархатом и поставили в нарядно расписанном зале, а она сидела на нем в сером платье с золотой каймой и пряла на прялке, сделанной из слоновой кости. На месте ее старого домика принц построил огромный летний дворец, весь увитый виноградником и розами, а также проложил прямую дорогу через лес, чтобы все добрые люди могли приехать туда отдохнуть. Коварная фея Фортунетта, видя, что ее владычеству в этой стране пришел конец, отправилась в кругосветное путешествие и к моменту написания этой истории еще не возвратилась. Добрые девочки и мальчики, читающие

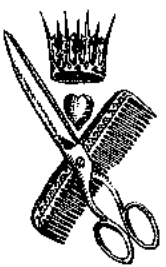
эти строки, знайте, что те времена давным-давно миновали. С тех пор над землей пронеслись страшные войны, кругом загрохотали заводы, появились школы, и все это неузнаваемо изменило лицо мира. Не найдешь больше короля, который бы устроил хоть один семидневный пир на весь мир, ни одной королевы или принцессы, пусть даже очень жадных, которые бы сами рыли золото, ни кресел, которые рассказывают сказки. Исчезли волшебные колодцы, холмы и леса опустели, и феи уже не водят среди них свои хороводы. Одни утверждают, что фей испугало появление школ, другие-грохот заводов, но как бы то ни было, никто, насколько мне известно, уже долгие годы их не видел, за исключением, пожалуй, некоего Ханса Кристиана Андерсена из Дании, чьи рассказы о феях столь прекрасны, что он, вероятно, слышал их от самих фей.

Доподлинно установлено, что дальнейшая история страны короля Добывали, а также судьба всех именитых людей, живших во дворце или посещавших его, не известны ни одному ныне живущему человеку. Тем не менее кое-кто уверен, что король все так же засыпает на троне и впадает после ужина в дурное расположение духа; что королева Кругомвсемое и принцесса

Жадиния нашли золото и уже начали все скупать; что госпожа Заколюка все еще прядет, хотя точно и неизвестно, где именно; что начиная с Нового года Снежинка уже поджидает весну и ее можно увидеть у окна в платье из белого бархата, когда она старается не пропустить приближение весны; что принц Остроум каким-то образом попал под еще более сильное заклятие и под более толстую подушку и продолжает рассказывать Снежинке и ее друзьям сказки, а когда подушка вместе с заклятием будет разбита новым ударом топора Верзилы — а люди надеются, что это когда-нибудь случится, — принц снова все поставит на свои места и вернет миру волшебные времена.

Э. НЕСБИТ

МЕЛИСАНДА



Э. НЕСБИТ
Мелисанда

Когда у королевы родилась дочь, принцесса Мелисанда, она решила устроить пышные крестины. Этому, однако, решительно воспротивился король.

— Я слишком хорошо знаю, сколько неприятностей бывает от этих крестин, — сказал он. — Как бы ты ни старался пригласить на крестины всех фей до единой, все равно хоть одну да забудешь, а неужели ты не помнишь, к чему это ведет? Даже в моей семье чего только не случалось! На крестины моей прабабки не пригласили фею Злонравию, и ты же знаешь, что прабабка укололась веретеном и проспала сто лет.

— Может быть, ты и прав, — согласилась королева. — Моя кузина, рассылая приглашения на крестины дочери, тоже забыла послать его одной старой зануде, ну и, конечно, та в самый последний момент все-таки заявилась — и у девочки до сих пор изо рта сыплются жабы.

— То-то и оно. А еще история с мышью и кухарками. В общем, давай не будем делать подобных глупостей. Я буду крестным отцом, ты — крестной

матерью, а фей мы просто не позовем. И никто из них не сможет обидеться.

— Если только они не обидятся все сразу, — предостерегла его королева.

Так оно и вышло. Едва король с королевой вернулись с крестин, как уже на пороге их встретила камеристка.

— Ваше Величество, к вам несколько дам. Я объяснила им, что вас нет дома, но они решили ждать.

— Они в гостиной? — поинтересовалась королева.

— Нет. Я провела их в Тронный зал, Ваше Величество, — ответила камеристка. — В гостиной они бы не разместились.

Фей (а это были, конечно, они) оказалось около семисот, и они запрудили весь Тронный зал. Туда собрались феи всех возрастов и мастей: молодые и старые, красивые и уродливые, добрые и злые, феи цветов и феи луны, феи, похожие на пауков и бабочек, — и лишь только королева открыла дверь и стала извиняться, что заставила их ждать, все они в один голос крикнули:

— Почему вы не пригласили на крестины меня?

— Да потому, что мы не устраивали крестин, —

ответила королева и, повернувшись к мужу, прошептала: — Ну что я тебе говорила! — Это было ее единственным утешением.

— Но вы, же крестили ребенка! — хором воскликнули феи.

— Мне очень жаль, — начала королева, но тут фея Злонравия, растолкав всех локтями, вышла вперед и самым грубым образом попросила королеву заткнуться.

Она была самой старой и самой злой феей, поэтому неудивительно, что люди не любили ее и старались никогда и никуда не звать. В результате она оставалась без приглашения чаще, чем все остальные феи, вместе взятые.

— И не пытайся оправдываться, — проверещала она, грозя королеве пальцем. — Этим ты только усугубляешь свою вину. Тебе должно быть прекрасно известно, что случается, когда какую-нибудь фею забывают пригласить на крестины. И вот сейчас мы все преподнесем ребенку подарки. Как старшая по возрасту, начинаю я. Принцесса будет лысой.

Королева едва не лишилась чувств. Злонравия скрылась в толпе, и ее место заняла другая фея, шурша крыльями летучей мыши и поправляя нарядный чепчик, украшенный живыми гадю-

ками.

— Ни слова больше! — вскричал король. — Право же, дамы, я просто поражен! Неужели никто из вас не ходил в детстве в школу и не учил историю собственного рода? Неужели же мне, простому, малообразованному королю, придется учить вас, что можно, а чего нельзя?

— Да как ты смеешь! — закричала, вскинув голову, выступившая вперед фея, и гадюки на ее чепце зашевелились. — Сейчас моя очередь говорить, и я сделаю принцессу…

Тут король просто закрыл ей рот рукой.

— Угомонитесь, — попросил он. — Я не дам вам продолжать. Если вы меня не выслушаете, то потом сильно об этом пожалеете. Как вам должно быть известно из истории, фея, нарушившая традиции своего рода, растворяется в воздухе и исчезает, как пламя свечи. Согласно этой традиции, на крестины приглашают всех добрых фей и забывают только одну — злую. Таким образом, мы должны решить, что либо это отнюдь не крестины, либо вы все, кроме одной, были приглашены, и эта одна, объявившая о себе сама, — фея Злонравия. Что, впрочем, неудивительно. Понятно ли я говорю?

Несколько знатных фей, поддавшиеся было

влиянию Злонравии, пробормотали, что в словах короля что-то есть.

— Не верите мне — попробуйте, — продолжал король. — Одарите несчастную малышку всеми гадостями, которые вы для нее приготовили, но знайте: в ту секунду, когда вы произнесете свои пророчества, вы исчезнете. Ну, кто хочет попробовать?

— Нам было очень приятно посетить ваш дом, — засобиралась фея с гадюками. — Надеюсь, дорогая королева, вы скоро созовете нас снова. Буду счастлива вновь увидеть и вас, и вашу прекрасную малышку.

С этими словами она направилась к выходу, и змеиное обрамление ее чепца зашевелилось еще сильнее.

Когда удалилась последняя гостья, королева бросилась к дочурке, сорвала с нес кружевной чепчик и разрыдалась. Вместе с ним от головки принцессы отделились ее золотистые локоны, и вся головка стала гладкой, как яйцо.

— Не плачь, дорогая, — бросился утешать ее король. — У меня где-то завалялось одно желание, мне его подарила на свадьбу моя крестная фея, но с тех пор мне совершенно нечего было желать.

— Спасибо, дорогой, — улыбнулась королева

сквозь слезы.

— Я сохраню его, пока принцесса не вырастет, — продолжал король, — а потом подарю ей, и если она пожелает вернуть себе волосы, то сможет легко это сделать.

— Ой, так, может быть, ты вернешь ей волосы прямо сейчас? — со слезами на глазах предложила королева, осыпая круглую гладкую головку поцелуями.

— Нет, моя хорошая. Став взрослой, принцесса может пожелать чего-нибудь другого. И кроме того, вдруг ее волосы отрастут сами?

Но этого, конечно же, не произошло. Принцесса Мелисанда выросла прекрасной, как солнце, и ласковой, как свет, но на ее очаровательной головке не появилось ни единой волосинки. Королева шила для дочери шапочки из зеленого шелка, и, когда принцесса их надевала, ее румяное лицо выглядело как цветок, вырвавшийся из зеленой почки. Чем старше, тем более ласковой она становилась, чем более ласковой — тем более доброй, и чем более доброй — тем более прекрасной.

И вот, когда принцесса выросла, королева напомнила королю о его обещании:

— Дорогой, наша дочь уже взрослая и вполне

может решить, чего же она хочет. Наверное, уже можно отдать ей волшебное желание.

Король написал письмо своей крестной фее и послал его с почтовой бабочкой, спрашивая, может ли он передать дочери то волшебное желание, которое она когда-то подарила ему на свадьбу.

— Я так и не удосужился его использовать, — объяснил он, — хотя мысль о том, что в моем доме хранится такая замечательная вещь, всегда согревала мне сердце. Желание совсем как новое, а моя дочь достигла возраста, когда она сможет по достоинству оценить этот подарок.

С той же бабочкой фея прислала ответ:

«Дорогой король!

Пожалуйста, распоряжайтесь мои скромным подарком как вам будет угодно. Я совсем уже о нем позабыла, но мне было приятно узнать, что вы бережно хранили его все эти годы.

Любящая вас крестная

Фортуна Ф».

Получив это письмо, король достал украшенные бриллиантами ключи, открыл золотой сейф, вынул оттуда желание и вручил дочери.

— Отец, я хочу, чтобы все твои подданные

были счастливы, — выразила свое пожелание Мелисанда.

Но они и так были счастливы, поскольку король и королева были добрыми правителями.

Подумав, принцесса сказала:

— Тогда я хочу, чтобы все они были добры.

Но поскольку все люди были счастливы, они были и добры. Так что и второе желание повисло в воздухе.

Тогда в разговор вступила королева:

— Доченька, пожалуйста, ради меня, пожелай то, что я тебе сейчас скажу.

— Конечно, маменька, пожалуйста, — покорно произнесла принцесса.

Королева что-то прошептала ей на ухо, и Мелисанда кивнула. Затем громко и отчетливо произнесла:

— Я хочу, чтобы у меня были золотистые волосы метровой длины и чтобы каждый день они вырастали на один дюйм, а если их срежут, чтобы они росли в два раза быстрее, и еще чтобы…

— Замолчи! — крикнул король. На этот раз желание сработало, и секунду спустя принцесса уже улыбалась и поглаживала длинные волнистые волосы.

— Ой, как красиво! — воскликнула королева. —

Как жаль, что ты не дал ей докончить.

— А что было в конце? — поинтересовался король.

— Я должна была добавить, — ответила принцесса, — чтобы они становились в два раза толще.

— И очень хорошо, что ты этого не сделала, — облегченно вздохнул король. — Ты и так наговорила достаточно.

Дело в том, что у короля был математический склад ума и он мог без особого труда устно решать задачки о количестве зерен пшеницы на клетках шахматной доски или гвоздях в подковах лошади.

— А что случилось? — забеспокоилась королева.

— Скоро увидишь сама, — ответил король. — А сейчас давайте радоваться и веселиться, пока еще это возможно. Поцелуй меня, моя крошка, а потом ступай к няне, и пусть она научит тебя расчесывать волосы.

— А я уже умею, — ответила Мелисанда. — Я часто расчесывала мамины.

— Да, у нее чудные волосы, — сказал король, — но насколько я понимаю, со своими тебе будет обращаться намного труднее.

И конечно, он оказался прав. Волосы принцессы с самого начала были длиною в метр и каждую ночь отрастали еще на дюйм. Если вы хоть что-нибудь смыслите в арифметике, вы поймете, что через пять недель волосы принцессы достигли почти двух метров. И с ними стало очень неудобно. Они волочились по полу, собирая всю пыль, и хотя во дворцах вся пыль золотая, все равно было неприятно, когда она набивалась в волосы. А за каждую ночь волосы вырастали еще на дюйм. Когда они стали длиной в три метра, то из-за их тяжести принцесса не смогла даже ходить. Тогда она взяла у няни ножницы и остриглась под корень. Первые часы она блаженствовала. Но волосы продолжали расти, причем теперь уже в два раза быстрее, и через тридцать шесть дней достигли прежней длины. Бедная девушка плакала от усталости, и, когда ей снова стало невмоготу, она снова остриглась. На этот раз ее блаженство длилось еще меньше: волосы теперь росли в четыре раза быстрее, чем вначале, и уже через восемнадцать дней достигли обычной длины, после чего ей пришлось их снова резать. После этого они росли со скоростью восемь дюймов в день, когда их обрезали еще раз — шестнадцать дюймов в день, потом 32, 64 и 128 дюймов в день

и так далее, каждый раз увеличивая скорость вдвое. Кончилось дело тем, что вечером перед сном принцесса коротко подстригалась, а когда просыпалась утром, то многие метры ее золотистых волос вились по всей комнате, не давая ей подняться, и освободиться от волос она могла, только когда няня их обрезала.

— Лучше бы я осталась лысой, — вздыхала бедная девушка, теребя в руках крошечные зеленые чепчики, которые носила раньше, и по ночам, покоясь на золотистых волнах своих волос, облетала душу слезами. Но матери она слез не показывала, потому что хотя именно королева была во всем виновата, принцесса ничем не хотела ее упрекать, даже слезами.

Когда у принцессы только появились первые волосинки, королева разослала их всем своим августейшим родственникам, и те хранили их в медальонах и перстнях. Потом их стало хватать на браслеты и пояса. Со временем же обрезанных волос стало столько, что их приходилось сжигать. Когда подошла осень, оказалось, что хлеба на полях не вызрели, словно все золотые краски ушли на волосы принцессы. В стране начался голод. И тогда принцесса предложила:

— По-моему, это очень расточительно — сжи-

гать мои волосы. Наверно, их можно использовать как-нибудь иначе. Набивать ими подушки, например, или что-нибудь в этом роде, а потом продавать и на вырученные деньги кормить людей.

И тогда король повелел созвать купцов, они разослали образцы принцессиных волос по всему свету, и вскоре хлынул поток заказов. Принцессины волосы стали надежным экспортным товаром. Ими набивали подушки и матрацы. Из них делали канаты для кораблей и портьеры для королевских дворцов. Из них делали власяницу для отшельников и тех, кто смирял свою плоть. Правда, волосы были настолько шелковисты и мягки, что, надев такую власяницу, отшельники получали несравненное удовольствие, чего они совсем не желали. Поэтому они перестали их заказывать, зато их стали покупать родители малышей-грудничков, и вскоре каждый новорожденный имел крошечную рубашечку из принцессиных волос.

А волосы продолжали расти. Люди были сыты, и голод отступил. Тогда король заявил:

— Во время голода выручка от продажи волос пришлась очень кстати, но сейчас необходимо что-то предпринять. Я, пожалуй, напишу крест-

ной и спрошу ее совета.

Сказано — сделано. Король написал письмо, отправил его с жаворонком и получил такой ответ:

«Не поискать ли тебе какого-нибудь ловкого принца? Предложи обычную награду».

Тогда король разослал во все концы света своих гонцов, чтобы они повсюду объявляли его волю: любой уважаемый принц с хорошими рекомендациями получит в жены принцессу Мелисанду, если сможет остановить рост ее волос.

И вот из ближних и далеких мест потянулись вереницы принцев, все они везли с собой бутылки и деревянные сундуки с какими-то дьявольскими снадобьями и жаждали испытать свое счастье. Принцесса терпеливо все перепробовала и, поскольку ни один из претендентов ей не приглянулся, в глубине сердца была даже рада, что ни одно средство не оказало ни малейшего воздействия на ее волосы.

Теперь принцессе приходилось спать в Большом Тронном зале, потому что ни один другой не мог вместить ее вместе с волосами. Когда она просыпалась поутру, весь огромный зал был доверху набит волнами волос, уложенных плотно и экономно, как дрова в сарае. А по вечерам, коротко обрезав волосы, она подолгу сидела у окна

в зеленом шелковом халате, плакала и целовала крошечные чепчики, которые когда-то носила, мечтая о том, чтобы снова стать лысой.

Именно за этим занятием в канун Иванова дня и застал ее принц Флоризель.

Он прибыл во дворец несколько часов назад, но не захотел появляться перед принцессой, не смыв с себя дорожной пыли, а пока он принимал ванну, переодевался и поднимался в Зал для торжественных приемов, принцесса уже удалилась в свои покои в сопровождении двадцати пажей, которые несли ее волосы.

И вот сейчас, прогуливаясь по саду, он увидел в окне принцессу. Их взгляды встретились, и, когда Мелисанда глядела на принца, ей впервые захотелось, чтобы ему удалось остановить рост ее волос. Что же касается принца, то ему хотелось много, и кое-что он получил уже скоро.

Он начал так:

— Ты Мелисанда?

— А ты Флоризель?

— Вокруг твоего окна много роз, а внизу нет ни одной.

Принцесса бросила ему одну из трех белых роз, что были у нее в руке. Тогда принц спросил:

— У этой вьющейся розы очень крепкий ствол.

Можно я к тебе по нему заберусь?

— Конечно.

Принц забрался и сел на подоконник.

— Я хочу тебя спросить: если я сумею сделать то, о чем просит король, ты выйдешь за меня замуж?

— Отец же обещал, — ответила девушка, перебирая лепестки роз.

— Милая Мелисанда, мне не нужно обещание короля. Мне нужно твое. Ты сама согласна?

— Да, — ответила принцесса и дала ему вторую розу.

— Ты отдашь мне свою руку?

— Да.

— И сердце?

— Да, — сказала принцесса и дала Флоризелю третью розу.

— И еще поцелуй, чтобы скрепить обещание.

— Да.

— И поцелуй за то, что отдаешь мне руку.

— Да.

— И поцелуй за то, что отдаешь сердце.

— Да, — сказала принцесса и поцеловала принца три раза.

— А теперь, — продолжал принц, вернув ей все поцелуи, — слушай меня внимательно. Сегодня

ты спать не ложись. Будь у окна, а я буду наблюдать из сада. Когда волосы заполнят всю комнату, позови меня и делай, как я скажу.

— Хорошо, — согласилась принцесса.

И вот на рассвете, когда на траву, где лежал принц, упала роса, он услышал, как принцесса зовет его:

— Флоризель! Флоризель! Мои волосы так выросли, что выталкивают меня из окна!

— Становись на подоконник, — скомандовал принц, — найди железный крюк и три раза обмотай вокруг него волосы.

Принцесса все исполнила.

Тогда принц с обнаженным мечом в зубах влез на окно по розовому кусту, ухватил волосы в метре от ее головы и крикнул:

— Прыгай!

Девушка прыгнула и взревела от боли, поскольку повисла на своих полутораметровых волосах. Принц же покрепче ухватился за них и обрезал мечом между своей рукой и крюком. После этого он осторожно опустил девушку за волосы на землю и спрыгнул следом.

Потом они бродили по саду, беседуя, пока тени деревьев не приползли на свои обычные места и солнечные часы нс показали, что пора идти

завтракать.

И они пошли. Там их сразу окружили изумленные и восхищенные придворные. Волосы у принцессы больше не росли.

— Как тебе это удалось? — спросил король, радостно пожимая Флоризелю руку.

— Нет ничего проще, — скромно ответил принц. — Вы всегда отрезали волосы от принцессы. Я же отрезал принцессу от волос.

Король, у которого хорошо было развито логическое мышление, скептически хмыкнул. За завтраком он то и дело поглядывал на дочь. Когда же после еды все встали из-за стола, со всеми встала и принцесса. Но-о боже! — распрямляясь, она становилась все выше и выше, и присутствующие даже подумали, что она будет расти бесконечно. Однако на девяти футах она остановилась.

— Этого-то я и опасался, — мрачно проговорил король. — Интересно, в каком прогрессии будет увеличиваться ее рост? Дело в том, — обратился он к бедняге Флоризелю, — что когда ты отрезаешь волосы, они растут. А когда отрезаешь принцессу — растет она. Жаль, что ты об этом не подумал.

А принцесса все росла. Обед ей пришлось вынести в сад, потому что во дворце она уже не помещалась. Однако от горя к еде она даже не притронулась. Она начала плакать, и от ее слез в саду образовался такой пруд, что в нем чуть не утонули несколько слуг. Тут, правда, она вспомнила «Алису в стране чудес» и заставила себя успокоиться. Впрочем, рост ее от этого не прекратился. Она становилась все выше, выше, выше и, в конце концов, ей пришлось перейти из сада в чистое поле, где, однако, ей было почти так же неудобно, потому что час от часу она росла все быстрее и быстрее. Никто не знал, что делать, никто не знал, где и как принцесса будет спать. Единственным утешением было то, что одежда росла вместе с ней, иначе она бы просто замерзла. Так она и сидела посреди поля в зеленом платье, расшитом золотом, и издали была похожа на большой холм, поросший цветущим можжевельником.

Размеров принцессы вам просто не представить. Ее мать в отчаянии ломала руки на дворцовой башне, а убитый горем Флоризель безмолвно наблюдал за происходящим, не в силах осознать, что принцессу вырвали из его рук и превратили в великаншу.

Лишь король попытался что-то предпринять. Он немедленно написал и послал с горностаем письмо своей крестной, но оно вернулось нераспечатанным с пометкой: «Адресат выбыл в неизвестном направлении».

И в этот момент, когда жителей королевства (а оно располагалось на острове) охватило уныние, король соседней страны пошел на него войной. Огромная вражеская армия приплыла на кораблях и высадилась на острове. С высоты своего роста Мелисанда видела, как неприятельские солдаты шагают по ее родной земле.

— Пожалуй, не будет ничего плохого, — сказала она себе, — если своим ростом я воспользуюсь для доброго дела.

Приняв такое решение, она горстями собрала вражеских солдат, высыпала их на корабли и легонько подтолкнула корабли пальцами. Этого, однако, оказалось достаточно, чтобы они с огромной скоростью понеслись по волнам и. не останавливаясь, доплыли до своей страны. Вернувшись домой, солдаты все, как один, заявили, что скорее предпочтут сто раз пойти под трибунал, чем еще хоть раз отправятся к этому острову.

Тем временем принцесса отдыхала, сидя на са-

мом высоком холме. Неожиданно она почувствовала, что земля под ней дрожит и колеблется.

«По-моему, я становлюсь слишком тяжелой для моего острова», — забеспокоилась она и спрыгнула в морс, которое дошло ей только до лодыжек.

И тут на горизонте она вновь увидела вражеский флот. Линкоры, фрегаты и торпедные катера двумя колоннами двигались к острову с явно враждебными намерениями.

Мелисанда могла бы отправить их на дно одним ударом, но она не хотела гибели моряков, да к тому же боялась, что поднявшиеся волны могут затопить остров.

Поэтому она просто наклонилась, подняла остров и понесла его в другое место. Все острова, как известно, стоят на особой ножке, и их можно поднимать, точно грибы. Когда военные корабли подошли к месту, где в соответствии с картой должен был находиться остров, они не обнаружили ничего, кроме бушующего моря, — это принцесса, унося остров, сильно взболтала воду ногами.

Дойдя до подходящего с ее точки зрения места, солнечного, теплого, где к тому же совершенно не было акул, принцесса опустила остров на воду. Жители острова тут же закрепили его якорями и отправились спать, благодаря судьбу за то, что

она послала им на помощь в трудный час эту великаншу-принцессу, которую они называли спасительницей страны и оплотом народа.

Но то, что ее называли спасительницей и оплотом, не приносило девушке утешения. Ей хотелось стать прежнего роста и выйти замуж за своего возлюбленного, а ее рост по-прежнему измерялся многими милями, так что ей не с кем было даже поговорить. Когда стемнело, Мелисанда подошла к своему острову и с высоты долго смотрела на свой дворец, башню. Из ее глаз закапали слезы, и она долго-долго плакала. На море, однако, это не оказало никакого воздействия. Когда стало совсем темно, девушка подняла глаза к небу.

«Интересно, — подумала она, — сколько же мне понадобится времени, чтобы дорасти до звезд?»

И в этот момент, разглядывая небо, она над самым ухом услышала чей-то шепот. Очень тихий, но вполне различимый.

— Обрежь волосы! — говорил голос.

Надо отметить, что все вещи, которые были на принцессе или при ней, выросли тоже, так что ножницы, висевшие у нее на поясе, размерами не уступали Малайскому полуострову, игольник был с остров Уайт, а портновским метром можно

было опоясать Австралию.

Голос был едва различимым, но принцесса все равно сразу узнала его: он мог принадлежать только одному человеку-принцу Флоризелю. Она тут же достала ножницы из золоченого футляра и-вжиг-вжиг — обрезала все волосы, которые упали в море. Кстати, на них тут же накинулись коралловые насекомые и превратили их в величайший в мире коралловый риф, но это так, к слову.

Теперь голос велел принцессе подойти ближе к острову, что она и сделала. Не очень близко, конечно, потому что она оставалась еще высокой, но, когда она снова посмотрела на небо, ей показалось, что оно все же отодвинулось от нее.

Затем голос велел ей приготовиться плыть, и тут она почувствовала, как кто-то вылез у нее из уха и спустился по руке. Небо отодвигалось все дальше и дальше, и спустя короткое время Мелисанда и Флоризель уже плыли по морским волнам.

— Я перебрался на твою руку, когда ты переносила остров, — объяснил принц, когда их ноги коснулись песка и они побрели по мелководью, — и пробрался тебе в ухо. Но ты меня даже не заметила…

— О мой милый принц, — воскликнула Мелисанда, падая в его объятия, — ты спас меня. Я снова такая, какой была.

Они вернулись домой и рассказали все королю с королевой. Все были очень счастливы, и только король, почесывая подбородок, произнес:

— Все это, молодой человек, очень хорошо, и ты неплохо себя проявил, но не кажется ли тебе, что мы пришли к тому, с чего начали? Волосы-то у девочки опять растут.

И они действительно росли.

Король снова обратился к крестной, на этот раз послав письмо с летающей рыбой, и с ней же получил ответ:

«Ездила отдыхать. Извини за неудобства. Может, попробуешь весы?»

Долго ломал голову над этой запиской королевский двор. А принц тем временем распорядился сделать золотые весы и повесить их в саду под могучим дубом. И однажды утром он обратился к девушке со следующими словами:

— Милая Мелисанда, я хочу серьезно с тобой поговорить. Жизнь идет, мне уже почти двадцать, пора думать об устройстве семейного очага. Готова ли ты полностью довериться мне и встать на чашу весов?

Принцесса кивнула, и тогда он отвел ее в сад и помог подняться на весы. Девушка присела на корточки, обхватив руками колени, и в своем зеленом с золотом платье выглядела точно маленький холмик, покрытый травой и лютиками.

— А что будет на другой чаше весов? — спросила Мелисанда.

— Твои волосы, — ответил Флоризель. — Понимаешь, когда отрезают волосы, растут они. Когда отрезают тебя, растешь ты. Да, радость моего сердца, мне никогда не забыть, какой ты была! Но если ты и волосы будете весить одинаково и в этот самый момент я отделю вас друг от друга, то ни ты, ни они не сможете решить, кому же из вас следует расти.

— А вдруг мы начнем расти одновременно? — робко предположила девушка.

— Исключено, — твердо произнес Флоризель, даже вздрогнув от такой мысли. — Даже злая воля Злонравии имеет свои пределы. И, кроме того, помнишь, что сказала крестная твоего отца: весы! Ну что, решаешься?

— Я сделаю все, что ты скажешь, — ответила бедная принцесса, — но позволь мне сначала поцеловать папу, маму, няню и тебя, мой любимый, потому что если я вырасту, то никого больше

никогда не поцелую.

Один за одним они подошли и поцеловали девушку. Потом няня обрезала ей часть волос, и они тут же стали расти с удвоенной силой. И по мере того как они появлялись, король, королева и няня спешно укладывали их на другую чашу весов. Вскоре эта чаша дрогнула и приподнялась. Принц с обнаженным мечом стоял ровно посередине между чашами, и за мгновение до того, как чаши сравнялись, он размахнулся и ударил. За те доли секунды, что понадобились мечу просвистеть в воздухе, волосы успели вырасти на один-два метра, и, когда он коснулся волос, вес обеих чаш был абсолютно одинаковый,

— Для своего возраста ты очень умен, — сказал король Флоризелю, обнимая его, а королева и няня тем временем бросились помогать принцессе сойти с весов.

Когда Мелисанда спустилась вниз, чаша с золотистыми волосами грохнулась о землю, но этого никто даже не заметил, потому что все смотрели только на принцессу, которая от счастья смеялась и плакала одновременно. Да и как ей было не плакать и не смеяться, если вокруг были любящие люди, если она никуда не росла и ее волосы тоже никуда не росли.

Она много-много раз поцеловала принца, и на следующий день они поженились. Все гости отмечали удивительную красоту невесты, и особенно то, что волосы ее были довольно короткими — всего пять футов и пять с четвертью дюймов — и доходили девушке до лодыжек. Объяснялось это просто: между чашами весов было десять футов и десять с половиной дюймов, и принц, обладая точным глазомером, разрубил золотистые волосы ровно посередине!

Д. БАРРИ

ПИТЕР ПЭН В КЕНСИНГТОНСКОМ САДУ

Д. БАРРИ
Питер Пэн в Кенсингтонском Саду

I. Большая прогулка по Саду

Вам следует знать, что вы не сможете следить за приключениями Питера Пэна, если не познакомитесь с Кенсингтонским Садом[1]. Этот Сад находится в Лондоне, где живет король, и я водил Дэвида туда гулять почти каждый день, если мальчик не слишком капризничал. С одной стороны Сад ограничен нескончаемым потоком омнибусов, над которыми ваша няня имеет такую власть, что стоит ей поднять палец, как любой из них немедленно останавливается, и вы с няней спокойно переходите на другую сторону улицы. В Сад ведут несколько ворот, но вы всегда входите через одни и те же. За ними начинается Большая Аллея, которая настолько же больше всех остальных дорожек, насколько ваш папа больше вас самих. Не могло ли так случиться, размышлял Дэ-

[1] Примечания: 1

Кенсингтонский Сад - один из центральных парков Лондона, заложен в 1728-1731 годах. В нем и находится озеро Серпентин.

вид, что сначала Большая Аллея была маленькой, но потом росла, росла и наконец стала совсем взрослой и что маленькие дорожки — её дети? Он нарисовал картину, которая немало его позабавила, как Большая Аллея-мама катает маленькую дорожку в коляске. Если бы я стал показывать все достопримечательности Большой Аллеи, то мы бы не успели даже дойти до них, из-за того что уже надо было бы поворачивать назад, и поэтому я только укажу тростью на дерево Секко, то памятное место, где мальчик по имени Секко потерял один пенни, стал искать его и нашел два. С тех пор там постоянно ведутся раскопки. Чуть дальше по дороге стоит крошечный деревянный домик, с которым связана одна ужасная история. В этом домике прятался Мармадюк Перри, который капризничал и вел себя, как девчонка, три дня подряд, и в наказание должен был пройти по Большой Аллее в платье своей сестры. Он спрятался в деревянном домике и согласился выйти оттуда только тогда, когда ему принесли бриджи с карманами.

Затем мы подходим к месту, где Большая Аллея образует Спуск, на котором проводятся все большие гонки. И даже если у вас нет ни малейшего желания бежать, вы все равно бежите, как только

начинается Спуск, такой он покатый. Если вы останавливаетесь на полпути — вы теряетесь, но поскольку как раз неподалеку есть еще один деревянный домик, Дом Потерявшихся, то вас там и находят. Сбегать по Спуску — чудесное развлечение, но только оно не всегда доступно, потому что в ветреные дни вас в Сад не пускают, а вместо вас по Спуску мчатся только опавшие листья. Мало кто умеет забавляться так, как опавший лист.

Продолжая идти по Большой Аллее, справа мы увидим Тропу Малышей, на которой так много колясок, что если бы няни только разрешили по ним прыгать, то можно было бы перебраться с одной стороны тропы на другую не касаясь земли.

Ну а теперь мы у колодца Святого Говора, в котором воды было до самого верху, когда в него упал Мальком Смелый. Он был мамин любимец и разрешал ей обнимать себя на людях, потому что она была вдовой, но больше всего на свете любил путешествия и обожал играть с трубочистом, который убил множество медведей. Трубочиста звали Копоти, а как-то раз, когда они играли у колодца, Мальком упал в него и непременно утонул бы, если бы Копоти не нырнул следом и не вытащил мальчика. Вода смыла с трубочиста копоть и он оказался пропавшим отцом Малько-

ма. С тех пор Мальком больше не разрешал маме обнимать себя.

А теперь я расскажу о Круглом Пруде, который приводит в действие весь механизм Сада.

Пруд круглый потому, что он расположен в самом центре Сада, и как только вы до него доходите, у вас пропадает всякое желание идти дальше. Круглый Пруд — это не Большая Аллея, и возле него вести себя все время примерно — невозможно, как бы вы не старались: дело в том, что сперва вы забываете, как надо себя вести, а когда вспоминаете, то уже так сильно забрызганы, что беречься дальше не имеет ни малейшего смысла. Кое-кто из взрослых пускает в Круглом Пруду лодки, причем такие большие, что их привозят на тележках. Иногда для этого используют детские коляски, и тогда ребенку приходится идти пешком. Так что если в Саду вам встретится малыш с кривыми ножками, знайте: ему пришлось пойти раньше срока потому, что коляска была нужна его отцу.

Вы мечтаете о паруснике, который можно было бы пускать в пруду, и в конце концов дядя дарит вам его. Как чудесно нести парусник к пруду в первый раз, обсуждать его достоинства с теми мальчишками, у которых нет дяди! Вскоре, од-

нако, вы предпочтете оставлять парусник дома, потому что самое приятное занятие на пруду — это пускать кораблики-деревяшки. На земле это обыкновенная деревяшка, отсюда и его название, но стоит вам опустить эту деревяшку в воду и взять в руки бечевку, как она превращается в настоящий корабль. Вы идете по берегу, таща его на бечевке, и видите, как на его палубе появляются крошечные матросы, как паруса словно по волшебству надуваются и наполняются ветром. В бурные ночи вы отводите корабль в укромные бухточки, неизвестные величественным яхтам, но ночи кончаются быстро, и вот наш щеголеватый корабль снова ставит нос по ветру, киты снова пускают фонтаны, и вы скользите над затопленными городами, отбиваетесь от пиратов, бросаете якорь у коралловых островов. И все это время вы остаетесь один, потому что вдвоем на Круглом Пруду трудно отважиться уплыть далеко, и хотя в течение всего плавания вы можете разговаривать сам с собой, отдавая приказания и тут же их выполняя, вы совершенно забываете и о том, когда надо идти домой, и где вы побывали, и какие ветры надували ваши паруса; можно сказать, что ваше сокровище скрыто в вашем трюме, который, возможно, будет открыт каким-нибудь

другим мальчиком много лет спустя.

А вот в трюме у парусников пусто.

Разве они навевали хоть кому-то воспоминания о золотых днях детства? О нет, вы вспоминаете совсем не о них, а о кораблях-деревяшках. Парусники — это игрушки, а их владельцы — неопытные салажата. Единственное, на что они способны, — это плавать по пруду взад-вперед, тогда как деревяшка плавает по морям. О, вы, обладатели парусников, вы, думающие, что все мы только и делаем, что восхищаемся вами, знайте же, что ваши суда могут здесь быть, а могут не быть, и будь они все до одного перевернуты и потоплены утками, все равно Круглый Пруд ничего не потеряет.

Тропинки, как дети, тоже отовсюду сбегают к пруду. Одни из них — это обычные, специально проложенные тропинки, с перилами по обеим сторонам, зато другие — это тропинки-бродяги, то широкие, то настолько узкие, что вы можете легко встать над любой, расставив ноги, и пропустить её под собой. Зовут их Тропинки, Которые Проложили Себя Сами, и Дэвиду страшно хотелось посмотреть, как они это делают. Но, подобно всем прочим удивительным событиям, происходящим в Саду, это случается, как мы убедились,

по ночам, когда ворота закрываются. И еще мы решили, что тропинки прокладывают себя сами потому, что для них это единственная возможность добраться до Круглого Пруда.

Недалеко отсюда начинается Серпентин. Это красивое озеро. И на дне его растет затонувший лес. Если с берега заглянуть в озеро, то можно увидеть деревья, растущие верхушками вниз, а ночью, говорят, даже потонувшие звезды. Если это правда, то их видит Питер Пэн, когда он плывет по озеру в Дроздином Гнезде. В саду находится не все озеро: большая его часть уходит далеко за мост, туда, где расположен остров, на котором родятся птицы, которые впоследствии должны стать мальчиками и девочками. Ни один настоящий человек, кроме Питера Пэна — а он лишь наполовину человек, — не может ступить на этот остров, зато каждый может написать на листке бумажки, кого он хочет (мальчика или девочку, блондина или брюнета), сделать из этого листка кораблик и пустить его на воду. К вечеру он достигнет острова Питера Пэна.

II. Питер Пэн

Если вы спросите свою маму, знала ли она о Питере Пэне, когда была маленькой, она ответит:

«Ну конечно, милый», а если вы спросите её, ездил ли Питер Пэн в те дни на козле, она ответит:

«Ну что за глупый вопрос! Конечно, ездил!» Если вы затем спросите бабушку, знала ли она о Питере Пэне, когда была маленькой, она тоже ответит: «Конечно, знала», но если вы её спросите, ездил ли он тогда на козле, она ответит, что никогда не слышала, что у него есть козел. Может быть, она просто забыла, как забывает иногда твое имя и зовет тебя Милдред, хотя так зовут твою маму. Вряд ли, однако, можно забыть такую важную деталь, как козел. Поэтому вы вправе утверждать, что, когда бабушка была маленькой, никакого козла у Питера Пэна не было. Это говорит о том, что, рассказывая историю Питера Пэна, начинать с козла, как делает большинство людей, так же глупо, как надевать сперва пиджак, а потом жилет.

Конечно, это говорит еще и о том, что Питер никак не младше вашей бабушки, но поскольку возраст его уже давно не меняется, то это не имеет, ни малейшего значения. Ему всегда будет одна неделя, и хотя он родился много лет назад, дня рождения у него ни разу не было и навряд ли когда-нибудь будет. Дело в том, что, когда Питеру исполнилось семь дней, ему расхотелось

быть человеком. Он убежал через окно и полетел обратно в Кенсингтонский Сад.

Если вы думаете, что Питер Пэн был единственным ребенком, который хотел убежать, то это говорит лишь о том, что вы совсем забыли первые дни вашей жизни. Дэвид, например, впервые услышав историю о Питере Пэне, стал меня уверять, что он никогда не пытался убежать. Когда же я попросил его поднапрячь свою память, сжав кулаками виски, и он сдавил голову крепко, а потом еще крепче, то вспомнил свое младенческое желание вернуться в кроны деревьев. За этим воспоминанием пришли и другие: как он лежал в кроватке, собираясь улизнуть, лишь только его мама заснет, или как однажды она поймала его у самого дымохода. Все дети могли бы вспомнить что-нибудь похожее, если бы только покрепче прижали кулаки к вискам, ведь прежде чем стать людьми, они были птицами. Поэтому неудивительно, что первые недели они немного диковаты и у них чешутся лопатки, где еще недавно были крылья. Так говорит Дэвид.

Теперь мне следует сказать о том, как создавалась эта история. Сначала я рассказывал её Дэвиду, потом он рассказывал мне (причем мы договорились, что его история не будет повторять

мою), потом снова я, на этот раз с его добавлениями, и так далее.

Сейчас уже невозможно определить, чья же она на самом деле — его или моя. В этой истории о Питере Пэне само повествование и большая часть назидательных отступлений — мои, хотя и не все, ведь ребенок тоже может быть настоящим моралистом, зато все интересные факты об обычаях и привычках младенцев, находящихся еще в облике птиц, — в основном воспоминания Дэвида, которые пришли к нему, когда он поднапрягся и крепко сжал виски кулаками.

Итак, Питер Пэн убежал через окно, на котором не было решетки. Стоя на карнизе, он увидел вдалеке верхушки деревьев — это, конечно же, был Кенсингтонский Сад, — а увидев их, совершенно забыл, что теперь он — младенец в ночной сорочке, и полетел прямо туда над крышами домов. Просто поразительно, что ему удалось лететь без крыльев, но лопатки сильно зудели, и возможно… возможно мы все смогли бы взлететь, если бы мы также не сомневались в своей способности к этому, как не сомневался в тот вечер храбрый Питер.

Он весело опустился на траву неподалеку от озера Серпентин и прежде всего лег на спину

и стал болтать ногами в воздухе. Он совсем забыл, что уже успел стать человеком, и считал себя настоящей птицей, то есть таким, каким он был еще неделю назад, и когда ему не удалось поймать мошку, он не мог понять, что неудача постигла его потому, что он пытался схватить мошку рукой, чего настоящая птица не делает. Однако он понял, что, должно быть, наступил Запретный Час, поскольку кругом было множество фей. Впрочем, они были слишком заняты, чтобы обращать на него внимание. Феи готовили еду, носили воду, доили коров и занимались прочими подобными делами. При виде ведер с водой Питера охватила жажда, и он полетел к Круглому Пруду попить. Он наклонился и окунул в воду клюв, вернее то, что, по его мнению, было клювом. На самом же деле он опустил в воду свой нос, поэтому неудивительно, что напиться ему не удалось и жажда не утихла. Потом он попробовал попить из лужи, но только шлепнулся в нее. Когда настоящая птица шлепается в воду, она расправляет крылышки и чистит их клювом, но Питер никак не мог вспомнить, что же именно полагается сделать, и с недовольным видом отправился спать на ветку бука, который растет около Тропы Малышей.

Поначалу Питеру было нелегко держать равновесие на ветке, но постепенно он вспомнил, как это делается, и заснул. Проснулся он задолго до рассвета, дрожа от холода и повторяя про себя: «Что-то мне не припомнить такой холодной ночи». Ему, конечно, приходилось бывать на улице и в более холодную погоду, но тогда он был птицей, а ведь всем известно, что если птице ночь кажется теплой, для малыша в одной ночной сорочке она достаточно холодна.

К тому же Питера стало беспокоить какое-то непонятное ощущение, будто ему заложило всю голову. Он услышал громкие звуки и стал вертеть головой, прислушиваясь. На самом деле — это было его собственное сопение. Ему чего-то очень хотелось, но он никак не мог понять, чего именно. А хотелось ему, чтобы мама высморкала его нос, однако это не пришло ему в голову. И Питер решил обратиться к феям, чтобы те ему объяснили, что с ним происходит. Говорят, они многое знают.

Как раз в это время по Тропе Малышей, обняв друг дружку за талию, прогуливались две феи, и Питер спрыгнул с дерева, чтобы обратиться к ним. У фей бывают свои ссоры с птицами, но на вежливый вопрос они обычно отвечают вежли-

во, и поэтому Питер очень разозлился, когда при его появлении они пустились наутек. Еще одна фея, которая, развалившись на скамейке, изучала оброненную человеком почтовую марку, вскочила, услышав голос Питера, и в испуге спряталась за тюльпаном.

К немалому смущению Питера, он обнаружил, что все феи от него убегают. Несколько эльфов-дровосеков, которые спиливали гриб-поганку, удрали, побросав все инструменты. Молочница перевернула бидон и спряталась в нем. Вскоре весь Сад был в панике. Феи толпами носились взад-вперед по дорожкам, спрашивая друг друга, кто же из них испугался; огни в домах были потушены, двери забаррикадированы, а со стороны дворца Королевы Маб[2] доносилась барабанная дробь, возвещавшая о выступлении королевской гвардии. По Большой Аллее двигался отряд улан, вооруженных листьями остролиста, которыми они кололи врагов. Со всех сторон Питер слышал крики маленького народца, что в Саду после Запретного Часа остался человек, но ему ни на секунду не приходило в голову, что это говорят о нем. Ему все сильней закладывало уши и нос,

---

[2] Примечания: 2
Королева Маб - легендарная королева фей.

и все сильней томило желание узнать, что же именно ему хочется сделать, но напрасно он пытался получить у фей ответ на столь важный для него вопрос — эти робкие создания убегали от него прочь, и даже уланы, к которым он хотел подойти у Спуска, быстро свернули на боковую аллею, притворившись, что видят его там. Потеряв надежду поговорить с феями, Питер решил обратиться к птицам, но вдруг вспомнил, что когда он опустился на ветку бука, все птицы, сидевшие на дереве, улетели. Тогда это его не взволновало, сейчас же он ясно понял, что это значило. Все живые существа сторонились его! Бедный Питер Пэн! Он опустился на землю и заплакал, но даже сейчас не подумал, что для птицы он сидит абсолютно неправильно. Впрочем, для него это было только к счастью, ведь иначе он навсегда потерял бы веру в то, что он способен летать, а стоит хоть раз потерять эту веру, и вы никогда больше не сможете полететь. Причина того, что птицы могут летать, а мы — нет, очень проста: птицы верят, что они могут, и вера дает им крылья.

До острова на озере Серпентин можно добраться только по воздуху, потому что лодкам людей запрещено там приставать, и, кроме того, вокруг

всего острова из воды торчат шесты, на которых днем и ночью сидят птицы-часовые. Именно к этому острову и полетел Питер, чтобы поведать о своих горестях старому ворону Соломону. Опустившись на остров, Питер почувствовал облегчение и приободрился оттого, что наконец-то вернулся домой, — так называют птицы свой остров. Все его обитатели, включая часовых, спали. Не спал один Соломон, который сидел, широко раскрыв один глаз. Он спокойно выслушал рассказ о злоключениях Питера и объяснил их причину.

— Посмотри на свою ночную сорочку, если не веришь, — сказал Соломон. Питер долго рассматривал свою одежду, потом взглянул на спящих птиц: на них ничего не было. — А какие пальцы у тебя на ногах: большие (как у птиц), или маленькие? — с некоторой жестокостью спросил Соломон, и Питер с ужасом увидел, что пальцы у него совсем крошечные. Потрясение было настолько велико, что даже насморк у него прошел. — Распуши перья, — продолжал беспощадный ворон, и Питер стал изо всех сил стараться распушить перья, но не мог — ведь перьев у него не было. Весь дрожа, он встал на ноги, и впервые с тех пор, как стоял на карнизе,

подумал об одной женщине, которая когда-то очень его любила.

— Пожалуй, я вернусь к маме, — неуверенно сказал он.

— Счастливого пути, — сказал старый ворон, как-то странно посмотрев на Питера.

Питер колебался.

— Чего же ты ждешь? — вежливо спросил Соломон.

— Но ведь я еще могу, — хриплым голосом спросил Питер, — еще могу летать?

Дело в том, что он потерял веру.

— Бедняга, — пожалел его ворон, который в глубине души вовсе не был жесток. — Ты до конца жизни не будешь ни тем, ни другим, ни птицей, ни человеком, и никогда больше не поднимешься в воздух, даже в самые ветреные дни. Ты будешь жить всегда здесь, на острове.

— И не смогу бывать даже в Кенсингтонском Саду? — грустно спросил Питер.

— А как ты собираешься туда добраться? — поинтересовался Соломон. Он, однако, отнесся к Питеру с большой добротой и пообещал обучить его всем птичьим повадкам, насколько Питер со своим неуклюжим телом сможет их перенять.

— Так я не буду обычным человеком? — спро-

сил Питер.

— Нет.

— И я не буду настоящей птицей?

— Нет.

— А кем же я буду?

— Ты будешь Серединкой Наполовинку, — ответил Соломон, и, видно, он действительно был мудрым вороном, потому что так все и вышло.

Птицы на острове так и не привыкли к Питеру. Его причуды постоянно их раздражали, хотя не он был младше их, а они младше его. Каждый день из яиц вылуплялись все новые и новые птицы и сразу начинали смеяться над Питером. Вскоре они улетали, чтобы стать человеческими младенцами, а из яиц вылуплялись новые, и так продолжалось вечно. Хитрые птицы-мамы, когда им надоедало высиживать своих птенцов, придумали, как заставить их проклюнуть яйца и появиться на свет раньше положенного срока: они просто шептали им, что сейчас самый удобный момент поглядеть, как Питер моется, пьет или ест. Тысячи птиц собирались вокруг Питера каждый день посмотреть, как он все это делает, точно так же как вы смотрите на павлинов, и прыгали от восторга, когда Питер руками хватал кусочки хлеба, которые они ему кидали,

вместо того чтобы делать это как положено, то есть ртом.

Еду для Питера по распоряжению Соломона птицы приносили из Кенсингтонского Сада. Питер наотрез отказался есть червяков и мошек (что, по мнению птиц, было очень глупо), и поэтому они приносили ему в клювах кусочки хлеба. Так что если вы увидите, как птица тащит куда-то большую корку, не кричите ей вслед: «Жадина! Жадина!», как вы обычно делаете, поскольку, по всей вероятности, она несет её Питеру Пэну.

Ночную сорочку Питер больше не носил. Дело в том, что птицы постоянно выпрашивали из нее кусочки, чтобы застилать гнезда, а Питер, который был по природе очень добрым, не мог им отказать, поэтому, послушавшись совета Соломона, он спрятал то, что от нее осталось. Но и оставаясь совершенно нагим, Питер не страдал ни от холода, ни от уныния, как можно было бы подумать. Обычно он много резвился и веселился, и объяснялось это тем, что Соломон сдержал свое обещание и обучил Питера многим птичьим повадкам. Например, быть всем довольным, всегда делать что-нибудь нужное и считать, что работа имеет огромнейшее значение. Питер научился очень ловко помогать птицам строить гнезда.

Вскоре он уже мог строить лучше лесного голубя и почти так же хорошо, как черный дрозд, хотя вьюрка его мастерство и не удовлетворяло. Кроме того, Питер выкапывал рядом с гнездами замечательные ямки для воды и пальцами вырывал из земли червяков для птенцов. Еще он научился птичьему языку, по запаху отличал восточный ветер от западного, мог видеть, как растет трава, и слышать, как под корой дерева ползают букашки. Но самое главное, чему научил Питера Соломон, — быть довольным и счастливым. Все птицы счастливы, если только вы не разоряете их гнезда, и поскольку другого состояния чувств Соломон не знал, ему было нетрудно научить этому Питера.

Сердце Питера настолько переполнялось счастьем, что ему хотелось петь дни напролет, петь от избытка радости, как птицы. Однако наполовину он оставался человеком, ему был нужен инструмент, на котором он мог бы играть. Поэтому он смастерил себе из тростника дудочку и частенько сидел весь вечер на берегу острова, стараясь подражать шелесту травы или журчанию воды.

Он сгребал пригоршни лунного света и превращал его в музыку, отчего дудочка пела так

чудесно, что даже птицы бывали сбиты с толку и спрашивали друг друга: «Это рыба резвится в озере или Питер своей игрой подражает резвящейся рыбе?» Иногда он играл рождения птицы, и тогда птицы-мамы поворачивались в гнездах и смотрели, не появились ли птенцы.

Если вы в Саду частый гость, то, наверное, знаете каштан у моста, который всегда зацветает раньше других каштанов, но, скорее всего, вам не известно, почему это происходит. Дело в том, что Питер, тоскующий по лету, играет на дудочке его приход, и каштан, который растет ближе других деревьев к острову, где играет Питер, слышит его игру и верит, что лето уже настало.

Иногда, когда Питер сидел на берегу, негромко наигрывая на дудочке, его охватывали грустные мысли, отчего музыка тоже становилась грустной, А грустил он потому, что никак не мог добраться до Сада, хотя тот виднелся под аркой моста. Питер знал, что ему никогда не бывать настоящим человеком, да вряд ли он и хотел им стать, но как он жаждал играть в те же игры, в какие играют все остальные дети, а лучшее место для игр, конечно же, Кенсингтонский Сад. Птицы рассказывали Питеру, как играют мальчики и девочки, и слезы сожаления навертывались ему

на глаза.

Может быть, вы спросите: почему он не переплыл озеро? Я вам отвечу: он не умел плавать. Ему очень хотелось узнать, как это делается, но на всем острове об этом знали только утки, а они были такие бестолковые. Они бы и рады были научить его, но все их объяснения сводились лишь к одному: «Вот так ты садишься на воду и вот так от нее отталкиваешься». Питер неоднократно пытался проделать все сначала, но всякий раз уходил под воду раньше, чем успевал от нее оттолкнуться. Главное, что ему надо было узнать, — это как сидеть на воде и не тонуть, но утки лишь твердили, что столь элементарную вещь объяснить невозможно. Иногда к острову подплывали лебеди, и тогда Питер был готов отдать им весь хлеб, лишь бы они ответили, как сидеть на воде, но как только эти злобные создания все съедали, они шипели на Питера и уплывали.

Однажды он совсем поверил, что нашел способ добраться до Сада, Удивительный белый предмет, похожий на улетевшую газету, парил в небе над островом и вдруг как-то странно дернулся и перекувырнулся несколько раз подряд, словно птица, которой подбили крыло.

Питер даже спрятался от испуга, но ему объяснили, что это всего лишь игрушка — воздушный змей и что он, должно быть, вырвал веревку из рук какого-то мальчика и взмыл ввысь.

После этого Питер так сильно полюбил змея, что даже во сне клал на него руку. Птицы стали над ним смеяться, а по-моему, это была милая и трогательная картина, ведь Питер любил его за то, что тот принадлежал настоящему мальчику.

Хотя птицы и не одобряли этой привязанности Питера, те из них, кто постарше, относились к нему с благодарностью за то, что он ухаживал за их неоперившимися птенцами, когда те болели краснухой. Поэтому они предложили показать, как птицы могут запускать змея. Шесть из них взяли в клюв конец веревки и поднялись в воздух, а вслед за ними, к изумлению Питера, полетел и змей, да еще поднялся выше их.

— Еще раз! — крикнул Питер, и птицы, существа по природе своей добрые, запускали змея несколько раз подряд, и после каждого запуска вместо благодарности Питер кричал одно и то же: «Еще! Еще раз!», что показывает, насколько прочно укоренились в нем мальчишеские привычки.

Наконец его храброе сердце переполнилось желанием осуществить один дерзкий план. Питер

попросил птиц запустить змея еще раз, чтобы самому прицепиться к его хвосту. На этот раз веревку потянуло сто птиц, а Питер прицепился к змею, собираясь разжать руки, когда будет над Садом. Змей, однако, развалился на куски еще над озером, а Питер несомненно утонул бы, если бы не успел ухватиться за двух возмущенных лебедей и не заставил их отнести его на остров. После этого случая птицы заявили, что больше они не будут участвовать в столь безумной затее.

В конце концов, Питер всё же сумел добраться до Сада с помощью кораблика, который пустил Шелли[3], о чем я вам сейчас и расскажу.

III. Дроздиное гнездо

Шелли был молодым джентльменом и настолько не взрослым, насколько это возможно. Он был поэтом, а поэты никогда не бывают по-настоящему взрослыми. Они презирают деньги, кроме тех, что необходимы на сегодняшний день, а у Шелли были деньги и на сегодня, и еще пять фунтов сверх того. И вот, прогуливаясь по Кенсингтонскому Саду, Шелли сделал кораблик из

---

[3] Примечания: 3

Шелли (1792-1822)-английский поэт-романтик. Имя его здесь употребляется как собирательный образ поэта, а настоящий поэт, по убеждению Барри, «никогда не становится взрослым».

пятифунтовой банкноты и пустил его в озеро Серпентин.

К вечеру кораблик достиг острова, и стрижи принесли его к Соломону, который сначала принял его за обычное послание от какой-нибудь женщины, в котором она просила Соломона прислать ей хорошенького ребенка. Когда Соломон развернул кораблик, пущенный Шелли, он был совершенно сбит с толку и собрал на совет своих помощников, которые, обойдя вокруг странной бумажки и как следует, рассмотрев её, сошлись на том, что это послание какого-то жадного человека, который хочет сразу пятерых. Они так решили потому, что на бумажке стояла крупная цифра пять.

— Какая-то ерунда! — крикнул, рассердившись, Соломон и отдал бумажку Питеру, потому что всякие бесполезные предметы, которые волны выбрасывали на остров, обычно отдавались Питеру для игры.

Однако с этой ценной бумажкой Питер играть не стал, — он был очень наблюдательным малышом в ту неделю, которую провел дома, и теперь сразу узнал, что это. Питер решил, что, располагая такой значительной суммой, он сможет, наконец, попытаться достичь Кенсингтонского

Сада. Он стал обдумывать все возможные способы и остановился (и очень мудро, на мой взгляд) на лучшем. Но сначала он должен был объявить птицам об истинной стоимости кораблика, и хотя они были слишком честны, чтобы требовать свой подарок назад, Питер видел, что им стало досадно. Они бросали такие мрачные взгляды на Соломона, который весьма гордился своей мудростью, что тот улетел на дальний конец острова и, сильно удрученный, сидел там, сунув голову под крыло. Питер хорошо знал, что без содействия Соломона на острове нельзя будет ничего добиться, и поэтому последовал за ним и постарался подбодрить.

Однако, чтобы завоевать расположение своего влиятельного друга, Питер этим не ограничился. Надо сказать, что Соломон отнюдь не собирался оставаться на своем посту до самой смерти, а хотел со временем уйти на покой и посвятить лучшие годы своей старости беззаботной жизни на некоем тисовом пеньке в Кенсингтонском Саду, который ему особо приглянулся.

Для этого он уже долгие годы понемногу делал запасы в своем чулке. Чулок, принадлежавший какому-то человеку, когда-то выбросило на берег, и ко времени, о котором я рассказываю, в нем уже

было сто восемьдесят крошек, тридцать четыре ореха, шестнадцать хлебных корок, стирательная резинка и шнурок от ботинка. По подсчетам Соломона, он мог бы уйти на покой и иметь обеспеченную старость, когда чулок наполнится. Сейчас Питер дал Соломону один фунт. Он отрезал его от своей банкноты острой палочкой.

После этого Соломон навеки стал Питеру другом, и, посовещавшись, они позвали к себе дроздов. Скоро вы поймете, почему приглашение получили одни дрозды.

Идея, предложенная на суд дроздов, принадлежала Питеру, хотя говорил в основном Соломон (он быстро раздражался, если говорили другие). Начал он с того, что выразил свое восхищение мастерством и изобретательностью, которые дрозды проявляют при постройке гнезд. Птицы все время спорят о лучшем способе постройки гнезд, и поэтому такое начало сразу привело дроздов в хорошее расположение духа. Другие птицы, продолжал Соломон, не выкладывают свои гнезда глиной, в результате чего они не держат воду. Соломон гордо вскинул голову, словно привел неопровержимый довод, но тут явившаяся на эту встречу без приглашения полевка крикнула: «Гнезда строят, чтобы в них держать

яйца, а не воду», после чего дрозды приуныли, а Соломон настолько растерялся, что несколько раз глотнул воды.

— А вспомни, — произнес он, наконец, — какими теплыми становятся гнезда от глины.

— А ты вспомни, — возразила полевка, — что, когда в такое гнездо попадает вода, ей из него не уйти, и все ваши птенчики потонут.

Дрозды взглядом молили Соломона ответить на это чем-нибудь сокрушающим, но он опять растерялся.

— Сделай еще глоток, — нахально посоветовала полевка. Её звали Кейт, а все, кто носит такое имя, ужасно дерзки на язык.

Соломон и впрямь сделал еще глоток, и это воодушевило его.

— Твое гнездо, — заявил он, — если его поставить на воду, намокнет и развалится на куски, а дроздиное останется сухим, как спина лебедя.

Дрозды зааплодировали! Теперь-то они знали, почему они выкладывали гнезда глиной, и когда полёвка выкрикнула: «Мы никогда не ставим свои: гнезда на воду!», они сделали то, что им следовало сделать с самого начала, — просто выпроводили её с собрания, которое после этого пошло как по маслу.

Соломон объявил дроздам, с какой целью они собрались все вместе: их юный друг, Питер Пэн, желает, как все хорошо знают, пересечь озеро и добраться до Кенсингтонского Сада, и он предлагает им помочь ему построить лодку.

Услышав это, дрозды заерзали от беспокойства, отчего Питер Пэн стал опасаться за судьбу своего плана.

Соломон поспешил разъяснить, что он вовсе не имел в виду те неуклюжие лодки, какими пользуются люди, — нет, эта лодка должна быть простым дроздиным гнездом, только достаточно большим, чтобы выдержать Питера.

Но дрозды оставались мрачными, и сомнения Питера не рассеивались.

— Мы очень заняты, — ворчали дрозды, — а работа предстоит большая.

— Большая, — согласился Соломон, — и конечно же Питер не позволит вам работать на него за просто так. Вы должны помнить, что в данный момент он обладает значительными средствами, и вы будете получать такую зарплату, какую не получали еще ни разу в жизни. Питер Пэн уполномочил меня сообщить вам, что он будет платить каждому по шесть пенсов в день.

Тут все дрозды запрыгали от радости, и в тот же

день началось знаменитое Строительство Лодки. Обычные дела были заброшены. В это время года дрозды должны создавать семью и строить гнезда, но все они строили только одно большое гнездо, так что скоро Соломону стало не хватать дроздов для удовлетворения запросов с земли. Из дроздов получаются пухленькие, довольно жадные карапузы, которые быстро задыхаются при ходьбе, но превосходно смотрятся в колясках, а женщины очень часто просят именно таких. Как вы думаете, что сделал Соломон? Он послал за ласточками, живущими под коньками крыш, и приказал им откладывать яйца в старые дроздиные гнезда, а потом рассылал родившихся птенцов с уверениями, что они и есть настоящие дрозды! Позднее на острове этот год назвали годом ласточек, и если в Саду вы встретите взрослых людей, которые пыхтят и отдуваются, словно считают себя более солидными, чем они есть на самом деле, то почти наверняка они родились в этот год. Спросите у них сами.

Питер был хозяин своему слову и платил своим работникам каждый вечер. Они рядами сидели на ветвях, учтиво ожидая, пока он нарежет из своей пятифунтовой банкноты полоски по шесть пенсов, после чего Питер выкрикивал по списку

имена, и каждая птица, услышав свое имя, слетала вниз и получала шесть пенсов. Зрелище, наверно, было замечательное.

И вот, наконец, после многих месяцев работы лодка была построена. О, вам не представить себе радость Питера, когда он видел, как с каждым днем дроздиное гнездо становилось все больше и больше! С самого начала строительства он спал рядом с гнездом и, просыпаясь, часто шептал ему нежные слова, а когда гнездо выложили глиной и глина высохла, он стал спать прямо в нем. Он до сих пор спит в гнезде, сворачиваясь очаровательным клубочком, потому что устроиться в нем с некоторым удобством он мог только свернувшись как котенок. Изнутри гнездо — темно-коричневое, зато снаружи — зеленое, так как оно сплетено из травинок и веточек, а когда они засыхают или вянут, то их заменяют новыми. Кроме того, то тут, то там попадаются перышки, которые выпали у дроздов во время работы.

Остальные птицы испытывали самую жгучую зависть. Одни из них пророчили, что лодка будет неустойчива, — но она сохраняла равновесие замечательно, другие говорили, что она будет протекать, но сквозь её стенки не просачивалось ни одной капли воды. Потом они сказали, что у

Питера нет весел, чем привели дроздов в сильное замешательство, но Питер ответил, что весла ему не нужны, поскольку у него имеется парус, который был не что иное, как его ночная сорочка, и надо сказать, парус из нее получился на славу. В ту же ночь — к счастью, луна была полной — Питер взошел на свой ковчег, как сказал бы капитан Фрэнсис Претти, и отчалил от острова. Прежде всего, сам не зная почему, он посмотрел вверх, прижав руки к груди, а потом устремил взгляд на запад.

Питер обещал дроздам для начала проделать несколько коротких путешествий, взяв их в качестве проводников, но едва заметив вдали Кенсингтонский Сад, манящий его из проема моста, он не мог больше ждать ни минуты. Лицо его горело, но он ни разу не оглянулся, его маленькую грудь переполняла радость, которая прогнала былые опасения. Разве Питер был менее отважен, чем английские мореплаватели, идущие на запад навстречу Неведомому?

Сначала лодку носило по кругу, и Питер вернулся к тому же месту, от которого он начал свое путешествие, после чего он убавил парус, оторвав один из рукавов рубашки, и тут же был подхвачен ветром противоположного направления, что гро-

зило ему неисчислимыми бедствиями. Тогда он свернул парус, и его отнесло к дальнему берегу, где вставали темные тени опасностей, о которых он мог лишь смутно догадываться, а там снова развернул свою ночную сорочку и стал медленно удаляться от того гиблого места, пока наконец его парус не поймал ветер, который понес его в нужном направлении, причем с такой бешеной скоростью, что Питер чуть не разбился о мост. Чудом избежав столкновения, суденышко миновало мост, и, к неописуемой радости Питера, его взору открылась восхитительная панорама Сада. Однако, сделав попытку бросить якорь, которым служил обыкновенный камень, привязанный к веревке от воздушного змея, Питер не достал дна и был вынужден держаться на некотором расстоянии от берега. Выбирая место высадки, он напоролся на затопленный риф, и силой удара его вышвырнуло за борт, но, находясь на волосок от гибели, он сумел уцепиться за борт суденышка и вскарабкаться обратно. Тут поднялся страшный шторм, волны падали с таким грохотом, какого Питер никогда еще не слышал, его швыряло во все стороны, а пальцы закоченели настолько, что их было не согнуть. В конце концов, избежав и этих опасностей, Питер благополучно вошел в

маленькую бухточку, и его лодка мирно закачалась на волнах.

Тем не менее, на берегу Питера поджидали новые неприятности, ибо, совершив попытку высадиться, он увидел множество крошечных человечков, которые выстроились на берегу, чтобы помешать его намерению. Они пронзительно кричали, чтобы он убирался прочь, так как Запретный Час давно наступил. И их крики сопровождались угрожающим размахиванием остролистом; а несколько человечков несли стрелу, которую какой-то мальчик забыл в саду, — они собирались использовать её как таран.

Тогда Питер, узнавший в них фей, крикнул им в ответ, что он не обычный человек и не собирается причинять им никакого беспокойства, а, напротив, хочет стать их другом, что он нашел замечательную бухту и не намерен покидать её, и еще предупредил, чтобы они готовились к возможным последствиям, если нападут на него.

С этими словами Питер храбро спрыгнул на берег, и феи окружили его со всех сторон с намерением убить, но вдруг среди них поднялся сильный плач — это феи-женщины, которых было много в толпе, увидели детскую сорочку, приспособленную вместо паруса, и сразу проник-

лись к Питеру любовью. Они громко сетовали, что коленки у них слишком малы, чтобы его на них усадить, — я не могу дать этому никакого объяснения, так уж у женщин водится. Теперь и мужчины-эльфы, видя поведение женщин, чей ум они высоко ценили, вложили оружие в ножны и вежливо проводили Питера к своей королеве, которая пожаловала его пожизненным правом бывать в Саду после наступления Запретного Часа: отныне он мог разгуливать где пожелает, а все феи получили указание всячески ему содействовать.

Таким было первое путешествие Питера в Сад, и по несколько старомодному языку нашего рассказа вы можете заключить, что произошло это давным-давно. Но Питер не становится старше, и если бы мы сегодня вечером могли посмотреть, как он проплывает под мостом (чего мы, естественно, не можем), то, смею утверждать, мы бы увидели, как он плывет в дроздином гнезде под парусом из ночной сорочки или же гребет веслом в нашу сторону. Плывя под парусом, он садится, гребя веслом — встает. Несколько позже я расскажу вам, как он достал это весло.

Задолго до того времени, как ворота Сада открываются, Питер проскальзывает обратно на

остров, потому что люди не должны его видеть (для этого в нем слишком мало человеческого). Впрочем, ему и ночью хватает времени для игр. Играет он так же, как и настоящие дети, по крайней мере он так считает. На самом же деле играет он часто неправильно, и это самое трогательное в Питере.

Видите ли, объяснить Питеру, как играют дети, некому, поскольку все феи, как правило, до вечера прячутся и поэтому ничего об этом не знают, а птицы, хотя и делают вид, будто им многое известно, могут поведать удивительно мало, когда приходит пора рассказывать. Они все правильно показали ему, как играют в прятки, и Питер часто играл сам с собой, но даже утки не могли объяснить, почему пруд так притягивает мальчишек. К вечеру утки забывали все, что происходило днем, и помнили только, сколько кусочков кекса они проглотили.

Утки — нудные создания, которые все время жалуются, что нынче кексы уже не те, что были во времена их молодости.

Теперь вам понятно, почему Питеру приходилось многое додумывать самому? Он часто играл в кораблики на Круглом Пруду, но корабликом ему служили ворота от крокета, которые он на-

шел в траве. Конечно же, он никогда не видел таких ворот и не знал, как с ними играть, поэтому и решил, что ими играют в кораблики. Эти ворота сразу же тонули, и Питеру приходилось лезть за ними в воду, лишь изредка ему удавалось протащить их по водной глади, и тогда он с гордостью думал, что догадался, как мальчики играют с воротами.

В другой раз, найдя детское ведерко, Питер решил, что в нем сидят, и с таким упорством пытался устроиться там, что с великим трудом сумел из него выбраться. Еще он нашел воздушный шар, который прыгал по Спуску, словно играя сам с собой, и после захватывающей погони поймал его. Питер, однако, принял его за мяч, а поскольку синица по имени Дженни сказала, что мальчики' поддают мяч ногой, он и ударил по нему. Больше он воздушного шара не видел.

Возможно, самой замечательной из всех найденных им игрушек была детская коляска. Она стояла под липой, рядом со входом в Зимний Дворец Королевы Фей, который окружают семь испанских каштанов. Питер подходил к ней с опаской, ведь птицы ни разу не упоминали ни о чем подобном. На тот случай, если коляска окажется живым существом, Питер вежливо к ней

обратился, а затем, не получив ответа, подошел поближе и осторожно до нее дотронулся. Он её легонько толкнул, и она побежала от него, отчего он подумал, что, наверно, она все-таки живая. Впрочем, он не испугался — ведь она бежала от него — и, протянув руку, потянул её к себе. Однако на этот раз она побежала на него, и это настолько его ужаснуло, что он перепрыгнул через перила и стремглав помчался к своей лодке. Всё же не надо думать, что Питер был трусом, потому что на следующий вечер он вернулся к тому же месту, держа в одной руке корочку хлеба, а в другой — палку, но коляски там уже не было. Больше он колясок не встречал. Я обещал рассказать вам о его весле. Это была детская лопатка, которую Питер нашел около колодца Святого Говора и принял за весло.

Вы, наверно, жалеете Питера Пэна за то, что он делал все эти ошибки. Если это так, то, по-моему, вы поступаете неумно. Я хочу сказать, что, конечно, иногда его надо пожалеть, но жалеть его все время просто нелепо. Питер был уверен, что он великолепно проводит время в Саду, а если ты в этом уверен, то тебе так же весело, как если бы ты действительно проводил его великолепно. Он играл без остановок, в то время как вы часто

тратите время впустую, чтобы беситься или вести себя, как девчонка. Питер не мог заниматься ни тем, ни другим, потому что не знал, что это такое, так неужели, по-вашему, его и за это надо жалеть?

О, как он веселился! Он был настолько же веселее вас, насколько вы веселее своего отца. Иногда он вертелся как волчок и падал от одного только веселья. Вы видели, как борзые перепрыгивают через ограды Сада? Так же и Питер прыгал через них.

И не забудьте о музыке, которую он наигрывал на своей дудочке. Джентльмены, которым случалось возвращаться домой поздно вечером, пишут потом в газеты, как они слышали в Саду соловья, но на самом деле они слышали дудочку Питера. Конечно, у него не было мамы, — да и зачем она была ему нужна? За это его можно пожалеть, и то не очень, потому что сейчас я как раз собираюсь рассказать вам о том, как он её навестил. А помогли ему в этом феи.

IV. После наступления Запретного Часа

Рассказывать о феях ужасно трудно, потому что о них мало что знают. Наверняка известно, пожалуй, только одно: они появляются везде, где есть

дети. Когда-то давно детям запрещалось ходить в Сад, и тогда в нем не было ни одной феи, а потом детей туда пустили, и в тот же вечер вслед за ними в Сад толпой устремились феи. Они любят бывать там, где дети, и везде следуют за ними, но вы их редко видите, во-первых, потому, что в светлое время они живут за ограждениями, заходить за которые вам нельзя, а во-вторых, потому, что они страшно хитрые. После наступления Запретного Часа в них нет ни капли хитрости, зато до этого времени… Можете мне поверить.

Когда вы были птицей, вы знали фей очень хорошо, и в первые месяцы своей человеческой жизни тоже помнили о них немало.

К великому сожалению, вы не могли только написать об этом, а потом постепенно всё забыли. Мне даже доводилось слышать, как некоторые дети утверждают, будто никогда не видели ни одной феи. Если такой разговор происходит в Кенсингтонском Саду, вполне возможно, что

все это время они смотрят прямо на фею. Она обманывает их, выдав себя за что-нибудь другое. Это одна из их любимейших шуток. Обычно они притворяются цветами, потому что в Уголке фей, где собирается их двор, а также вдоль всей Тропы Малышей цветов так много, что на них просто не обращаешь внимания. Феи даже одеваются, как цветы, меняя наряды с приходом нового времени года, надевая белое, когда цветут лилии, голубое — когда колокольчики, и так далее. Особенно они любят время цветения крокуса и гиацинта, поскольку неравнодушны к нежным и мягким цветам, зато тюльпаны они считают кричащими и безвкусными (кроме белых, которые используют как колыбели для новорожденных фей), и поэтому иногда много дней подряд отказываются одеваться, как тюльпаны, так что начало цветения тюльпанов — самое удобное время, чтобы их заметить.

Что касается домов, где феи живут, то искать их совершенно бесполезно. Дело в том, что по сравнению с нашими домами у них дома наоборот. Наши дома можно видеть днем и нельзя ночью. А их дома можно видеть ночью и нельзя днем, потому что дома у них цвета ночи, а я никогда не слышал, чтобы кто-то мог видеть ночь в дневное

время. Все это не значит, однако, что дома у них черные, ведь у ночи есть такие же краски, как и у дня. Их синие, красные и зеленые цвета такие же, как у нас, но только во много раз ярче, как будто их подсвечивают. Дворец построен из разноцветного стекла, и это самая прекрасная из всех королевских резиденций, но королева иногда жалуется, что её подданные низшего сословия любят смотреть через стены, чтобы узнать, чем она занимается. Они страшно любопытны и изо всех сил прижимаются носом к стеклу, отчего многие стали курносыми.

Феи никогда не делают ничего полезного, и в этом одно из их основных отличий от нас. Когда самый первый ребенок впервые рассмеялся, его смех рассыпался на тысячи смешинок, которые запрыгали и закружились на месте. Так появились феи. Они делают вид, что заняты чрезвычайно важными делами, но если бы вы поинтересовались, чем же именно, то ничего толкового они бы ответить вам не смогли.

Они ужасно невежественны и все делают понарошку. Есть у них свой почтальон, но он со своей маленькой сумкой совершает обход лишь раз в год, под рождество. Есть у них красивые школы, но в них совершенно ничему не учат, потому

что главной фигурой в школе является самая юная ученица, которую избирают воспитательницей, и после того, как такая воспитательница делает перекличку, все дружно отправляются гулять и больше в школу не возвращаются. Стоит отметить тот факт, что в семьях у фей самый маленький член семьи всегда является главной фигурой и впоследствии превращается в принца или принцессу. Дети помнят такой порядок, и, по их мнению, у людей все должно обстоять точно так же» Вот почему дети так смущаются, когда случайно увидят, как мама украдкой пришивает новые оборки на свое платье.

Все феи прекрасно танцуют. Свои пышные балы феи устраивают прямо под открытым небом в том месте, которое мы с вами называем кольцом фей. Его можно увидеть в траве даже через несколько недель после бала. До начала танцев никакого кольца на траве нет: феи вытаптывают его, вальсируя по кругу. Иногда внутри кольца можно найти грибы — это стулья фей, которые феи-слуги забыли убрать. Эти стулья и кольца — единственные видимые знаки, которые маленький народец оставляет после себя. Они не оставили бы и их, если бы не любили танцевать настолько, что последние фигуры танца выделы-

вали в самый миг открытия ворот. Мы с Дэвидом нашли однажды кольцо фей совсем теплым.

Однако существует один способ узнать о бале до его начала. Вы помните щит у входа в сад, на котором указано время закрытия сада? Так вот в день своего бала хитрые феи иногда незаметно меняют цифры на этом щите, и он извещает всех, что в этот день Сад закрывается, например, в 6. 30, а не в 7 часов, как должно было быть. Такой трюк позволяет феям начать бал на полчаса раньше.

Если бы в этот вечер вы смогли остаться в Саду, как сделала знаменитая Мейми Маннеринг, вы бы увидели восхитительное зрелище: сотни очаровательных дам, спешащих на бал, супружеские пары с обручальными кольцами на талиях, одинаково одетые эльфы, поддерживающие шлейфы своих дам, бегущие впереди факельщики, которые вместо обычных факелов освещают путь фазилисами.

Вы бы увидели гардеробы, куда феи сдают свою верхнюю одежду, получая взамен номерки, и где они надевают бальные серебряные туфли; цветы, ушедшие с Тропы Малышей, чтобы посмотреть на бал, — их охотно пускают, потому что в случае нужды у них всегда можно одолжить булавку. Наконец, во главе праздничного стола вы бы

увидели Королеву Маб, а за её стулом Лорда-Гофмейстера, который держит в руках одуванчик и дует на него всякий раз, когда её величеству угодно узнать время.

Скатерть на столе бывает разная — в зависимости от времени года, когда устраивается бал: в мае, например, она делается из цветов каштана. Десятки слуг-эльфов взбираются на каштаны и трясут ветки, отчего цветы, точно снег, падают вниз. Потом другие слуги сметают их вместе, пока они не становятся похожи на скатерть, — так и получается скатерть.

Есть у фей настоящие бокалы и настоящее вино трех сортов — из терна, барбариса и первоцвета. Разливает его сама королева, но бутылки так тяжелы, что она не наливает, а только делает вид. Вначале подают бутерброды размером с трехпенсовую монетку, под конец — пирожки, такие крохотные, что от них не бывает даже крошек. Феи усаживаются на грибах и поначалу ведут себя вполне воспитанно: например, отворачиваются, когда кашляют, и так далее; но уже через некоторое время они забывают о манерах и начинают совать пальцы в масло, которое добывается из корней старых деревьев, а самые несносные — ползать по скатерти, сли-

зывая сахар и другие лакомства. Когда королева видит это, она делает слугам знак все убрать и объявляет танцы. Первой выступает королева, за ней — Лорд-Гофмейстер с двумя маленькими чашечками, в одной из них налит сок желтофиоли, а в другой — тюлений жир. Сок желтофиоли поднимает на ноги свалившихся от усталости танцоров, а тюлений жир помогает при ушибах. Когда Питер Пэн, играя на дудочке, убыстряет темп, феи тоже танцуют все быстрее и быстрее, пока не валятся с ног. Вы, наверно, и сами догадались, что Питер Пэн заменяет феям оркестр. Он сидит в середине кольца, и сегодня феи даже представить себе не могут веселый бал без его участия. Его инициалы «П.П.» стоят на уголках пригласительных билетов, рассылаемых самыми почтенными семействами. Феи умеют платить добром за добро, и после бала в честь совершеннолетия принцессы (а совершеннолетие у фей наступает после второго дня рождения, которое они отмечают каждый месяц) феи решили исполнить самое заветное желание Питера.

Вот как это было. Королева велела ему преклонить колено и объявила, что за его прекрасную игру она исполнит его заветное желание. Тут феи со всех сторон обступили Питера, чтобы лучше

слышать, но он долго молчал, сам не зная, чего он хочет.

— Если бы я захотел вернуться к своей маме, вы исполнили бы такое желание? — спросил он, наконец.

Надо сказать, феи сильно расстроились, услышав такую просьбу, потому что, вернись Питер к маме, они остались бы без его музыки. Королева презрительно пожала плечами.

— Фу! Всего-то! — сказала она. — Попросил бы чего-нибудь побольше.

— Разве это совсем маленькое желание? — поинтересовался Питер.

— Оно вот такое маленькое, — ответила королева, сложив ладони.

— Тогда какого же размера большое желание? — спросил Питер.

Королева отмерила расстояние на своей юбке, и оно оказалось весьма приличной длины.

Немного подумав, Питер решил:

— В таком случае я, пожалуй, возьму два маленьких желания вместо одного большого.

Феям, естественно, пришлось на это согласиться, хотя они и были немало поражены его хитростью. Первым желанием Питера было отправиться к маме, сохраняя, однако, возможность

вернуться в Сад, если дома его будет ждать разочарование. Второе желание он хотел бы оставить про запас.

Феи пытались убедить его пожелать чего-нибудь другого и даже чинили ему помехи.

— Я могу дать тебе возможность полететь к маминому дому, — говорила королева, — но я не смогу открыть для тебя дверь.

— Окно, из которого я вылетел, будет открыто, — уверенно произнес Питер. — Мама всегда держит его открытым, надеясь, что я прилечу назад.

— Откуда ты знаешь? — удивленно спросили феи. Питер и впрямь не мог объяснить, откуда он знает. Питер продолжал упорно настаивать на своем желании, и феям пришлось уступить. Чтобы дать ему возможность летать, феи поступили следующим образом: они стали щекотать ему лопатки, так что скоро он почувствовал на спине приятный зуд и поднялся в воздух.

Он поднимался все выше и выше, вылетел за пределы Сада и полетел над крышами домов.

Какой это был восторг — летать! Вместо того чтобы направиться прямо к дому, Питер плавно

обогнул собор Святого Петра[4], пронесся мимо Хрустального Дворца[5] и, пролетев над рекой и Риджентс — парком, подлетел к маминому окну. К этому времени он уже твердо решил, что второе его желание — стать птицей.

Как он и ожидал, окно было широко распахнуто, и Питер быстро в него проскользнул. На кровати спала его мама. Питер мягко опустился на деревянную спинку кровати и долго смотрел на нее. Она спала, положив голову на руку, и ямка в подушке походила на гнездо, выложенное её волнистыми каштановыми волосами. Питер вспомнил, что ночью его мама давала волосам свободу. Как красивы были оборки её ночной рубашки! Питеру было очень приятно, что у него такая красивая мама.

Однако лицо её было печально, и Питер знал, почему оно было печально. Её рука словно искала кого-то, и Питер знал, кого она хотела найти.

«О, мамочка! — воскликнул про себя Питер. — Если бы ты только знала, кто сейчас сидит в ногах

---

[4] Примечания: 4

Собор Святого Павла - главный английский собор, построен по проекту Кристофера Рена (1632-1723).

[5] Примечания: 5

Хрустальный дворец, -выставочный павильон, построен для «великой» выставки в 1851 г. В 1936 г. сгорел.

твоей кровати!»

Питер очень осторожно расправил сбившееся в комок одеяло и по выражению её лица понял, что стоит ему только позвать: «Мама!», пусть даже совсем тихо, как она сразу же проснется. Мамы всегда просыпаются, если вы их зовете. Как она вскрикнула бы от радости, как сжала бы его в объятиях! Да, ему стало бы хорошо, но как чудесно и радостно стало бы ей, его маме! Именно так, боюсь, Питер и думал. Он ни секунды не сомневался, что, возвращаясь к маме, он доставляет ей величайшее удовольствие. «Что может быть лучше, — думал он, — чем иметь собственного маленького мальчика? Как мамы им гордятся!» И, надо сказать, так и должно быть.

Но почему же Питер так долго сидит на кровати? Почему не скажет маме, что он вернулся?

Дело в том, что Питер не знал, на что решиться. В нем боролись два желания: одну минуту он с тоской смотрел на маму, другую минуту он с тоской смотрел в окно. Что говорить, было бы приятно снова стать её мальчиком, но, с другой стороны, как замечательно было в Саду! До конца ли он уверен, что ему понравится снова носить одежду? Он спрыгнул с кровати и выдвинул ящики шкафа посмотреть на свои старые вещи.

Они лежали на том же месте, что и раньше, но он никак не мог вспомнить, как их надевать. Вот, например, носки — их носят на руках или на ногах? Он уже собрался примерить одни из них на руки, как вдруг случилось неожиданное. Может быть, из-за скрипа ящика, может быть, из-за чего-то другого, но его мама проснулась, и Питер услышал, как она произнесла его имя: «Питер», — словно оно было самым прекрасным для нее словом в языке. Он затаил дыхание и остался сидеть на полу, удивляясь, как она узнала, что он вернулся. Позови она его еще раз, он крикнул бы в ответ: «Мамочка!» — и бросился бы к ней. Но она издала легкий стон и не произнесла больше ни слова, а когда Питер украдкой посмотрел на нее, она уже снова спала и на лице её блестели слезы.

Увидев их, Питер почувствовал себя глубоко несчастным, и как вы думаете, что он сделай? Сидя на спинке кровати, он на дудочке сыграл своей маме колыбельную, которую сочинил сам, выразив мелодией ту нежность, с какой она произнесла: «Питер!», и играл до тех пор, пока лицо её не стало счастливым.

Он остался так доволен своей выдумкой, что чуть не разбудил маму лишь для того, чтобы

услышать, как она произнесет: «О, Питер, как восхитительно ты играешь!» Однако, поскольку теперь она выглядела успокоенной, он снова стал бросать взгляды в сторону окна. Вы не должны думать, что он собирался улететь и никогда больше не возвращаться. Он уже вполне определенно решил снова стать сыном своей мамы, но сомневался: не лучше ли сделать это чуть позднее? Его беспокоило второе желание. Он уже раздумал превращаться в птицу, но совсем отказаться от использования второго желания было бы слишком расточительно, и уж конечно, не вернувшись к феям, он не сможет у них ничего попросить. Кроме того, если слишком долго приберегать второе желание, может случиться что-нибудь нехорошее. Еще он спрашивал себя, не было ли жестоко с его стороны улететь не попрощавшись с Соломоном.

— Мне бы ужасно хотелось еще один-единственный разочек проплыть в моей лодке, — объяснял он извиняющимся тоном своей спящей маме. Он почти спорил с ней, как будто она могла его слышать. — Как здорово будет рассказать птицам о моем приключении! — продолжал он. — Я обещаю вернуться, — торжественно закончил Питер.

И он не собирался нарушать свое слово.

В конце концов, Питер улетел. Дважды он возвращался уже с подоконника, желая на прощание поцеловать маму, но всё же опасался, что от радости она может проснуться. Наконец он сыграл ей нежный поцелуй на дудочке и полетел назад в Сад.

Прошло много ночей и даже месяцев, прежде чем он попросил у фей исполнить его второе желание. Боюсь, я не смогу вам точно сказать, почему он откладывал так долго. Во-первых, ему надо было очень со многими попрощаться, и не только с близкими друзьями, но и с сотнями любимых мест. Во-вторых, он должен был совершить последнее плавание, потом — самое последнее, потом — самое последнее из всех, и так далее. Кроме того, в его честь давалось множество прощальных ужинов. И наконец, не обязательно так уж спешить, ведь у мамы хватит терпения ждать его бесконечно долго. Этот последний довод очень не нравился Соломону, поскольку им воспользовались ленивые птицы, не желавшие работать. У Соломона было несколько первоклассных девизов, чтобы заставить птиц работать, например: «Хотя яйцо можно снести и завтра, не откладывай и снеси его сегодня», или:

«В этом мире возможность дается только раз». Питер же подавал прямо противоположный пример, — он все откладывал и откладывал, и ничего плохого с ним не происходило. Птицы кивали на него и начинали лениться.

Однако не будем забывать, что, хотя Питер собирался к маме крайне медленно, он абсолютно твердо решил к ней вернуться. Лучшим доказательством этого служит то, что он чрезвычайно осторожно вел себя с феями. Они страшно хотели, чтобы он остался в Саду и продолжал для них играть, и с этой целью пытались поймать его в ловушку, заставив произнести что-то вроде: «Я хочу, чтобы трава не была такой мокрой»; некоторые из них продолжали танцевать, когда уже давно пора было остановиться, в надежде, что он им крикнет: «Я хочу, чтобы вы наконец остановились!». Тогда они могли объявить, что он произнес свое второе желание. Питер, однако, разгадал их план и, хотя несколько раз уже начинал «Я хочу…», всегда успевал вовремя остановиться.

Поэтому, когда он нм смело заявил: «Я хочу немедленно отправиться назад к маме, раз и навсегда», — им оставалось лишь пожать плечами и отпустить его.

Наконец Питер понял, что надо спешить: он увидел во сне, что его мама плачет. И он знал, о чем она плачет, знал, что его объятия немедленно вернут улыбку её лицу. О, он не сомневался в этом ни секунды и так сильно желал прильнуть к её груди, что на этот раз полетел прямо к окну, которое всегда должно было быть для него открытым.

Но окно было закрыто и заставлено железной решеткой. Заглянув внутрь, Питер увидел, что его мама мирно спит, обняв рукой другого мальчика.

— Мама! Мама! — позвал Питер, но она его не слышала. Тщетно колотил он своими маленькими кулачками по железным прутьям. Рыдая, он полетел обратно в Сад и никогда больше не видел маму. А каким славным, примерным сыном он собирался стать! Эх, Питер! Все мы, совершившие непоправимую ошибку, вели бы себя совершенно иначе, если бы имели возможность повторить все сначала! Но Соломон прав — «В этом мире возможность дается только раз», по крайней мере большинству из нас. Мы подлетаем к окну, но уже поздно: пробил Запретный Час. На окне железная решетка, и она не исчезнет вовек.

V. Маленький домик

О Маленьком Домике в Кенсингтонском Саду, единственном в мире домике, построенном для людей феями, слышали все. Но никто не видел его, за исключением, может быть, трех-четырех человек, которые не только видели его, но и спали в нем, потому что это единственный способ его увидеть. Дело в том, что, когда вы ложитесь спать, никакого домика нет, зато просыпаетесь вы уже под его крышей и выходите из него наружу.

Существует еще один способ увидеть домик. Правда, в этом случае вы видите не столько сам домик, сколько свет в его окнах. Этот свет можно заметить после наступления Запретного Часа. Дэвид, например, вполне отчетливо видел его вдали сквозь деревья, когда мы возвращались домой с рождественского представления, а Оливер Бейли видел его как-то вечером, когда допоздна оставался в Темпле[6], где работает его отец.

Анджела Клер (та самая, которая любит, когда у неё удаляют зуб, потому что после этого её угощают чаем в кафе) видела одновременно сотни и сотни огоньков — должно быть, она застала момент, когда феи строят дом. Они строят дом каждую ночь, и всегда в разных уголках Сада.

---

[6] Примечания: 6

Темпль - квартал Лондона, где расположены судебные учреждения и конторы адвокатов.

Один из огоньков показался Клер больше других, хотя она и не была абсолютно уверена в этом — они постоянно прыгали то туда, то сюда, и поэтому вполне возможно, что больше других был какой-нибудь другой огонек. Если же больше других был именно он, то это был огонек Питера Пэна. Многие дети видели огоньки в окнах домика, так что в этом нет ничего особенного. Но Мейми Маннеринг стала известной благодаря тому, что впервые такой домик был построен именно для нее.

Мейми всегда была довольно чудным существом, а уж ночью она становилась совсем странной. Ей было четыре года, и днем она не очень отличалась от прочих детей. Она радовалась, когда её брат Тони, несколько высокомерный шестилетний мальчуган, обращал на нее внимание, с восхищением смотрела на него и тщетно пыталась ему подражать, а когда он пихал её, она совсем не обижалась и была только польщена. Играя в крикет, она задерживала удар, чтобы продемонстрировать вам свои новые туфли, хотя мяч был уже в воздухе. В общем, днем она была совершенно обычной девочкой.

Но когда опускалась ночная тень, у зазнайки Тони улетучивалось все его презрение к Мейми,

и он поглядывал на нее с опаской, что совсем не удивительно, поскольку с наступлением темноты на лице Мейми появлялось выражение, которое иначе, как хитрым, я назвать не могу. Вместе с тем оно было безмятежно, чем резко отличалось от беспокойных взглядов Тони. Тут он начинал дарить ей свои любимые игрушки (которые утром всегда брал назад), а она принимала их с пугающей улыбкой. Причина, по которой он вдруг начинал к ней подлащиваться, а она окутывалась такой таинственностью, состояла, говоря кратко, лишь в одном; оба они знали, что скоро их отправят спать. Именно тогда Мейми становилась безжалостной. Тони умолял её не делать этого, мама и их чернокожая няня грозились её наказать, но в ответ Мейми только улыбалась своей пугающей улыбкой. И когда они оставались с Тони одни в спальне, где горел лишь ночник, Мейми медленно поднималась на кровати, шепча:

— Шш!.. Что там?

Тони начинал упрашивать её:

— Там никого нет, — не надо, Мейми! Не делай этого! — и натягивал на голову одеяло.

— Он подходит ближе! — шепчет Мейми. — О, посмотри же на него, Тони! Он шевелит рогами

твою постель, — он тебя бодает. Тони, о, бодает!

И так продолжалось до тех пор, пока Тони в ночной рубашке с пронзительным визгом не бросался вниз. Тогда кто-нибудь из взрослых поднимался наверх, чтобы отшлепать Мейми, но она уже безмятежно спала, — причем не притворялась, а спала на самом деле, и во сне выглядела настоящим ангелочком, что, по-моему, только усугубляет её вину.

В Саду они бывали, разумеется, днем, и говорил там в основном Тони. По его рассказам можно было заключить, что он — настоящий храбрец, и никто не гордился им больше, чем Мейми. Ей бы хотелось повесить на себя табличку с надписью, что она его сестра«. Более всего она восхищалась им в те моменты, когда он с удивительной решительностью говорил (и это бывало часто), что однажды останется в Саду после того, как ворота закроются.

— О, Тони, — говорила тогда Мейми с чрезвычайным уважением, — но ведь феи страшно рассердятся!

— Пожалуй! — беззаботно отвечал Тони.

— А может быть так, — продолжала Мейми, трепеща от возбуждения, — что Питер Пэн прокатит тебя в своей лодке?

— Я его просто заставлю, — отвечал Тони. Неудивительно, что Мейми так им гордилась.

Им, однако, не следовало бы говорить об этом громко, поскольку как-то раз их услышала фея, собиравшая остовы листьев, — феи ткут из них летние занавески. С тех пор Тони был взят феями на заметку. Они ослабляли перила, когда он собирался на них сесть, и он летел на землю вверх тормашками; они хватались за его шнурок, и он спотыкался и падал, они подкупали уток, и те топили его кораблики. Причина почти всех неприятностей, которые происходят с вами в Саду, в том, что чем-то вы не угодили феям, поэтому следует соблюдать осторожность, когда вы говорите о них.

Мейми была из числа тех, кто любит для каждого дела назначать точный день, чего нельзя сказать о Тони.

Если Мейми спрашивала, когда же он намерен остаться в Саду после Запретного Часа, он просто отвечал: «В свое время». Из его ответа нельзя было понять, когда же придет это «свое время», но если Мейми спрашивала его: «А сегодня еще не время?», он со всей определенностью отвечал, что нет, сегодня время еще не пришло. Из этого Мейми заключила, что он поджидает по-настоя-

щему удобного случая.

Так мы приближаемся к одному дню, когда Сад покрылся снегом, а на Круглом Пруду появился первый лед: еще недостаточно крепкий, чтобы по нему можно было кататься, но по крайней мере, его можно было пробивать камнями. Именно этим и занимались многие умные мальчики и девочки.

Придя в Сад, Тони и его сестра хотели пойти прямо к пруду, но их айя сказала, что сперва им надо пройтись, чтобы согреться. При этом она посмотрела на щит, где указывалось время закрытия Сада. Там стояло полшестого. Бедная айя! Она была из тех нянь, которые постоянно смеются, оттого что в мире так много белых детей, но в тот день смеяться ей больше не пришлось.

Итак, они прошли взад-вперед по Тропе Малышей, вернулись обратно, и когда снова подошли к щиту, она с удивлением увидела, что теперь там стояло пять часов ровно! Она не знала всех трюков и уловок фей и поэтому не поняла (в отличие от Тони и Мейми, которые сразу все раскусили), что это феи поменяли час, чтобы начать свой бал пораньше. Няня сказала, что времени теперь осталось лишь на то, чтобы пройтись к Спуску и обратно, и когда дети шли рядом с ней,

она и не подозревала, что волнует их маленькую грудь. Дело в том, что настал день, когда можно было увидеть бал фей. Тони понимал, что лучшей возможности не представится.

Не понять этого Тони просто не мог, поскольку Мейми намекнула ему совершенно недвусмысленно.

«Сегодня — пришло время?» — спрашивали её горящие глаза.

Тони тяжело вздохнул и кивнул. Горячей ладошкой Мейми сжала Тони руку — она была холодной. Мейми совершила очень добрый поступок: она сняла свой шарф и дала его Тони.

— Чтобы ты не замерз, — прошептала она. Её лицо пылало, но лицо Тони было мрачным.

Когда на верху Спуска они повернулись, чтобы идти назад, он прошептал ей:

— Боюсь, няня будет за мной следить и я не смогу остаться.

За то, что на всем свете, где на каждом шагу поджидает столько опасностей, Тони боялся лишь их няню, Мейми сейчас восхищалась братом больше, чем когда-либо раньше. Она сказала громко:

— Пробежимся до ворот! — А шепотом прибавила: — Там ты сможешь спрятаться.

И они побежали. Тони всегда легко обгонял

Мейми, но она и не подозревала, что он может бегать так быстро, как он бежал сейчас. Она была уверена, что он хочет получше спрятаться, а для этого необходимо время. «Храбрец! Ну, храбрец!» — говорили её преданные глаза. Вдруг словно ужасный удар обрушился на нее: вместо того чтобы спрятаться, её герой выбежал за ворота. При виде этого горького зрелища Мейми растерянно остановилась, словно полная горсть её любимейших сокровищ рассыпалась и разлетелась в стороны, от охватившего её презрения она не могла даже плакать. Затем, поддавшись нарастающему чувству протеста против всех скулящих трусов, она побежала к колодцу Святого Говора и спряталась там вместо брата.

Когда айя дошла до ворот и далеко впереди увидела Тони, она подумала, что Мейми тоже где-то недалеко, и вышла из Сада. Над Садом опустились сумерки, и люди покидали его. Вот вышел самый последний, которому всегда приходится бежать, чтобы успеть вовремя. Но Мейми никого не видела. Горючие слезы застлали ей глаза, и она зажмурилась. Через некоторое время Мейми открыла глаза и почувствовала, как что-то ужасно холодное поднимается вверх по ногам и рукам и оседает в сердце. Это была неподвижная тишина

Сада. Затем раздался металлический удар-«бум», затем еще удар в другом конце Сада, затем «бум, бум» где-то совсем далеко. Это закрывались ворота. Не успел стихнуть последний удар, как Мейми ясно услышала чей-то голос:

— Ну, вот и все.

Голос был какой-то скрипучий и шел, казалось, откуда-то сверху. Мейми подняла голову и увидела, как огромный вяз потягивается и зевает.

Только она хотела воскликнуть: «Я и не подозревала, что вы умеете говорить», — как металлический голос, который, казалось, принадлежал колодезному черпаку, обратился к вязу: «Там у вас наверху, наверно, ужасно холодно?», — на что вяз ответил: «Не очень, но от долгого стояния на одной ноге она сильно затекает», — и яростно захлопал руками, как хлопает кучер, прежде чем тронуться.

Мейми с удивлением увидела, что множество других деревьев делало то же самое. Она прокралась на Тропу Малышей и там спряталась под остролистом, который пожал плечами, но, по-видимому, особо не возражал против этого.

Холода Мейми совсем не чувствовала. На ней было красновато-коричневое пальто с поднятым капюшоном, из-под которого виднелось только

её милое личико да несколько кудряшек. Все остальное было спрятано под таким количеством теплых одежек, что Мейми напоминала шар. В талии она доходила до сорока дюймов.

Тем временем на Тропе Малышей происходило множество событий. Мейми пришла туда в тот самый момент, когда магнолия и персидская сирень перешагнули через поручни и быстро зашагали по аллее. Конечно, они двигались несколько неуверенно, но это оттого, что опирались на костыли. Куст бузины проковылял через тропу и остановился поболтать с молодой айвой и её подружками. У всех были костыли, которыми служили деревянные палки, что привязывают к молодым деревьям и кустам. Мейми часто их видела, но только сейчас поняла, для чего они служат.

Она посмотрела по сторонам и увидела эльфа. Это был эльф — уличный мальчишка, он бежал по тропе и закрывал плакучие деревья. Делалось это очень просто: он нажимал пружинку, спрятанную в стволе, и деревья закрывались, словно зонтики, осыпая снегом стоящие внизу растения.

— Гадкий, противный мальчишка! — в негодовании воскликнула Мейми. Она хорошо знала, каково это, когда снег падает тебе за шиворот.

К счастью, проказник эльф был уже далеко, зато её услышала хризантема и воскликнула, явно кого-то ища:

— Скажите, пожалуйста! Что это такое?

После этого Мейми не оставалось ничего другого, как выйти из укрытия и показаться, что немало удивило все растительное королевство.

— Лично нас это, конечно, совершенно не касается, — произнес бересклет после того, как они все вместе пошептались, — но ты сама прекрасно знаешь, что тебе не полагается здесь находиться.

Так что нам, наверно, следует сообщить о тебе феям. Как ты сама считаешь?

— Я считаю, что это вовсе ни к чему, — ответила Мейми. Её слова сильно всех озадачили, и они с раздражением ответили, что если она так считает, то они с ней спорить не собираются. — Я не стала бы вас просить, — продолжала убеждать их Мейми, — если бы считала это нечестным.

Конечно, после этих слов они просто не могли её выдать. Одни сказали: «Увы!», другие — «Такова жизнь!», — они умели быть ужасно язвительными. Мейми стало жаль тех, у кого не было костылей, и она от чистого сердца предложила им:

— Прежде чем отправиться на бал фей, давайте

я помогу вам прогуляться и пройдусь с каждым по очереди: вы сможете на меня опереться.

Тут все дружно захлопали в ладоши, и Мейми стала брать одно растение за другим и гулять с ними по тропе взад-вперед, обнимая самых хрупких рукой или пальцем и ставя их ногу прямо, когда она выворачивалась слишком уж нелепо. С иноземными растениями она обходилась так же любезно, как и с английскими, хотя и не понимала ни одного их слова.

В целом они вели себя неплохо, хотя одни хныкали, что с ними гуляют меньше, чем с Нэнси, Грэйс или Дороти, а другие кололись шипами. Правда, у них это получалось совершенно нечаянно, поэтому Мейми, которая к тому же была настоящая леди, не плакала. От долгой ходьбы Мейми устала, ей хотелось поскорее отправиться на бал, но зато она перестала бояться. Объяснялось это просто: уже наступила ночь, а в темноте, как вы помните, Мейми всегда вела себя странно.

Однако растения вовсе не собирались отпускать девочку.

— Если феи тебя увидят, — объясняли они, — то обязательно что-нибудь с тобой сделают: или убьют, или заставят нянчить их детей, или же

превратят в какую-нибудь зануду, вроде вечнозеленого дуба. — При этом они с притворной жалостью посмотрели на вечнозеленый дуб. Дело в том, что каждую зиму все растения охватывала страшная зависть к семейству вечнозеленых.

— Ха-ха! Неужели? — язвительно ответил дуб. — Вы бы только знали, как удобно стоять здесь застегнутому на все пуговицы и смотреть, как вы, несчастные голыши, трясетесь от холода.

После этих слов все погрустнели (хотя, по правде говоря, они первые стали цепляться к дубу) и начали рисовать Мейми ужасную картину тех бедствий, которые будут её подстерегать, если она все-таки решится пойти на бал.

Орешник поведал ей, что на этот раз весь двор против обыкновения пребывал в дурном расположении духа, и причина этого крылась в том, что недавно прибывший с Востока Герцог Рождественских Маргаритой испытывал танталовы муки из-за того, что его сердце оставалось холодно ко всем тем прекрасным дамам, у которых он искал избавления от своего недуга — неспособности любить. Он пробовал полюбить множество дам во многих странах, но не смог полюбить ни одну. Королева Маб, повелительница Сада, не сомневалась, что её фрейлинам удастся обо-

льстить герцога, однако, по словам доктора, его сердце оставалось, увы, таким же холодным, как и всегда. Этот довольно неприятный доктор, состоящий при герцоге в должности личного врача, ощупывал сердце герцога сразу после появления каждой очередной дамы, а потом качал лысой головой и бормотал всегда одно и то же:

— Холодное, совершенно холодное.

Честь королевы Маб, естественно, была задета. Сначала она приказала своему двору рыдать девять минут подряд, а потом обвинила во всем купидонов и издала указ, повелевающий им носить шутовской колпак до тех пор, пока замерзшее сердце герцога не растает.

— О, мне бы так хотелось увидеть купидонов в шутовских колпачках! — воскликнула Мейми и побежала их искать. С её стороны это был очень рискованный шаг, потому что купидоны терпеть не могут, когда над ними смеются.

Где дается бал фей — узнать всегда легко: между этим местом и всеми населенными частями Сада натянуты ленты, по которым приглашенные могут следовать на бал не замочив бальных туфель. На этот раз ленты были красные и очень красиво выделялись на белом снегу.

Немного пройдя вдоль одной из них и никого не

встретив, Мейми наконец увидела приближающуюся кавалькаду фей. Было похоже, однако, что они возвращаются с бала, и это немало удивило Мейми. Она едва успела спрятаться: согнув колени и раскинув в стороны руки, она притворилась садовой скамейкой. Кавалькада состояла из шести всадников спереди и шести сзади, посредине шла чопорная дама, за которой два пажа несли длинный шлейф, и на этом шлейфе, словно на диване, полулежала хорошенькая юная фея.

Именно так принято путешествовать у фей-аристократов. Вместо платья на ней был надет золотой дождь, однако внимание Мейми привлекал отнюдь не он, а голубая и удивительно бархатистая шея юной особы, как нельзя лучше оттенявшая бриллиантовое колье. Феи благородного происхождения добиваются такого восхитительного голубого цвета следующим образом: они прокалывают кожу, и выступившая голубая кровь окрашивает шею. Только манекены в окнах ювелирных магазинов могут сравниться с ярким блеском бриллиантовых колье на голубых шеях фей.

Мейми также заметила, что вся кавалькада, по-видимому, пребывала в сильном возбуждении: феи задирали нос выше, чем это следует делать

даже феям. Из этого Мейми сделала вывод, что перед ней, должно быть, одна из фрейлин, услышавших от герцогского доктора его неизменные слова: «Холодное, совершенно холодное».

Мейми пошла вдоль ленты дальше и дошла до подсохшей лужи, над которой лента висела словно мост. В эту лужу упала какая-то фея и теперь тщетно пыталась выбраться из нее. Сперва эта крошка ужасно испугалась появления Мейми, которая с самыми добрыми чувствами бросилась ей на помощь, но скоро она уже сидела на руке у Мейми, весело болтая. Она рассказала Мейми, что её зовут Брауни, что она идет на бал и надеется завоевать любовь герцога, несмотря на то, что она всего-навсего простая уличная певица.

— Конечно, — добавила она, — я не очень красива.

От этих слов Мейми стало неловко, потому что крошечное создание и впрямь не отличалось красотой по сравнению с другими феями. Девочка никак не могла придумать, что же сказать в утешение.

— Мне кажется, вы думаете, что у меня нет никаких шансов, — неуверенно произнесла Брауни.

— Этого я не говорила, — вежливо ответила

Мейми. — Конечно, твое лицо немножечко простовато, но… — Да, положение у Мейми было действительно неловкое.

К счастью, она вспомнила, как её отец однажды посетил благотворительный базар, где за полкроны можно было увидеть самых красивых женщин Лондона. Вернувшись домой и увидев свою жену, он, однако, не испытал ни малейшего разочарования.

Напротив, он сказал: «Ты и представить себе не можешь, дорогая, какое это облегчение снова видеть милое, простодушное лицо».

Когда Мейми рассказала Брауни эту историю, та воспряла духом. Она больше ни капельки не сомневалась, что станет избранницей герцога, и со всех ног помчалась по ленте, на прощание крикнув, чтобы Мейми не ходила на бал, потому что королева может её за это наказать.

Однако Мейми, подгоняемая любопытством, пошла вперед и вскоре у семи испанских каштанов увидела удивительный свет. Крадучись она подошла поближе и выглянула из-за дерева.

Источник света располагался на высоте вашей головы и состоял из мириадов светлячков, сцепившихся друг с другом и образовавших слепящий навес над кольцом фей. Вокруг кольца

толпились тысячи маленьких человечков, но все они казались серыми тенями по сравнению с яркими фигурками в освещенном круге, которые так сверкали, что Мейми приходилось сильно зажмуриваться, когда она на них смотрела.

Мейми очень удивлялась и даже сердилась, что Герцог Рождественских Маргариток был способен хоть на одну-единственную секунду остаться равнодушным, и все-таки его светлость сидел именно с равнодушной, сумрачной миной. О том, что он так ни на ком и не остановил свой выбор, говорил и пристыженный вид королевы и её двора (хотя они и пытались напустить на себя полное безразличие), и рыдания отвергнутых красавиц, и мрачное лицо самого герцога. Мейми также видела, как надменный доктор щупал сердце герцога и каждый раз, как попугай, повторял одно и то же. Особую жалость Мейми испытывала к купидонам, которые в шутовских колпаках жались по темным уголкам и каждый раз, когда доктор произносил: «Холодное, совершенно холодное», — качали опозоренными головами.

К её великому разочарованию, Питера Пэна нигде не было видно, но я могу объяснить, почему он опаздывал. Дело в том, что его лодку затерло на озере плывущими льдинами, и ему пришлось с

трудом пробивать дорогу своим верным веслом.

Впрочем, феи едва ли заметили его отсутствие, ведь они не могли танцевать — так тяжело было у них на сердце. Когда они грустят, они забывают все па, зато когда веселы — тут же вспоминают их снова.

Дэвид говорит, что феи никогда не скажут: «Мы счастливы». Они скажут иначе: «Нам хочется танцевать».

Сейчас же было видно, что танцевать им совсем не хочется. Вдруг среди зрителей раздался смех: они смеялись над Брауни, которая только что подошла и настаивала на своем праве быть представленной герцогу. Хотя Мейми и не верила в успех своей новой подруги, она вся вытянулась, чтобы получше видеть, как пойдут её дела. Похоже, никто, кроме самой Брауни, не верил, что у нее что-нибудь получится, зато она нисколько в этом не сомневалась. Вот её подвели к его светлости, и доктор, небрежно коснувшись пальцем его сердца (в алмазной рубашке герцога для удобства была проделана маленькая дырочка), начал уже механически повторять все то же свое: «Холодное, совер…», когда вдруг остановился на полуслове.

— Что это? — воскликнул он. Он встряхнул

сердце, как встряхивают часы, затем приложил к нему ухо. — Господи помилуй! — пробормотал доктор.

К этому моменту возбуждение зрителей, можете не сомневаться, достигло наивысшей степени. То тут, то там феи падали в обморок.

Затаив дыхание, все устремили взоры на герцога, который пребывал в крайнем возбуждении. Казалось, ему очень хотелось убежать.

— Господи помилуй! — снова и снова повторял доктор. Сердце уже совершенно явно пылало, и доктору пришлось отдернуть руку и сунуть пальцы в рот.

Все сгорали от любопытства.

Доктор отвесил герцогу низкий поклон и громко, с ликованием в голосе произнес:

— Милорд, имею честь сообщить вашей светлости, что ваша светлость влюблены.

Бы не можете себе представить, какие последствия имели эти слова. Брауни протянула руки к герцогу, и он бросился в её объятия. Королева бросилась в объятия Лорда-Гофмейстера, а все придворные дамы попрыгали в объятия придворных джентльменов: этикет требует во всем следовать примеру королевы. Так за одну секунду свершилось пятьдесят свадеб, потому что у фей

существует такой закон: если двое бросаются в объятия друг другу, то они считаются вступившими в брак. Конечно, не обошлось здесь и без священника.

О, как все веселились и плясали! Трубы трубили, тысячи пар схватились за лучи только что вышедшей луны, словно за ленты во время танцев на майских гуляниях, и закружились в вальсе по кольцу фей, отдавшись охватившему их порыву.

Купидоны сорвали с себя ненавистные шутовские колпаки и побросали их высоко в воздух, — эта картина порадовала Мейми больше всего. А затем она взяла и все испортила.

Ей было просто не удержаться. Радуясь успеху своей маленькой подруги и забыв обо всем на свете, она сделала несколько шагов вперед и закричала в полном восторге:

— О, Брауни, как замечательно!

Все как стояли, так и застыли, музыка оборвалась на полуноте, свет погас, и все это произошло так быстро, что вы и ахнуть не успели бы. Мейми охватило чувство надвигающейся беды. Она слишком поздно сообразила, что находится совершенно одна в том месте, где после закрытия ворот не должно оставаться ни одного человека. Она

услышала многочисленные сердитые возгласы, увидела тысячи обнаженных мечей и испугалась. Завизжав от страха, Мейми помчалась прочь.

Как она бежала! Несколько раз она ложилась на землю, но затем снова и снова вскакивала и бежала дальше. В её головке теснились всякие ужасы, и она совсем забыла, где находится. Лишь одна мысль ни на секунду не покидала её: она должна бежать и бежать не останавливаясь, и в мыслях продолжала свой бег еще долго после того, как свалилась под деревом и заснула.

На её лицо падали снежинки, а ей казалось, что это мама целует её перед сном. Её занесло снегом, а ей думалось, что это теплое одеяло, и она даже попыталась натянуть его на голову. Услышав сквозь сон какие-то голоса, она решила, что это разговаривают папа с мамой, пришедшие посмотреть, как она спит. Но на самом деле это разговаривали феи.

Я с радостью могу сообщить вам, что они уже не хотели причинить ей зла. Только сначала, когда Мейми бросилась бежать, феи и эльфы огласили воздух криками: «Убьем её! Превратим во что-нибудь отвратительное!» и тому подобными. Им, однако, никак не удавалось снарядить погоню, потому что всем хотелось быть первыми и они

только мешали друг другу, что дало герцогине Брауни время броситься к ногам королевы и попросить исполнить её желание.

Каждая невеста имеет право на исполнение желания, и Брауни попросила подарить ей жизнь Мейми.

— Проси все, кроме этого, — твердо ответила Королева Маб, и все повторили.

— Все, кроме этого.

Но когда Брауни поведала им, как Мейми выручила её из беды и тем самым помогла попасть на бал, к всеобщей радости и веселью, все дружно прокричали три раза «ура!» смелой девочке и целой армией выступили за ней, чтобы поблагодарить её. Впереди шел королевский двор, за ним тянулись все остальные. Им не пришлось долго блуждать, потому что на снегу виднелись свежие следы.

Когда феи наконец нашли Мейми спящей под деревом, оказалось, что поблагодарить её просто невозможно, поскольку никто не мог её разбудить. Тем не менее, они провели церемонию принесения благодарности по всем правилам: новый король взобрался на нее и прочитал длинное приветствие, только Мейми, к сожалению, его не слышала. Еще они смели с нее снег, но скоро

он снова засыпал её, и все поняли, что девочка может умереть от холода.

— Превратите её во что-нибудь, что не боится холода, — предложил доктор. Предложение показалось всем очень хорошим, но имелась одна загвоздка: единственное, что, по их мнению, не боится холода, — это снежинка, «а снежинка, — заметила королева, — может растаять». Поэтому от предложения доктора пришлось отказаться.

Потом феи попытались отнести девочку под какое-нибудь укрытие, но, несмотря на то что их было очень много, они не смогли её поднять. Дамы уже начали подносить к глазам носовые платки, когда купидонам пришла наконец замечательная идея.

— Давайте построим вокруг нее домик, — предложили они.

Едва они успели выговорить последнее слово, как все поняли, что именно это и следует сделать. Мгновение спустя сотни эльфов-лесорубов бросились к деревьям, архитекторы засуетились вокруг девочки, измеряя её, а у её ног стали разбивать строительную площадку. Семьдесят пять каменщиков носили камни для фундамента, и первый камень заложила сама королева. Поставили сторожей, чтобы отгонять мальчишек.

Строительные леса поднимались все выше и выше, и воздух оглашали удары топоров да визг токарных станков. Наконец возвели крышу и застеклили окна.

Домик вышел как раз размером с Мейми, и выглядел он очаровательно. Некоторое замешательство у строителей вызвало то обстоятельство, что одна рука девочки была откинута в сторону, но они нашли выход из положения, пристроив к парадной двери веранду. Окна были размером с книжку-картинку, дверь чуть поменьше. Однако выйти из домика было очень легко, стоило только снять крышу. Радуясь своей сообразительности и находчивости, феи стали, по своему обычаю, отчаянно хлопать в ладоши. Им очень полюбился маленький домик, и они просто приходили в отчаяние при мысли, что дом уже достроен до конца. Они придумывали все новые и новые доделки, а когда их выполняли, то придумывали другие. Например, двое строителей взобрались на крышу и установили там трубу.

— К сожалению, — вздохнули они, — теперь дом готов окончательно.

Но нет, вот еще двое полезли на крышу и привязали к трубе дым.

— Теперь-то уж точно всё, — с неохотой при-

знали они.

— А вот и нет, — воскликнул светлячок. — Если она проснется и не увидит ночника, она испугается. Я стану её светильником.

— Не спеши, — подхватил торговец фарфором. — Что за светильник без подставки? Вот она.

Наконец, увы, доделаны и последние мелочи. Но нет, это еще не конец!

— О, ужас! — закричал торговец скобяными изделиями. — Дверь-то без ручки!

И он тут же её прибил.

Потом у двери в землю воткнули железную скобу, чтобы счищать грязь с ботинок, а одна старушка сбегала за ковриком и постелила его у входа. Плотники принесли бочку для сбора дождевой воды, а художники настояли на том, чтобы её расписать.

Ну, вот и всё. Домик готов.

— Готов, как же! — презрительно заявил водопроводчик, — как же он может быть готовым, когда в нем нет ни горячей, ни холодной воды?

И он провел и горячую и холодную воду. Затем налетела целая армия эльфов-садовников с тележками, лопатами, луковицами и семенами, и даже с настоящей теплицей. Вскоре справа

от веранды были разбиты цветочные клумбы, слева раскинулся огород, а стены самого домика оказались обвитыми розами и ломоносами.

Не прошло и пяти минут, как все кругом уже цвело.

Домик теперь выглядел как на картинке и доделан был до самого последнего штриха, так что феям пришлось покинуть его и вернуться к своему празднику. Уходя, они все посылали домику прощальный поцелуй. Последней ушла Брауни. Она чуть отстала от остальных и бросила в трубу приятный сон.

Всю ночь изящный домик охранял Мейми от холода, о чем она и не подозревала. Когда сон подошел к концу, утро уже начало вылупляться из яйца, и Мейми проснулась, испытывая неслыханное блаженство. Потом она чуть не заснула снова и сквозь сон позвала: «Тони!», думая, что спит в своей комнате. Не услышав ответа, она приподнялась и села, ударившись при этом головой о крышу, которая открылась, как крышка чемодана. К своему величайшему удивлению, Мейми увидела вокруг Кенсингтонский Сад, весь покрытый снегом. Поскольку проснулась она не в своей детской, Мейми засомневалась, она ли это на самом деле, и чтобы рассеять свои сомнения,

ущипнула себя за щеку. Убедившись, что она это она, Мейми сразу вспомнила все свои приключения с того момента, когда ворота закрылись, до того, как она помчалась прочь от фей. Неясным оставалось лишь одно: как она очутилась в этом смешном домике? Мейми перешагнула через стену и оказалась прямо в Саду, откуда смогла наконец рассмотреть домик, в котором провела всю ночь. Его вид просто заворожил её, и все её мысли были только о нем.

— Чудный! Милый! Замечательный домик! — кричала она в восторге.

То ли домик испугался человеческого голоса, то ли знал, что больше не понадобится, но как только Мейми произнесла первое слово, он начал уменьшаться, причем так медленно, что она долго отказывалась в это поверить. Вскоре, однако, ей пришлось признать, что в домике ей больше не поместиться. Ни в самом доме, ни в разбитом вокруг него садике ничего не исчезало, просто они с каждым мгновением становились все меньше, а снег подбирался к домику все ближе, покрывая все новые кусочки земли. Вот домик сжался до размеров будки маленькой собачки, вот он уже не больше игрушечного Ноева ковчега, но все так же отчетливо были видны и дым из

трубы, и дверная ручка, и розы на стене.

Светлячок-ночник тоже потихоньку гаснул, но его еще можно было различить.

— Дорогой, милый домик, не уходи, — шептала Мейми, упав на колени. Домик сжался до размеров катушки для ниток, но в нем не исчезла ни одна деталь. Снег запорошил последний, оставшийся незанятым пятачок земли, и, когда Мейми с мольбой протянула руки, она ощутила лишь ровный снежный ковер, покрывавший то место, где еще недавно стоял домик,

Мейми от досады топнула ногой и стала тереть глаза кулаками, когда вдруг услышала чей-то ласковый голос:

— Не плачь, милая девочка, не плачь.

Она оглянулась и увидела красивого обнаженного мальчика, который задумчиво на нее смотрел. Она сразу поняла, что это Питер Пэн,

VI. Козёл Питера Пэна

Мейми чувствовала некоторое замешательство, а Питер и знать не знал, что это такое.

— Надеюсь, ты хорошо отдохнула? — серьезно спросил он.

— Да, спасибо, — ответила Мейми. — Мне было уютно и тепло. А тебе, — спросила Мейми, с

трудом подавляя неловкость, — тебе разве ни капельки не холодно?

Слово «холодно» было, наверно, еще одним, которое Питер совершенно забыл, и поэтому он сказал:

— Пожалуй, нет, хотя я могу и ошибаться. Понимаешь, дело в том, что я многого не знаю. Я ведь не совсем мальчик. Я, как говорит Соломон, Серединка на Половинку.

— Так вот как это называется, — задумчиво произнесла Мейми.

— Мое имя совсем другое, — объяснил мальчик. — Меня зовут Питер Пэн.

— О да, конечно, — сказала Мейми. — Я знаю, да и все это знают.

Вы и представить себе не можете, как обрадовался Питер, узнав, что люди о нем знают. Он попросил девочку рассказать ему все, что люди говорят о нем, и она исполнила его просьбу. Они уже расположились на стволе упавшего дерева. Питер расчистил на нем от снега небольшой участок для Мейми, а сам сел прямо на снег.

— Подвигайся ближе, — сказала Мейми.

— Как это? — не понял сначала Питер, но когда она ему объяснила, он тут же так и сделал. Они долго беседовали, и Питер выяснил, что люди

знают о нем много, хотя и не все. Например, они не знали, как Питер хотел вернуться к маме и как окно оказалось закрытым, но поскольку воспоминания об этом событии все еще причиняли ему боль, он не стал о нем рассказывать.

— А известно ли им, что я играю точно так же, как и настоящие мальчики? — с гордостью спросил он. — Расскажи им, Мейми, расскажи!

И Питер стал объяснять ей, как он пускает по Круглому Пруду кораблик из ворот. Его рассказ поразил девочку.

— Ты играешь совсем, совсем неправильно, — сказала она, глядя на Питера широко раскрытыми глазами. — Это ни чуточки не похоже на то, как играют мальчики.

Услышав это, Питер слабо вскрикнул и впервые не знаю за сколько времени расплакался. Мейми стало очень его жаль, и она протянула ему свой платок. Питер, однако, не имел ни малейшего представления, как с ним обращаться, так что ей пришлось показать ему, то есть вытереть платком свои глаза. Потом Мейми снова протянула платок Питеру и попросила сделать то же самое. Он действительно сделал то же самое и вытер глаза, но только не свои, а Мейми. Она, впрочем, сделала вид, что именно этого и хотела.

Мейми было жаль Питера, и она предложила:

— Хочешь, я подарю тебе поцелуй?

Питер когда-то знал, что такое поцелуй, но уже успел позабыть.

— Спасибо, — сказал он, протягивая руку. Он решил, что Мейми хочет подарить ему какую-то вещь. Его слова просто потрясли девочку, но она понимала, что только смутит Питера, если станет объяснять ему его ошибку. Поэтому, проявив большой такт, она протянула Питеру оказавшийся в кармане наперсток и сказала, что это и есть поцелуй. Бедный Питер! Он поверил ей и по сей день носит наперсток на пальце, хотя более ненужного для него предмета и не придумать. Вы помните, что, хотя он оставался младенцем, свою маму он видел очень-очень давно. Так давно, что ребенок, занявший его место, уже вырос и превратился в мужчину с бакенбардами.

Не следует думать, однако, что Питера Пэна надо лишь жалеть и что в его жизни нечем восхищаться. Если подобные мысли и приходили в голову Мейми, то она очень скоро поняла, насколько сильно ошибалась. С неподдельным восторгом слушала она рассказы Питера о его приключениях, особенно о том, как он плавает взад-вперед между островом и Садом в Дрозди-

ном Гнезде.

— Как это романтично! — воскликнула она, но Питер снова понурил голову. Это было еще одно незнакомое слово, и он считал, что девочка просто презирает его.

— А Тони, наверно, не смог бы этого сделать? — робко спросил он.

— Нет, никогда, — убежденно ответила Мейми. — Он бы испугался.

— А что такое испугаться? — нетерпеливо спросил Питер. Он решил, что испугаться — это очень здорово. — Я очень хочу, Мейми, чтобы ты научила меня пугаться, — добавил он.

— Этому тебя никто не сможет научить, — ответила девочка. Она сказала это от искреннего восхищения Питером, а он решил, что она считает его слишком глупым. Тогда Мейми рассказала ему о той злой шутке, какую она разыгрывала с Тони в темноте (она прекрасно знала, что это — шутка злая), но Питер опять не понял и воскликнул:

— О как бы мне хотелось быть таким же храбрым, как Тони!

Мейми потеряла терпение.

— Ты в двадцать тысяч раз храбрее Тони, — сказала она. — Ты самый храбрый мальчик из всех,

кого я знаю.

Питер долго не мог поверить, что она говорит это не в шутку, а когда наконец поверил, то закричал от радости.

— И если тебе очень хочется подарить мне поцелуй, — продолжала Мейми, — то, пожалуйста, я не против.

Питер неохотно принялся стаскивать наперсток с пальца. Он решил, что Мейми хочет взять его обратно.

— То есть не поцелуй, — быстро поправилась Мейми, — а наперсток.

— А что это? — спросил Питер.

— Вот что, — сказала девочка и поцеловала его.

— Что ж, мне бы хотелось подарить тебе наперсток, — серьезно сказал Питер. Так он и сделал.

Он подарил ей много наперстков, а потом ему в голову пришла замечательная идея.

— Мейми, выходи за меня замуж, — предложил он. Надо сказать, как это ни странно, но точно такая идея в то же самое время пришла и к Мейми.

— Я согласна, — ответила она, — но хватит ли в твоей лодке места для двоих?

— Хватит, если сесть поплотней друг к другу, — ответил Питер.

— Наверное, птицы будут недовольны?

На это Питер заверил Мейми, что птицы будут счастливы её принять, хотя я лично в этом несколько сомневаюсь. Еще он добавил, что зимой птиц мало…

— Правда, — неохотно признал он, — им может понравиться твоя одежда.

Мысль, что придется расстаться с одеждой, возмутила Мейми.

— Просто они всегда думают о своих гнездах, — извиняющимся тоном объяснил Питер, — а некоторые кусочки твоей одежды, — он потрогал рукой мех шубки, — просто сведут их с ума.

— Свой мех я не отдам, — решительно сказала Мейми.

— Нет, конечно же нет, — согласился Питер, продолжая, однако, в восхищении его поглаживать. — А знаешь, Мейми, почему я люблю тебя? Потому что ты похожа на красивое гнездо.

От этих слов Мейми почувствовала себя неловко.

— По-моему, сейчас ты говоришь скорее как птица, чем как человек, — сказала она, отступая назад. Питер и впрямь даже походил сейчас на птицу. — В конце концов, — продолжала она, — ты ведь только Серединка на Половинку. — Тут

Мейми почувствовала, насколько сильно она его задела, и поспешила добавить: — Но это, должно быть, очень здорово.

— Так пойдем со мной, милая Мейми, и ты станешь такой же, — упрашивал её Питер. Приближалось Время Открытия Ворот. Они отправились к его лодке.

— А ты совсем и не похожа на гнездо, — прошептал Питер, желая сказать ей что-нибудь приятное.

— Правда? А жаль. Мне бы очень хотелось на него походить, — ответила Мейми с чисто женской непоследовательностью. — К тому же, дорогой Питер, хотя я и не могу отдать птицам свой мех, я бы не возражала, если бы они свили гнездо прямо на нем.

Представляю себе: у меня на шее — гнездо с пестрыми яичками! Как это было бы чудесно!

Когда они подходили к озеру, Мейми охватила легкая дрожь.

— Конечно же, я часто, очень часто буду навещать маму, — сказала она. — Я вовсе не собираюсь прощаться с ней навсегда, вовсе нет.

— Конечно, не навсегда, — подтвердил Питер. Однако в глубине души он знал, что все может быть совсем не так, как Мейми думает. И он бы

сказал ей об этом, если бы не боялся потерять её. А он очень этого боялся. Она ему нравилась, и он чувствовал, что не сможет без нее жить. «Со временем она забудет свою маму и будет счастлива со мной», — убеждал он себя и вел Мейми все дальше и дальше, мимоходом раздавая наперстки.

Но даже когда Мейми увидела лодку и была поражена её красотой, она продолжала с волнением говорить о своей маме.

— Ты ведь прекрасно знаешь, Питер, что я ни за, что бы не согласилась пойти, если бы не была абсолютно уверена, что смогу вернуться к маме, как только захочу. Ведь это так, Питер? Скажи же!

Он подтвердил, что это так, но больше не смел смотреть ей в глаза.

— А ты уверена, что твоя мама всегда будет ждать тебя? — угрюмо спросил он.

— Чтобы — моя мама — меня — не ждала? Как тебе такое могло прийти в голову? — воскликнула Мейми, и её лицо вспыхнуло.

— А она не закроет перед тобой дверь? — хриплым голосом спросил Питер.

— Дверь всегда, всегда будет открытой, — ответила Мейми, — и мама будет ждать меня около нее.

— Что ж, если ты так в этом уверена, — сказал Питер с некоторой жестокостью, — садись в лодку! — И он помог Мейми ступить в Дроздиное Гнездо.

— Но почему ты не смотришь мне в глаза, Питер? — спросила она, беря его за руку.

Питер хотел уйти от её взгляда, хотел оттолкнуть лодку от берега, но потом что-то комом подступило к его горлу, и он, выскочив из лодки, с потерянным видом уселся на снегу.

Мейми подошла к нему.

— Питер, дорогой, что с тобой? — спрашивала она, не понимая, в чем дело.

— О Мейми, — воскликнул Питер, — с моей стороны нечестно брать тебя с собой, ведь я-то знаю, что ты не сможешь вернуться! Твоя мама, — тут комок снова подступил к его горлу, — ты не знаешь их так, как знаю я.

И он рассказал печальную историю о том, как он наткнулся на закрытое окно. Мейми слушала едва дыша.

— Но моя мама, — возражала она. — МОЯ мама…

— Да, и она тоже, — перебил её Питер. — Мамы все одинаковы. Может быть, она уже подыскивает себе нового ребеночка.

Мейми пришла в ужас.

— Нет, этого не может быть, я не верю! Просто твоя мама осталась одна, когда ты улетел, а у моей есть Тони, и, конечно же, ей одного хватит!

— Ты бы видела письма, которые Соломон получает от женщин, уже имеющих шестерых, — отвечал Питер с горечью.

И тут они услышали скрип ворот во всех концах Сада. Наступил Час Открытия Ворот. Питер Пэн, испуганно оглянувшись, прыгнул в лодку. Он знал, что Мейми не пойдет с ним, и изо всех сил старался сдержать слезы. Зато Мейми рыдала в полный голос.

— А вдруг я опоздаю? — с отчаянием говорила она сквозь слезы. — А вдруг, Питер, она уже подыскала кого-нибудь?

И снова Питер спрыгнул на берег, как будто Мейми звала его назад.

— Я приду сюда сегодня вечером и буду тебя искать, — сказал он, прижимая её к себе, — но если ты поспешишь, то, наверно, еще успеешь.

Потом он запечатлел последний наперсток на её милых губках и спрятал лицо в ладони, чтобы не видеть, как она уходит.

— Милый Питер! — прошептала ему Мейми.

— Милая Мейми! — прошептал в ответ несчаст-

ный мальчик.

Она бросилась в его объятия, как делают феи и эльфы на своих свадьбах, а потом поспешила прочь. Вы бы только знали, как она бежала! Питер, конечно же, вернулся в Сад на следующий вечер, но Мейми нигде не нашел. Так он узнал, что она успела вовремя. Он еще долго надеялся, что когда-нибудь она вернется к нему, и ему часто казалось, когда он подплывал к Саду, что она стоит на берегу озера Серпентин, ожидая его, но Мейми больше не появилась.

Она очень хотела вернуться, но боялась, что, увидев своего любимого Серединку на Половинку снова, не сможет скоро от него уйти, да и няня теперь не спускала с нее глаз. Однако Мейми часто с любовью вспоминала Питера Пэна и даже связала ему подхватку для чайника. Как-то раз она сидела, раздумывая, какой бы подарок сделать ему на пасху, когда её мама вдруг задумчиво сказала:

— Подари-ка ему козла. Это будет самый нужный ему подарок.

— И он сможет на нем кататься и одновременно играть на дудочке! — воскликнула Мейми.

— Тогда, — сказала мама, — почему бы тебе не подарить ему твоего козла, того, которым ты по

ночам пугаешь Тони?

— Но он ведь не настоящий, — ответила Мейми.

— Зато Тони он кажется очень даже настоящим.

— Да, мне он тоже кажется очень настоящим, — призналась Мейми, — но как же мне передать его Питеру?

Один такой способ мама знала. На следующий день они втроем с Тони (который, в общем-то, был славным мальчуганом, хотя до Мейми, конечно же, ему было далеко) пошли в Сад. Мейми одна вошла в кольцо фей, и её мама, довольно сообразительная женщина, начала:

— Скажи мне, дочка, без загадок: получит Питер, что в подарок?

На что Мейми отвечала:

— Дарю козла. Хоть нелегко, его кидаю далеко. Потом заговорил Тони:

— Коль Питер здесь его найдет, ко мне он больше не придет?

Мейми ему отвечала:

— Клянусь и светом я и тьмой: он не нарушит твой покой.

Потом Мейми написала Питеру записку и оставила её в укромном местечке. В ней она рас-

сказала о своем подарке и просила его уговорить фей превратить козла в настоящего, чтобы на нем можно было ездить. Так все и произошло. Питер нашел письмо, обратился к феям, а тем ничего не стоило превратить козла в настоящего. Таким вот образом Питер и получил козла, на котором он сейчас разъезжает по Саду, тихонько наигрывая на дудочке. Мейми сдержала своё обещание и больше не пугала брата козлом, хотя, как я слышал, она придумала кого-то другого. Пока она не выросла и не стала совсем большой, она продолжала оставлять подарки Питеру Пэну и писать ему записки, объясняющие, как с ними играть. Причем, насколько я знаю, другие дети тоже оставляют подарки Питеру. Оставляет их, например, Дэвид, у нас с ним есть для этого укромнейшее местечко, которое, если хотите, мы можем вам показать. Только прошу вас: не надо о нем говорить, если с нами будет наша собака Портос. Он страшно любит игрушки, и если бы ему удалось найти то место, он утащил бы их все до одной.

Питер, хотя и не забыл Мейми, снова стал, как всегда, веселым и частенько от прилива счастья спрыгивает с козла, ложится на траву и весело болтает ногами в воздухе. Он совсем не грустит,

о нет! Правда, время от времени у него и сейчас всплывают в памяти те времена, когда он был человеком, и он с особой добротой относится к ласточкам, прилетающим на его остров, потому что ласточки — это души умерших младенцев. Ласточки всегда строят гнезда под карнизами домов, в которых они жили людьми, и даже пытаются влететь в детскую. Наверно, поэтому Питер и любит ласточек больше других птиц.

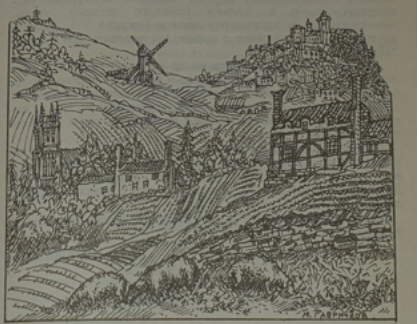
А что же с маленьким домиком? Каждую подходящую ночь (то есть каждую ночь, кроме той, когда дается бал) феи строят маленький домик на тот случай, если кто-нибудь из детей потеряется в саду и останется там на ночь. Питер Пэн несет дозор и разъезжает по Саду на козле, разыскивая потерявшихся, а обнаружив кого-нибудь, везет его к маленькому домику. Малыш просыпается, выходит из домика и видит его. Феи строят дом только потому, что он получается такой красивый, зато Питер трудится в память о Мейми, да еще потому, что он до сих пор любит поступать так, как, по его мнению, должны поступать настоящие мальчики.

Р. КИПЛИНГ

СКАЗКИ СТАРОЙ АНГЛИИ

Из сборника
"НАГРАДЫ И ФЕИ"

ХОЛОДНОЕ ЖЕЛЕЗО
НОЖ И МЕЛОВЫЕ ХОЛМЫ
ДОКТОР МЕДИЦИНЫ



Р. КИПЛИНГ
Сказки Старой Англии

Из сборника «НАГРАДЫ И ФЕИ»

ХОЛОДНОЕ ЖЕЛЕЗО
НОЖ И МЕЛОВЫЕ ХОЛМЫ
ДОКТОР МЕДИЦИНЫ

ВВЕДЕНИЕ

Как-то раз Дану и Юне, брату и сестре, жившим в английской деревне, выпала небывалая удача: они повстречали Пака, которого еще зовут Робин Добрый Малый, Ник О'Линкольн или Лобб, Лежащий У Огня, — последнего оставшегося в Англии из тех, кого люди называют эльфами или феями. Но конечно, правильнее было бы называть их Жителями Холмов. И этот вот Пак, колдуя с листьями Дуба, Ясеня и Терновника, дал детям возможность увидеть реальные события, которые происходили тысячи лет назад, или услышать о них.

В результате его колдовства Дан и Юна в разное время, в разных уголках своей фермы и в лежащих вокруг нее лесах и полях стали встречать

некоторых весьма интересных людей и выслушивать их рассказы. Одним из них, к примеру, был норманский рыцарь, приплывший вместе с Вильгельмом Завоевателем, другим — молодой центурион расквартированного в Англии римского легиона, третьим — строитель и архитектор времен Генриха VII, были и другие. Об этих встречах я попытался поведать вам в книге «Пак с холмов Пука».

Примерно год спустя дети снова встретили Пака, и хотя теперь они стали старше и умнее и стали постоянно носить сандалии, вместо того чтобы бегать босиком при первом же удобном случае, они не потеряли расположения Пака, который продолжал знакомить их с разными людьми из далекого прошлого Англии.

Конечно, Пак позаботился о том, чтобы после каждой встречи стирать из памяти детей всякое воспоминание о ней, но кроме этого он, ни во, что не вмешивался, так что Дан с Юной продолжали встречать в своих полях самых неожиданных людей.

В следующих сказках я и попытаюсь рассказать вам об этих людях.

Редьярд Киплинг

Амулет

Ты возьми земли в горсти,
Сколько сможешь унести,
Помолись за тех потом,
Кто уснул в ней вечным сном,
Не за рыцарей-дворян —
За безвестных англичан,
Чей суровый скорбный путь
Некому и помянуть.

Землю в ладанку сложи,
Ближе к сердцу положи.

И земля с тобой сведет
Лихорадки липкий пот,
Руку сделает сильней,
Зорче глаз и слух острей,
Обострит твою борьбу,
Облегчит твою судьбу.
Четок для тебя и прост
Станет ход небесных звезд.

Ты сорви с земли родной
Примулы цветок весной;

Летом розу взять изволь,
Осенью — желтофиоль,
А зимой — плюща цветок:
Каждому цветку свой срок.
Если правильно хранить,
Если верно применить, —

Выручат тебя цветы:
Лучше видеть станешь ты.

Пелена исчезнет с глаз,
И отыщешь ты тотчас
На знакомом месте клад,
Спрятанный сто лет назад:
В поле, иль у входа в дом,
Или в очаге твоем.
И поймешь тогда ясней:
Главный клад — в душе твоей.

Холодное Железо

Договорившись выйти из дому ещё до завтрака, Дан и Юна не помнили, что наступил Иванов день[7]. Они хотели всего лишь посмотреть на выдру, которая, как говорил старик Хобден, давно уже промышляет в их ручье, а раннее утро — это самое лучшее время, чтобы застигнуть зверя врасплох. Когда дети на цыпочках выходили из дому, часы на башне пробили пять раз. Кругом царил удивительный покой. Сделав несколько шагов по траве, блестевшей капельками росы, Дан остановился и поглядел на тянувшиеся за ним темные отпечатки следов.

— Наверное, стоит пожалеть наши бедные сандалии, — сказал мальчик. — Они промокнут насквозь.

Этим летом дети впервые стали носить обувь — сандалии и терпеть их не могли. Поэтому они их сбросили, перекинули через плечо и весело зашагали по мокрой земле, на которой тени лежали, как вечером на востоке.

---

[7] Примечания: 7

Иванов день-день летнего солнцестояния, древний праздник разных народов, когда, согласно поверьям, действуют волшебные силы.

Солнце было высоко и уже грело, но над ручьем еще клубились последние хлопья ночного тумана.

На вязкой земле у самого ручья дети заметили цепочку следов выдры и пошли по ним. Следы вели их сквозь заросли осоки и камыша, по мокрой скошенной траве, и только растревоженные птицы провожали их криком. Потом следы повернули от ручья и превратились в одну толстую линию, как будто там проволокли бревно.

Следы вели к лугу трех коров, огибали мельничный шлюз, кузницу и сад Хобдена, поднимались вверх по склону и наконец вывели Дана и Юну к поросшему папоротником холму Пука, где в рощах кричали фазаны.

— Пустое дело, — вздохнул Дан. Он выглядел, как сбитая с толку гончая. — Роса уже высыхает, а старик Хобден говорит, что выдра может идти многие-многие мили.

— Мы и так наверняка уже прошли многие-многие мили. — Юна стала обмахиваться шляпой. — Как тихо! Наверно, днем будет настоящее пекло! — Она посмотрела вниз, в долину, где еще ни из одной трубы не поднимался дым.

— А Хобден уже встал! — Дан показал на открытую дверь дома у кузницы. — Как ты думаешь,

что у старика на завтрак?

— Какой-нибудь из этих, — Юна кивнула в сторону величавых фазанов, которые спускались к ручью напиться. — Хобден говорит, что их можно вкусно приготовить в любое время года.

Вдруг всего в нескольких шагах от детей, чуть ли не из-под их босых ног, выскочила лисица. Она тявкнула и припустила прочь.

— А-а, Рыжая Кумушка! Если бы я знал все, что знаешь ты, это было бы кое-что! — вспомнил Дан слова Хобдена.

— Послушай, — Юна почти перешла на шепот, — у меня иногда появляется такое странное чувство, будто все, что происходит вокруг, уже было раньше. И сейчас, когда ты сказал: «Рыжая Кумушка», оно появилось снова.

— У меня — тоже, — сказал Дан. — Но что это?

Дети смотрели друг на друга, дрожа от волнения.

— Подожди, подожди! — воскликнул Дан. — Я сейчас попробую вспомнить. Что-то связанное с лисой в прошлом году. О, я чуть не поймал её тогда!

— Угомонись, — попросила Юна, прямо запрыгав от возбуждения. — Вспомни, что-то случилось перед тем, как мы встретили лису. Холмы! Отво-

рившиеся Холмы! Пьеса в театре — «Увидите то, что увидите»...

— Вспомнил! — воскликнул Дан. — Это ж ясно, как дважды два. Холм Пука — Холм Пака — Пак!

— Теперь и я вспомнила, — сказала Юна. — И сегодня снова Иванов день!

Тут молодой папоротник на холме качнулся, и из него, пожевывая зеленую травинку, вышел Пак[8].

— Доброго вам летнего утра. Вот приятная встреча! — начал он.

Дан и Юна по очереди пожали ему руку, и все стали задавать друг другу вопросы.

— А вы хорошо перезимовали, — сказал Пак спустя некоторое время, оглядев детей с ног до головы. — Похоже, с вами ничего слишком плохого не приключилось.

— Нас обули в сандалии, — сказала Юна. — Посмотри на мои ступни — они совсем бледные, а пальцы на ноге так стиснуты — ужас.

— Да, в обуви человек меняется. — Пак протянул ногу, покрытую коричневой шерстью, и, зажав между пальцами одуванчик, сорвал его.

— Год назад и я так мог, — мрачно проговорил

---

[8] Примечания: 8

Пак, он же Робин Добрый Малый - веселый лесной эльф герой многих народных преданий.

Дан, безуспешно пытаясь сделать то же самое. — И, кроме того, в сандалиях просто невозможно лазать по горам.

— И все-таки чем-то они должны же быть удобны, — сказал Пак. — Иначе люди не носили бы их. Пойдемте туда.

Они не спеша пошли рядом и остановились только на дальнем конце склона, где стояли ворота. Там они разбрелись, как овцы, опустились на землю и, подставив солнцу спины, стали слушать жужжание лесных насекомых.

— Маленькие Линдены уже проснулись, — сказала Юна, подтянувшись на воротах и достав подбородком перекладину. — Видите дымок из трубы?

— Ведь сегодня четверг, да? — Пак обернулся и посмотрел на старый, розового цвета дом, стоящий на другом конце маленькой долины. — По вечерам миссис Винсей печет хлеб. В такую погоду тесто должно хорошо подниматься.

Пак зевнул, и дети вслед за ним тоже начали зевать.

А вокруг шуршал, шелестел и раскачивался во все стороны папоротник. Они чувствовали, как какие-то существа все время тихонько прокрадываются мимо них.

— Очень похоже на Жителей Холмов, правда? — спросила Юна.

— Это птицы и дикие звери возвращаются в лес, пока еще не проснулись люди, — сказал Пак таким тоном, будто он был лесничим.

— Да, мы это знаем. Я ведь только сказала: «похоже».

— Насколько я помню, Жители Холмов обычно производили больше шума. Они готовились к тому, как бы провести день, примерно так, как птицы готовятся к ночи. Но это было еще тогда, когда Жители Холмов ходили с гордо поднятой головой. О да? Вам просто не поверить, сколько на мою долю выпало событий, в которых я играл главную роль или хотя бы был свидетелем!

— Да ну! Так уж и не поверить? — воскликнул Дан. — И это после всего, что ты рассказал нам в прошлом году?

— Только перед уходом ты заставил нас все забыть, — упрекнула его Юна.

Пак рассмеялся и кивнул.

— Я и в этом году сделаю так же. Я дал вам во владение Старую Англию и избавил вас от страха и сомнения, а с вашими памятью и воспоминаниями я поступлю вот как: я их спрячу, как прячут, например, удочки, забрасывая на ночь,

чтобы не были видны другим, но чтобы самому можно было в любой момент их достать. Ну что, согласны? — И ой задорно им подмигнул.

— Да уж придется согласиться, — засмеялась Юна. — Все равно нам ничего против тебя не сделать. — Она сложила руки и облокотилась о ворота. — А если б ты захотел превратить меня в кого-нибудь, например в выдру, ты бы смог?

— Нет, пока у тебя на плече болтаются сандалии — нет.

— А я их сниму. — Юна сбросила сандалии на землю. Дан тут же последовал её примеру. — А теперь?

— Видно, сейчас вы мне верите меньше, чем прежде. Тот, кто верит в волшебство по-настоящему, не станет просить чуда.

Улыбка медленно поползла по лицу Пака.

— Но при чем тут сандалии? — спросила Юна, усевшись на ворота.

— При том, что в них есть Холодное Железо, — сказал Пак, примостившись там же» — Я имею в виду гвозди в подметках. Это меняет дело.

— Почему?

— А сами вы разве не чувствуете? Разве сейчас вам хотелось бы постоянно бегать босиком, как в прошлом году? Ведь нет же, нет?

— Не-ет, пожалуй, нет, постоянно-то. Понимаешь, я же становлюсь взрослой, — сказала Юна.

— Послушай, — сказал Дан, — ты же сам говорил нам в прошлом году, — помнишь, на Длинной Косе, в театре? — что не боишься Холодного Железа.

— Мне и впрямь нечего его бояться, а вот людям… Холодное Железо подчиняет их. С самого рождения они окружены железом и не могут без него жить. Оно есть в каждом их доме и способно возвысить или уничтожить каждого из них. Такова судьба всех смертных, как зовут людей Жители Холмов[9], и её не изменишь.

— Ну, до завтрака еще далеко, — сказал Дан. — И к тому же перед выходом мы заглянули в кладовку…

Он достал из кармана большой ломоть хлеба, Юна — другой, и они поделились с Паком.

— Этот хлеб пекли в доме у маленьких Линденов, — сказал Пак, вонзая в него свои белые зубы. — Узнаю руку миссис Винсей. — Он ел, неторопливо прожевывая каждый кусок, совсем как старик Хобден, и, так же, как и тот, не уронил ни единой крошки.

---

[9] Примечания: 9

Жители Холмов - так любят называть себя английские эльфы и феи.

В окнах дома маленьких Линденов вспыхнуло солнце, и небо над долиной, освободившись от облаков, стало еще недвижнее и теплее.

— Хм… Холодное Железо, — начал Пак. Дан и Юна с нетерпением ждали рассказа. — Люди относятся к железу легкомысленно. Они вешают подкову на дверь и забывают перевернуть её задом наперед. Потом, может, через день, а может, через год, в дом проскальзывают Жители Холмов, находят грудного младенца, спящего в колыбели, и…

— О! Я знаю! — воскликнула Юна. — Они похищают его и вместо него подбрасывают другого.

— Никогда! — твердо возразил Пак. — Родители сами плохо заботятся о своем ребенке, забывают о его существовании, а потом сваливают вину на кого-то. Отсюда и идут разговоры о подброшенных детях. Не верьте им. Будь моя воля, я посадил бы таких родителей на телегу, возил бы по деревням и сек бы плетьми.

— Но ведь сейчас так не делают, — сказала Юна.

— Что не делают? Не секут плетьми или не забывают о своих детях? Ну-у, знаешь.

Люди меняются не скоро, как и земля. Жители Холмов не занимаются подменой детей. Они

на цыпочках входят в дом, окружают спящего младенца и вьются вокруг него, напевая и нашептывая ему то заклинание, то заговор, — словно это посвистывает чайник. А через много лет, когда ребенок вырастет, он станет вести себя не как все люди, но это принесет ему только несчастье. Поэтому я не разрешал и не разрешу ходить к младенцам из окрестных домов. Так я однажды и заявил сэру Гюону[10].

— А кто такой сэр Гюон? — спросил Дан, и Пак с немым удивлением повернулся к мальчику.

— Сэр Гюон из Бордо стал королем фей после Оберона. Когда-то он был храбрым рыцарем, но потом пропал по пути в Вавилон[11]. Это было очень давно. Вы знаете стишок «Сколько миль до Вавилона»?

— Еще бы! — воскликнул Дан зардевшись.

— Так вот, сэр Гюон и этот стишок — ровесники. Но вернемся к младенцам, которых якобы подбрасывают. Я сказал как-то сэру Гюону (мы тогда стояли здесь же, среди папоротника, и утро

---

[10] Примечания: 10

Сэр Гюон-герой одноименной старофранцузской поэмы, с помощью короля фей Оберона завоевывает сердце красавицы леди Эсклермонд. После своей смерти сэр Гюон сам стал королем фей.

[11] Примечания: 11

Вавилон - древний город в Месопотамии.

тогда было такое же, как сегодня): «Если уж вам так хочется влиять на людей и помогать им, а насколько я знаю, именно таково ваше желание, почему бы вам, заключив честную сделку, не взять к себе какого-нибудь грудного младенца и не воспитать его здесь, среди Жителей Холмов, вдали от Холодного Железа, как это делал в прежние времена Оберон. Тогда вы могли бы предуготовить ребенку замечательную судьбу и потом послать обратно к людям». — «Что прошло, то миновало, — ответил мне сэр Гюон. — У нас же, боюсь, ничего не выйдет. Во-первых, младенца надо взять так, чтобы не причинить зла ни ему самому, ни отцу, ни матери. Во-вторых, младенец должен родиться вдали от Холодного Железа, то есть в доме, где нет и никогда не было ни одного железного предмета. И наконец, в-третьих, его надо будет держать вдали от железа до тех самых пор, пока мы не позволим ему найти свою судьбу. Нет, все это очень не просто». Сэр Гюон погрузился в размышления и поехал прочь. Он ведь раньше был человеком.

Как-то раз, накануне дня Одина[12], я оказался

[12] Примечания: 12

Один - в скандинавской мифологии верховный бог, из рода асов соответствует древнегерманскому богу Вотану. Хранитель мудрости, бог войны, хозяин Вальгаллы-жилища богов.

на рынке Льюиса и видел, как там продавали рабов — так же, как сейчас на Робертсбриджском рынке продают свиней. Вся разница состояла в том, что у свиней кольцо было в носу, а у рабов — на шее.

— Какое еще кольцо? — спросил Дан.

— Кольцо из Холодного Железа, в четыре пальца шириной и один толщиной, похожее на кольцо для метания, но только с замком, который защелкивался, когда кольцо надевали на шею раба. Владельцы здешней кузницы продавали много таких колец. Они упаковывали их в ящики, пересыпали дубовыми опилками и рассылали по всем уголкам Старой Англии. И вот на этом рынке какой-то фермер из Уильда купил себе рабыню с младенцем. Младенец, думал фермер, будет лишь мешать ей перегонять скот, и это ему не понравилось.

— Сам он скот! — воскликнула Юна и ударила босой пяткой по воротам.

Фермер был в претензии на работорговца. Но тут подала голос сама женщина.

«Это вовсе и не мой ребенок, — сказала она. — Я взяла его у одной рабыни из нашей партии, бедняжка вчера умерла».

«Тогда я отнесу его в церковь, — сказал фер-

мер, — пусть сделают из него монаха. А мы отправимся домой».

Смеркалось. Фермер крадучись подошел к церкви и положил ребенка на землю у церковных ворот. Когда он уходил, втянув голову в плечи, я дохнул холодом ему вслед, и с тех пор, я слышал, никакой огонь не мог его согреть. Еще бы! Это и неудивительно! Потом я растормошил ребенка и со всех ног помчался с ним сюда, на Холмы.

Было раннее утро, и роса еще не успела обсохнуть. Наступал день Тора[13] — такой же день, как сегодня. Я принес ребенка сюда, а все Жители Холмов столпились вокруг и стали с любопытством его рассматривать.

«Ты все-таки принес младенца», — сказал сэр Гюон, разглядывая его, как обычный человек.

«Да, — ответил я, — и желудок его пуст».

Ребенок кричал во все горло, требуя еды.

«Чей он?» — спросил сэр Гюон, когда наши женщины унесли младенца внутрь Холмов, чтобы покормить.

«Может быть, об этом знает Полная Луна, мо-

---

[13] Примечания: 13

В германо-скандинавской мифологии Тор-бог грома и молнии из рода богов асов, один из трех верховных богов. К имени Тора восходит английское название четверга: Thusday-день Тора, поэтому в тексте четверг называется день Тора.

жет — Утренняя Звезда, я же не знаю. При лунном свете я сумел разглядеть только одно — это непорочный младенец и клейма на нем нет. Я ручаюсь, что он родился вдали от Холодного Железа, в хижине под соломенной крышей. Взяв его, я не причинил зла ни отцу, ни матери, ни ребенку, потому что мать его, невольница, умерла».

«Все к лучшему, Робин, — сказал сэр Гюон. — Тем меньше будет он стремиться уйти от нас. Мы предуготовим ему прекрасную судьбу, и он будет влиять на людей и помогать им, чего мы всегда так хотели».

Тут появилась жена сэра Гюона и увела его внутрь Холмов позабавиться чудесными проделками малыша.

— А кто была его жена? — спросил Дан.

— Леди Эсклермонд. Раньше она была простой женщиной, ню потом тоже стала феей. Меня маленькие дети не очень-то интересовали — я видел их предостаточно, — поэтому я остался на холме. Вскоре я услыхал тяжелые удары молота. Они раздавались оттуда — из кузницы. — Пак показал в сторону дома Хобдена. — Для работников кузницы было еще слишком рано. И тут у меня снова мелькнула мысль, что наступающий день — день Тора. Я хорошо помню, как дул слабый

северо-восточный ветер, шевеля и покачивая верхушки дубов. Я решил пойти посмотреть, что там происходит.

— И что же ты увидел?

— Кузнеца, который что-то ковал. Закончив работу, он взвесил на ладони изготовленный предмет — все время он стоял ко мне спиной — и бросил, как бросают метательное кольцо, далеко в долину. Я видел, как железо блеснуло на солнце, но куда оно упало, не рассмотрел. Да это меня и не интересовало. Я ведь знал, что рано или поздно кто-нибудь его найдет.

— А откуда ты знал? — снова спросил Дан.

— Потому что узнал кузнеца, — спокойно ответил Пак.

— Это был Вейланд[14]? — попробовала угадать Юна.

— Нет. С Вейландом я бы, конечно, поболтал часок-другой. Но это был не он. Поэтому, — указательный палец Пака описал в воздухе некую странную дугу, — я лег и стал считать травинки у себя, под носом, пока ветер не стих и он не уда-

[14] Примечания: 14

В английском фольклоре существует легенда скандинавского происхождения о волшебном кузнеце-невидимке Виланде (Вейланде или Велунде).

лился — он и его Молот[15].

— Так это был Тор! — прошептала Юна, задержав дыхание.

— Кто же еще! Ведь это был день Тора. — Пак повторил тот же жест. — Я не сказал сэру Гюону и его жене о том, что видел. Скрывай свою тревогу про себя, если уж ты такой подозрительный, но не заставляй волноваться других. К тому же я ведь мог и ошибиться насчет предмета, который выковал кузнец. Может быть, он работал для собственного удовольствия и изготовлял безделушки, хотя это было на него и не похоже, а выбросил всего лишь старый кусок ненужноного железа. Ничего нельзя знать наверняка. Поэтому я держал язык за зубами и радовался ребенку… Он был чудесным малышом, и Жители Холмов настолько сильно хотели, чтобы мальчик нашел именно ту судьбу, какую они ему пророчили, что мне бы просто не поверили, расскажи я им тогда все, что видел. А мальчик очень ко мне привык. Как только он начал ходить, мы с ним потихоньку облазали весь этот холм. В папоротник и падать не больно! Он чувствовал, когда наверху,

---

[15] Примечания: 15

Молот - у бога Тора было личное оружие-молот Мьелльнир, олицетворявший молнию (тот же корень, что и у русского слова «молния»), который поражал врага и возвращался к владельцу, как бумеранг.

на земле, начинался день, и начинал руками и ногами стучать, стучать, стучать, как кролик по барабану, и кричать: «Откой! Откой!», пока кто-нибудь, кто знал заклинание, не выпускал его из холмов наружу, и тогда он во весь голос звал меня: «Робин! Робин!», пока я не приходил.

— Он просто прелесть! Как бы мне хотелось увидеть его! — сказала Юна.

— Да, он был молодцом. Когда ему пришло время учиться магии, он, бывало, сядет на холме где-нибудь в тени и давай бормотать запомнившиеся ему строчки, пробуя свои силы на прохожих. Если же к нему подлетала птица или наклонялось дерево (они делали это из чистой любви, потому что все, абсолютно все на холмах любили его), он всегда кричал: «Робин! Гляди, смотри! Гляди, смотри, Робин!» — и тут же начинал бормотать заклинания, которым его обучили, причем путая все, что можно, и произнося задом наперед, и так до тех пор, пока я не собирался с духом и не объяснял ему, что все это — его собственные выдумки, а вовсе не волшебные слова, которые творят чудеса. Когда же он запомнил заклинания в правильном порядке и мог безошибочно выбирать нужное, он все больше стал обращать внимание на людей и на события, происходящие на земле.

Его всегда тянуло к людям, и это неудивительно, ведь он оставался обыкновенным человеком.

Видя, что мальчик свободно ходит там, где живут люди и где могло оказаться Холодное Железо, я стал брать его с собой на ночные прогулки, чтобы он в это время мог наблюдать за людьми, а я — наблюдать за ним и не давать ему коснуться Холодного Железа.

Это не составило мне никакого труда, ведь на земле для мальчика нашлось столько интересного и привлекательного и без железа. И всё же он был сущее наказание!

Никогда не забуду, как мы ходили к маленьким Линденам. Это вообще была его первая ночь, проведенная под крышей. Запах ароматных свечей, к которому примешивался запах подвешенных свиных окороков, перина, которую как раз набивали перьями, теплая ночь с моросящим дождем — все эти впечатления разом обрушились на него, и он совсем потерял голову. Прежде чем я успел его остановить — а мы прятались в пекарне, — он забросал все небо огненными вспышками молний, зарницами и громами, от которых люди с визгом и криком высыпали в сад, а одна девочка перевернула улей, так что мальчишку всего изжалили пчелы (он-то и не по-

дозревал, что ему может грозить такая напасть), и когда мы вернулись домой, лицо его напоминало распаренную картофелину.

Можете представить, как сэр Гюон и леди Эсклермонд рассердились на меня, бедного Робина! Они говорили, что мальчика мне больше доверять ни в коем случае нельзя, что нельзя больше отпускать его гулять со мной по ночам, но на их приказания мальчик обращал так же мало внимания, как и на пчелиные укусы. Мы с ним продолжали встречаться каждый вечер, как только темнело, среди мокрых от росы папоротников (он мне свистел, и я шел на его свист) и отправлялись до утра бродить по тем местам, где жили люди. Он задавал вопросы, я, насколько мог, отвечал на них. Вскоре мы попали в очередную историю. — Пак так захохотал, что ворота затрещали. — Однажды в Брайтлинге мы увидели мужчину, колотившего в саду свою жену палкой. Я только собирался перебросить его через его же собственную дубину, как наш пострел вдруг перескочил через забор и кинулся на драчуна. Женщина, естественно, взяла сторону мужа, и пока тот колотил мальчика, она царапала моему бедняге лицо. И только когда я, пылая огнем, словно береговой маяк, проплясал по их капустным

грядкам, они бросили свою жертву и убежали в дом. На мальчика было страшно смотреть. Его шитая золотом зеленая куртка была разодрана в клочья; мужчина изрядно отдубасил его, а женщина в кровь исцарапала лицо. Он выглядел так, как выглядят в понедельник утром поденщики, сборщики хмеля из Робертсбриджа.

«Послушай, Робин, — сказал мальчик, пока я пытался почистить его пучком сухой травы, — я не совсем понимаю этих людей. Я побежал на помощь бедной старухе, а она же сама и набросилась на меня!»

«А чего ты ожидал? — ответил я. — Это, кстати, был тот случай, когда ты мог бы воспользоваться своим умением колдовать, вместо того чтобы бросаться на человека в три раза крупнее тебя».

«Я не догадался, — сказал он. — Зато разок так двинул ему по башке, что это подействовало не хуже любого колдовства. Ты же видел — подействовало?»

«Посмотри лучше на свой нос, — посоветовал я, — и оботри с него кровь — да не рукавом! — пожалей хоть то, что уцелело. Вот возьми лист щавеля».

Я-то знал, что скажет леди Эсклермонд. А ему было все равно! Он был счастлив, как цыган,

угнавший лошадь, хотя его шитый золотом костюмчик, весь покрытый пятнами крови и зелени, спереди походил на костюм древнего человека, которого только что принесли в жертву.

Жители Холмов во всем, конечно же, обвинили меня.

По их мнению, сам мальчик ничего плохого сделать не мог.

«Вы же сами воспитываете его так, чтобы в будущем, когда вы его отпустите, он смог помогать людям, — отвечал я. — Вот он уже и начал это делать. Что ж вы меня стыдите? Мне нечего стыдиться. Он человек, и по своей природе тянется к себе подобным».

«Но нам совсем не хочется, чтобы он начинал так, — сказала леди Эсклермонд. — Мы полагаем, что в будущем он будет совершать великие дела, а не шляться по ночам и не прыгать через заборы, как цыган».

«Я не виню тебя, Робин, — сказал сэр Гюон, — но мне действительно кажется, что ты мог бы смотреть за малышом повнимательнее».

«Я все шестнадцать лет слежу за тем, чтобы мальчик не коснулся Холодного Железа, — возразил я. — Вы же знаете не хуже меня, что, как только он прикоснется к железу, он раз и навсе-

гда найдет свою судьбу, какую бы иную судьбу вы для него ни готовили. Вы мне кое-чем обязаны за такую службу».

Сэр Гюон в прошлом был человеком и поэтому был готов со мной согласиться, но леди Эсклермонд, покровительница матерей, переубедила его.

«Мы тебе очень благодарны, — сказал сэр Гюон, — но считаем, что сейчас ты с мальчиком проводишь слишком много времени на своих холмах».

«Хоть вы меня и упрекнули, — ответил я, — я дам вам возможность подумать ещё раз». Я терпеть не мог, когда с меня требовали отчета о том, что я делаю на собственных холмах. Если бы я не любил мальчика так сильно, я не стал бы даже

слушать эти попреки.

«Нет-нет! — сказала леди Эсклермонд. — Когда он бывает со мной, с ним почему-то ничего подобного не происходит. Это целиком твоя вина».

«Раз вы так решили, — воскликнул я, — слушайте же меня! Клянусь Дубом, Ясенем и Терновником, а также молотом аса Тора, — странным движением Пак дважды рассек воздух ладонью, — клянусь вам всем, что с этой вот секунды и до тех пор, когда мальчик найдет свою судьбу, какой бы она ни была, я выхожу из игры и вы можете вычеркнуть меня из всех своих планов и расчетов».

После этого я исчез, — Пак щелкнул пальцами, — как исчезает пламя свечи, когда на нее дуешь, и хотя они кричали и звали меня, я не отзывался. Но, с другой стороны, я ведь не обещал оставить мальчика без присмотра. Я за ним следил внимательно, очень внимательно! Когда мальчик узнал, к чему они меня принудили, он высказал им все, что думает по этому поводу, но они стали так его целовать и суетиться вокруг него, что в конце концов, (я не виню его, он ведь был еще маленьким) он начал на все смотреть их глазами, называя себя злым и неблагодарным по отношению к ним. Потом ему стали показывать

новые представления, демонстрировать чудеса, лишь бы он перестал думать о земле и людях. Бедное человеческое сердце! Как он, бывало, взывал ко мне, взывал подолгу, а я не мог ни ответить, ни даже дать ему знать, что я рядом!

— Ни разу, ни разу? — спросила Юна. — Даже если ему было очень одиноко?

— Он же не мог, — ответил Дан, подумав. — Ты ведь поклялся молотом Тора, что не будешь вмешиваться, да, Пак?

— Да, молотом Тора! — ответил Пак низким, неожиданно громким голосом, но тут же снова перешел на тихий, каким говорил всегда. — А мальчик действительно загрустил от одиночества, когда перестал меня видеть.

Он набросился на учение — учителя у него были хорошие, — но я видел, как время от времени он отрывал взор от больших черных книг и устремлял его вниз, в долину, к людям. Он стал учиться слагать песни — и тут у него был хороший учитель, но и песни он пел, повернувшись к Холмам спиной, а лицом к долине, к людям. Я-то видел! Я сидел и горевал на таком от него расстоянии, которое кролик покрыл бы за один прыжок. Затем мальчик изучил начальную, высшую и среднюю магию. Он обещал леди Эсклермонд,

что к людям не подойдет и близко, поэтому ему пришлось довольствоваться представлениями с созданными им образами, чтобы дать выход своим чувствам.

— Какие еще представления? — спросила Юна.

— Да так, ребячье баловство, как мы говорим. Я вам как-нибудь покажу. Оно некоторое время занимало его и никому не приносило особого вреда, разве что нескольким любителям посидеть в кабачке, которые возвращались домой поздней ночью. Но я-то знал, что все это значит, и следовал за ним неотступно, как горностай за кроликом. Нет, на свете не было больше таких хороших мальчиков! Я видел, как он шел след в след за сэром Гюоном и леди Эсклермонд, не отступая в сторону ни на шаг, чтобы не угодить в борозду, проложенную Холодным Железом, или издали обходил давно посаженный ясень, потому что человек забыл возле него свой садовый нож или лопату, а в это время само сердце его изо всех сил рвалось к людям. О, славный мальчик! Те двое предназначили ему счастливый жребий, но в сердце у них не нашлось мужества позволить ему испытать свою судьбу. Мне передавали, что их уже многие предостерегали от возможных последствий, но они и слышать ничего не хотели.

Поэтому и случилось то, что случилось.

Однажды теплой ночью я увидел, как мальчик бродил по холмам, и пламя его недовольства полыхало по всему небу. Среди облаков одна за одной вспыхивали зарницы, какие-то тени одна за одной неслись в долину, и вскоре все рощи огласились лаем множества охотничьих собак, а по лесным тропинкам, окутанным легким туманом, разъезжали толпы рыцарей в полном вооружении. Конечно, все это он сделал силой своих колдовских чар. Позади рыцарей были видны грандиозные замки, величественно возвышающиеся на арках из лунного света, и в их окнах девушки приветливо махали руками.

То вдруг все превращалось в кипящие реки, а потом все окутывала полная мгла, поглощавшая краски, мгла, которая отражала царивший в юном сердце мрак. Но эти игры меня беспокоили не более чем подобные проделки Мерлина[16]. Глядя на мерцающие зарницы с молниями, я читал в его душе недовольство и испытывал к нему нестерпимую жалость. О, как я его жалел! Он медленно бродил взад-вперед, как бык на незнакомом пастбище, иногда совершенно один,

[16] Примечания: 16

Мерлин - волшебник и мудрец, герой легенд о короле Артуре и Рыцарях Круглого Стола.

иногда окруженный плотной сворой призрачных собак, иногда во главе призрачных рыцарей, скачущих на лошадях с ястребиными крыльями, мчался спасать призрачных девушек. Я и не подозревал, что он достиг такого совершенства в колдовстве и что у него такая богатая фантазия, но с мальчиками такое бывает нередко.

В тот час, когда сова во второй раз возвращается домой, я увидел, как сэр Гюон вместе со своей женой спускаются верхом с моего Холма, где, как известно, колдовать мог лишь я один. Небо над долиной продолжало пылать, и супруги были очень довольны, что мальчик достиг такого совершенства в магии. Они знали, что рано или поздно им придется набраться мужества и отпустить мальчика к людям, и решали, какую же судьбу ему определить. Сэр Гюон хотел бы сделать его королем того или иного королевства, леди Эсклермонд — мудрейшим из мудрецов, которого все люди превозносили бы за ум и доброту. Она была очень добрая женщина.

Вдруг мы заметили, что зарницы его недовольства отступили в облака, а призрачные собаки разом смолкли.

«Там с его магией борется чья-то другая! — вскричала леди Эсклермонд, натягивая пово-

дья. — Кто же против него?»

Я мог бы ответить ей, но считал, что мне незачем рассказывать о делах и поступках аса Тора.

— А откуда ты узнал, что это он? — спросила Юна.

— Я помню, как дул легкий северо-восточный ветер, пробираясь сквозь дубы и покачивая их верхушки. Зарница последний раз вспыхнула, охватив все небо, и мгновенно погасла, как гаснет свеча, а нам на голову посыпался колючий град. Мы услышали, как мальчик идет по излучине реки — там, где я впервые вас увидел.

«Скорей! Скорей иди сюда!» — звала леди Эсклермонд, протягивая руки в темноту. Мальчик медленно приближался, все время спотыкаясь, — он ведь был человек и не видел в темноте.

«Ой, что это?» — спросил он, обращаясь к самому себе. Мы все трое услышали его слова.

«Держись, дорогой, держись! Берегись Холодного Железа!» — крикнул сэр Гюон, и они с леди Эсклермонд с криком бросились вниз, словно вальдшнепы.

Я тоже бежал рядом, но было уже поздно. Мы почувствовали, что где-то в темноте мальчик коснулся Холодного Железа, потому что Лошади Холмов чего-то испугались и завертелись на ме-

сте, храпя и фырча.

Тут я решил, что пора снова принять видимый облик, так я и сделал.

«Каким бы этот предмет ни был, он из Холодного Железа, и мальчик уже взялся за него. Нам остается только выяснить, за что же именно, потому что это и определит судьбу мальчика».

«Иди сюда, Робин, — позвал меня мальчик, едва заслышав мой голос. — Я за что-то держусь, но не знаю за что…»

«Но ведь это у тебя в руках! — крикнул я в ответ. — Скажи нам, предмет твердый? Холодный? И есть ли на нем драгоценные камни? Тогда это королевский скипетр».

«Нет, не похоже», — ответил мальчик, передохнул и снова в полной темноте стал вытаскивать что-то из земли. Мы слышали, как он пыхтит.

«А есть ли у него рукоятка и две острые грани? — спросил я. — Тогда это рыцарский меч».

«Нет, это не меч, — был ответ. — Это и не лемех плуга, не крюк, не крючок, не кривой нож и вообще ни один из тех инструментов, какие я видел у людей».

Он стал руками разгребать землю, стараясь извлечь оттуда незнакомый предмет.

«Что бы это ни было, — обратился ко мне сэр

Гюон, — ты, Робин, знаешь, кто положил его туда, потому что иначе ты не задавал бы все эти вопросы. И ты должен был сказать мне об этом давно, как только узнал сам».

«Ни вы, ни я ничего не могли сделать против воли того, кто выковал и положил этот предмет, чтобы мальчик в свой час нашел его», — ответил я и шепотом рассказал сэру Гюону о том, что видел в кузнице в день Тора, когда я впервые принес младенца на Холмы.

«Что ж, прощайте, мечты! — воскликнул сэр Гюон. — Это не скипетр, не меч, не плуг.

Но может быть, это ученая книга с железными застежками? Она тоже могла бы означать неплохую судьбу».

Но мы знали, что этими словами просто утешаем сами себя, и леди Эсклермонд, поскольку она когда-то была женщиной, так нам прямо и сказала.

«Хвала Тору! Хвала Тору! — крикнул мальчик. — Он круглый, у него нет конца, он из Холодного Железа, шириной в четыре пальца и толщиной в один, и тут еще нанесены какие-то слова».

«Прочти их, если можешь!» — крикнул я в ответ. Темнота уже рассеялась, и сова снова вы-

летела из гнезда.

Мальчик громко прочел начертанные на железе руны:

Немногие могли бы
Предвидеть, что случится,
Когда дитя найдёт
Холодное Железо.

Теперь мы его увидели, нашего мальчика: он гордо стоял, освещенный светом звезд, и у него на шее сверкало новое, массивное кольцо раба.

«Его так носят?» — спросил он.

Леди Эсклермонд заплакала.

«Да, именно так», — ответил я. Замок на кольце, однако, еще не был защелкнут.

«Какую судьбу оно означает? — спросил меня сэр Гюон, пока мальчик ощупывал кольцо. — Ты, не боящийся Холодного Железа, ты должен сказать нам и научить нас».

«Сказать я могу, а учить вас мне нечему, — ответил я. — Это кольцо означает только одно — отныне и впредь он должен будет жить среди людей, трудиться для них, делать то, в чем они нуждаются, даже если сами они и не подозревают, что это им необходимо. Никогда не будет он

хозяином себе, и никогда не будет он хозяином другому. Он будет получать половину того, что отдавать, и отдавать в два раза больше, чем получать, и так до конца его дней, и если свое бремя он не будет нести до самого последнего своего дыхания, то дело всей его жизни пропадет впустую».

«О, злой, жестокий Тор! — воскликнула леди Эсклермонд. — Но смотрите, смотрите! Замок еще открыт! Он еще не успел его защелкнуть. Он еще может снять кольцо. Он еще может к нам вернуться. Вернись же!

Вернись!» Она подошла так близко, как только смела, но не могла дотронуться до Холодного Железа. Мальчик мог бы снять кольцо. Да, мог бы. Мы стояли и ждали, сделает ли он это, но он решительно поднял руку и защелкнул замок.

«Разве я мог поступить иначе?» — сказал он.

«Нет, наверно, нет, — ответил я. — Скоро утро, и если вы трое хотите попрощаться, то прощайтесь сейчас, потому что с восходом солнца вы должны будете подчиниться Холодному Железу, которое вас разлучит».

Мальчик, сэр Гюон и леди Эсклермонд сидели, прижавшись друг к другу, по их щекам текли слезы, и до самого рассвета они говорили друг другу последние слова прощания.

Да, такого славного мальчика на свете еще не было.

— И что с ним стало? — спросила Юна.

— Едва забрезжил рассвет, он сам и его судьба подчинились Холодному Железу. Мальчик отправился жить и трудиться к людям. Однажды он встретил девушку, родственную душу, и они поженились, и у них появилось многочисленное потомство, целый выводок, как иногда говорят. Может быть, в этом году вы еще встретите кого-нибудь из его потомков.

— Хорошо бы! — сказала Юна. — Но что, же делала бедная леди?

— А что вообще можно было сделать, когда сам ас Тор выбрал мальчику такую судьбу? Сэр Гюон и леди Эсклермонд утешали себя лишь тем, что они хорошо обучили мальчика, как помогать людям и влиять на них. А он действительно был славным мальчуганом. Кстати, не пора ли вам уже идти завтракать? Пойдемте, я вас немного провожу.

Вскоре Дан, Юна и Пак дошли до места, где стоял высохший папоротник. Тут Дан тихонько толкнул Юну локтем, и она тотчас же остановилась и проворно надела одну сандалию.

— А теперь, — сказала она, с трудом балансируя

на одной ноге, — что ты будешь делать, если мы дальше не пойдем? Листьев Дуба, Ясеня и Терновника тут тебе не сорвать, и, кроме того, я стою на Холодном Железе!

Дан тем временем тоже надел вторую сандалию, схватив сестру за руку, чтобы не упасть.

— Что-что? — удивился Пак. — Вот она, людская неблагодарность! — Он обошел их вокруг, трясясь от удовольствия. — Неужели вы думаете, что, кроме горстки мертвых листьев, у меня нет другой волшебной силы?

Вот что получается, если избавить вас от страха и сомнения! Ну, я вам покажу!

* * *

Минуту спустя дети уже были у старика Хобдена и принялись за его немудреный завтрак — холодного фазана. Они наперебой рассказывали, как в папоротнике чуть не наступили на осиное гнездо, и просили старика выкурить ос.

— Осиным гнездам быть еще рано, и я не пойду туда копаться ни за какие деньги, — отвечал старик спокойно. — Мисс Юна, у тебя в ноге застряла колючка. Садись-ка и надевай вторую сандалию. Ты уже большая, чтобы бегать босиком даже не позавтракав. Подкрепляйся-ка фазаненком.

Нож и меловые холмы

С востока на запад

Южный Уильд, Меловые Холмы,
С востока на запад их знаем мы.
Бичи Хед и Уиндон Хилл —
Их навсегда господь сотворил.
Вершина Кэберн и Хэрри Гора
Будут завтра, были вчера.
Маяк и в Чанктонбери гряда
Жизни на Земле наблюдали всегда.
А то, что бессонный маяк пропустил,
Все это видел Трули Хилл.
Хайден и Бигнер — знали они
Коронации в Англии славные дни.
И Трейфорд, и Линч знакомы с ней
Еще до Потопа суровых дней.
В Хемпшире будет наш путь завершен,
Здесь плещется море с начала времен.
В Уильде — край хлеба, в Холмах — край овец.

Кто родился в Сассексе, тот молодец!

Дети на целый месяц отправились к морю, в район Даунс[17], и поселились там в деревне, стоящей на голых, открытых ветрам Меловых Холмах[18], в добрых тридцати милях от дома. Они подружились со старым пастухом по имени мистер Дадни, который знал их отца еще когда, когда тот был маленьким. Он говорил не так, как говорят люди в их родном Сассексе, по-другому называл разные орудия крестьянского труда, но зато понимал настроение детей и позволял им повсюду с ним ходить. Жил он в крошечном домике примерно в полумиле от деревни. Его жена варила чабрецовый мед и нянчила у камина больных ягнят, а у порога лежала овчарка Старый Джим (его сын сейчас помогал мистеру Дадни пасти овец). Приходя в гости к мистеру Дадни, дети всегда приносили Старому Джиму говяжьих

---

[17] Примечания: 17

Даунс - название прибрежного района на юго-востоке Англии в графстве Сассекс. Уильд - название соседнего района, куда тоже входит часть графства Сассекс, где Киплинг прожил последние тридцать лет жизни.

[18] Примечания: 18

Меловые утесы тянутся вдоль берегов Англии, обращённых к Европе. От цвета этих меловых холмов возникло название «Альбион», как издревле называют Англию (albus-по латыни «белый»). По преданию, первым назвал Англию «туманным Альбионом» Юлий Цезарь, плывший из Галлии ее завоевывать.

костей — бараньи овчарке ни в коем случае давать нельзя, — а если оказывалось, что хозяин где-то пасет овец, то его жена просила Старого Джима проводить гостей, что тот и делал.

И вот однажды августовским днем, когда улица, политая из привезенной на тележке цистерны, пахла совсем по-городскому, дети, как всегда, отправились искать своего пастуха и, как всегда, Старый Джим выполз из-за порога и взял их под свою опеку. Солнце стояло очень жаркое, сухая трава скользила под ногами, а расстояния казались огромными.

— Совсем как на море, — сказала Юна, когда Старый Джим заковылял в тень каменного сарая, одиноко стоявшего на голом склоне. — Видишь что-то вдали, идешь туда, и кругом ничего больше нет.

Дан сбросил ботинки.

— Когда приедем домой, я целый день просижу в лесу, — заявил он.

«Вуфф-ф», — проворчал Старый Джим и повернул назад. Он хотел сказать, что пора дать ему полагавшуюся кость.

— Еще рано, — возразил Дан. — Где мистер Дадни? Где хозяин?

Джим удивленно посмотрел на детей, всем

своим видом показывая, что не знать этого могут только сумасшедшие, и снова попросил кость.

— Не давай ему! — крикнула Юна. — Я не хочу оставаться одна в этой пустыне.

— Ищи, дружок, ищи, — попросил Дан, потому что местность вокруг казалась голой, словно ладошка.

Старый Джим вздохнул и потрусил вперед. Вскоре вдали, на фоне неба, они заметили маленькое пятнышко-шляпу мистера Дадни.

— Хорошо! Молодец! — сказал Дан. Старый Джим повернулся, осторожно взял кость стертыми зубами и побежал обратно к тень старого сарая — совсем как волк. Дети же пошли дальше. Над ними, зависнув, отчаянно кричали две пустельги. Чайка, лениво размахивая крыльями, медленно летела вдоль гребня белых скал. От жары очертания холмов Даунса и маячившая впереди голова мистера Дадни стали расплываться в глазах у детей.

Пройдя еще немного, Дан и Юна оказались перед подковообразной ложбиной глубиной в сто футов: ее крутые склоны, как сетью, были покрыты овечьими тропами. Внизу, под охраной Молодого Джима, паслись овцы. На краю склона, зажав между колен посох, сидел мистер Дадни

и вязал. Дети рассказывали ему, что вытворял Старый Джим.

— А-а, он решил, что вы увидите мою голову одновременно с ним. Кто ближе к земле, тот видит больше. Вам, кажется, очень жарко?

— О да! — сказала Юна, плюхаясь на землю. — И еще мы устали.

— Садитесь рядышком. Скоро начнут расти тени, прилетит ветер, всколыхнет жару и ваши глазки закроются, словно укрытые шерстью.

— Мы вовсе не хотим спать, — возмущенно возразила Юна, тем не менее ловко пристраиваясь в первой же полоске появившейся тени.

— Конечно, не хотите. Вы пришли поговорить со мной, как, бывало, ваш отец. Он-то мог найти эту ложбину Нортона сам, без помощи собаки.

— Ну, он же был родом отсюда, — сказал Дан, растягиваясь на земле.

— Да, отсюда. И мне никак не понять, зачем он отправился жить в Уильд, среди этих противных деревьев, когда мог остаться здесь. В деревьях проку нет. Они притягивают молнию, и когда овцы спрячутся под ними, то можно вполне потерять их с десяток за одну грозу. Так-то. Ваш отец знал это.

— Деревья совсем и не противные. — Юна при-

поднялась на локте. — А дрова? Топить углем я не люблю.

— Что-что? Поднимись-ка чуть повыше, тебе будет удобней лежать, — попросил мистер Дадни, хитро улыбаясь. — А теперь пригнись пониже и понюхай, чем пахнет земля. Она пахнет чабрецом. Это он придает нашей баранине ее неповторимый вкус, и, кроме того, как говорила моя мама, чабрец может излечить все что угодно, кроме одной сломанной шеи или разбитого сердца, я точно нс помню, что именно.

Дети старательно принюхивались и почему-то забыли поднять головы с мягких зеленых подушек.

— У вас в Уильде ничего похожего нет, — сказал мистер Дадни. — Разве может сравниться с чабрецом ваша вонючка-жеруха?

— Зато у нас много ручьев, где можно плескаться, когда жарко, — возразила Юна, разглядывая желто-фиолетовую улитку, проползавшую возле ее носа.

— Ручьи иногда выходят из берегов, и тогда приходится перегонять овец на другое место, не говоря уже о том, что после этого животные заболевают копытной гнилью. Я всегда больше полагаюсь на пруд, где собирается дождевая

вода.

— А как он делается? — спросил Дан, надвигая шапку на самые глаза. Мистер Дадни объяснил.

Воздух задрожал, как будто не мог решить — спускаться ли ему в лощину или двигаться по открытому пространству. Но двигаться вниз оказалось, наверное, легче, и дети почувствовали, как ароматные струйки одна за другой, мягко переливаясь и едва касаясь их век, тихо проскальзывают вниз по склону. Приглушенный шепот моря у подножия скал слился с шелестом травы, колышущейся от ветра, жужжанием насекомых, гулом и шорохом пасущегося внизу стада и глухим шумом, исходившим откуда-то из-под земли. Мистер Дадни замолчал и принялся вязать дальше.

Очнулись дети от звука голосов. Тень уже доползла до середины склона ложбины, и на ее краю они увидели Пака, который сидел к ним спиной рядом с каким-то полуголым человеком. Человек, похоже, чем-то старательно занимался. Ветер стих, и в наступившей тишине до детей долетали все до единого звуки, усиленные гигантской природной воронкой, как усиливается шепот в водопроводной трубе.

— Ловко ты его сделал, — говорил Пэк, накло-

няясь вниз. — Какая точная форма!

— Ловко-то ловко, но что для Зверя этот хрупкий каменный наконечник? Ну его! — Человек что-то презрительно отшвырнул. Это что-то упало между Даном и Юной — красивый темно-голубой каменный наконечник для стрелы, все еще хранивший тепло рук мастера.

Человек потянулся за другим камнем и стал возится с ним, как дрозд возится с улиткой.

— Пустое дело, — сказал он наконец, тряхнув косматой головой. — Ты продолжаешь возиться с камнем лишь потому, что делал так всегда, но когда дело дойдет до схватки со Зверем, это оружие оказывается бесполезным…

— Со Зверем покончено. Он ушел.

— Как только появятся ягнята, он вернется снова. Уж я-то знаю. — Человек с точно рассчитанной силой ударил по камню, и осколки жалобно запели, разлетаясь в стороны.

— Он не вернется. Сейчас дети могут целый день спокойно валяться на земле, и с ними ничего нс случится.

— Ты думаешь, могут? А ты попробуй назвать Зверя его настоящим именем, тогда я, может, поверю.

— Пожалуйста. — Пак вскочил на ноги, сложил

руки рупором и крикнул: — Волк! Волк!

Сухие склоны ложбины ответили эхом «воу, воу», очень похожим на лай Молодого Джима.

— Ну что? Кого-нибудь видишь или слышишь? Никто не отзывается. Серого Пастуха больше нет. Бегущий в Ночи удрал. Все волки ушли.

— Здорово! — Человек вытер лоб, как будто ему было жарко. — А кто их прогнал? Ты?

— С ними сражались многие люди многие годы, каждый в своей стране. Разве ты не был одним из них? — спросил Пак.

Не говоря ни слова, человек распахнул одежду, сшитую из овечьих шкур, и показал бок, весь покрытый зарубцевавшимися шрамами. Ужасные белые вмятины усеивали и его руки от локтя до плеча.

— Вижу, — сказал Пак. — Это следы Зверя. А чем ты с ним сражался?

— Рукой, топором и копьем, как и наши отцы до нас.

— Да? Тогда как же, — спросил Пак, отдергивая темно-коричневую одежду человека, — как у тебя оказалось вот это? Ну, показывай, показывай! — И он протянул свою маленькую руку.

Человек медленно вытащил висевший у него на поясе длинный, темного железа нож, вели-

чиной чуть ли не с короткий меч, и, подышав на него, протянул рукояткой вперед Паку. Тот взял его, склонив голову набок, тихонько провел пальцем от острия к рукоятке и, прищурясь, стал так пристально рассматривать, словно перед ним был часовой механизм.

— Хорош! — сказал он с неподдельным удивлением.

— Еще бы. Его сделали Дети Ночи.

— Да, вижу по стали. Интересно, чего он мог тебе стоить?

— Вот чего! — Человек поднес руку к щеке. Пак даже присвистнул, как скворец.

— Клянусь Кольцами Меловых Скал! Так вот какую цену ты заплатил! Повернись к солнцу, чтобы я мог получше рассмотреть, и закрой глаз.

Он осторожно взял человека за подбородок и повернул его так, что дети, сидевшие выше на склоне, увидели, что на месте правого глаза у него было одно только сморщенное веко. Пак быстро повернул человека обратно, и они оба сели на прежнее место.

— Это было сделано ради овец. В овцах наша жизнь, — сказал человек, словно оправдываясь. — Разве я мог поступить иначе? Ты ж понимаешь, Робин.

Пак, дрожа от волнения, еле слышно вздохнул.

— Возьми нож. Я слушаю.

Человек склонил голову, с силой вонзил нож в землю и, пока тот еще дрожал, произнес:

— Будь свидетелем, я говорю так, как все происходило. Нож и Меловые Холмы-перед вами я говорю! Дотронься до ножа!

Пак положил руку на нож, и тот перестал дрожать. Дети чуть подались вперед.

— Я принадлежу к народу Каменных Орудий, я единственный сын Жрицы*, которая посылает ветры плавающим по морям, — начал он нараспев. — Я — Купивший Нож, я — Защита Людей. Такие имена дали мне в этой стране Меловых Холмов, лежащей между лесом и морем.

— Твоя страна — великая, и твои имена — тоже.

Человек с силой ударил себя в грудь:

— На одних славословиях человеку не прожить. Ему надо, чтобы у него был свой очаг, чтобы вокруг очага, ничего не боясь, сидели его дети и их мать вместе с ними.

— Да, — вздохнул Пак. — Похоже, твоя история будет стара, как этот мир.

— Я мог греться и кормиться у любого очага, но на всем свете не было никого, кто бы разжег

мой собственный очаг и приготовил мне еду. Я потерял все это, когда купил Волшебный Нож для своего народа. Человек не должен подчиняться Зверю. Разве я мог поступить иначе?

— Понимаю. Знаю. Слушаю.

— Когда я вырос и смог занять свое место среди пастухов, Зверь терзал страну, как кость в зубастой пасти. Он подкрадывался сзади, когда стада шли на водопой, он следил за ними у прудов. Во время стрижки овец он врывался в загоны прямо у нас под носом, и, хотя мы кидали в него камнями, спокойно прогуливался меж пасущихся овец, выбирая себе жертву. Он подкрадывался по ночам в наши хижины и утаскивал младенцев прямо из материнских рук, он созывал своих собратьев и средь бела дня нападал на пастухов на открытых местах. Но нет, он делал так совсем не всегда! В том-то и была его хитрость. Время от времени он оставлял нас в покое, чтобы мы о нем забыли, и год-другой мы его не видели, не слышали, не замечали. И вот когда наши стада начинали тучнеть, а пастухи переставали постоянно оглядываться, когда дети убегали играть далеко от дома, а женщины ходили за водой поодиночке, опять и опять возвращался он-Проклятие Холмов Серый Пастух, Бегающий в Ночи

— этот Зверь, Зверь, Зверь!

Он только смеялся над нашими хрупкими стрелами и тупыми копьями. Он научился увертываться от удара каменного топора. Похоже, он даже знал, когда камень на нем был с трещиной. Часто это выяснялось только в тот момент, когда ты опускал топор на морду Зверя. Тогда — хрясь! — камень разваливается на куски, у тебя в руке остается только ручка от топора, а зубы Зверя уже впиваются тебе в бок! Я испытал это на себе. Или бывало еще так. Из-за росы, тумана или дождя по вечерам ослабевали жилы, которыми мы прикручивали наконечник копья к древку, несмотря на то, что мы весь день укрывали их у себя под одеждой. Близость дома придает тебе храбрости, и, забыв, что ты один, ты останавливаешься, чтобы подтянуть провисшие жилы — руками, зубами или какой-нибудь выброшенной морем деревяшкой. Ты наклоняешься — и на тебе! Именно ради этой минуты Зверь крался за тобой по пятам с того часа, когда взошли звезды. Он страшно рычит — рррр-уррр-в ответ из ложбины Нортона раздается такое эхо, словно воет целая стая, — прыгает тебе на плечи, стараясь добраться до горла, и. может статься, дальше твои овцы побегут уже без тебя. Ну ладно, сражаться

со Зверем — еще куда ни шло, но видеть, что он, нападая на тебя, тебя же презирает — это так же больно, как когда его клыки вонзаются тебе в сердце. Скажи, почему так получается: человек хочет сделать так много, а может так мало?

— Не знаю. Ты хотел сделать очень много?

— Я хотел быть сильнее Зверя. Не должен человек подчиняться Зверю. Но наш народ боялся. Даже моя мать. Жрица и та испугалась, когда я рассказал ей о своем желании. Мы привыкли бояться Зверя. Когда меня посвятили в мужчины и у меня появилась Возлюбленная — она была Жрицей, как и мать, и приходила ждать меня у прудов, — Зверь ушел из нашей страны. Может быть, он просто устал, может быть, отправился к своим богам узнать, чем бы причинить нам побольше зла. Как бы то ни было, его нс стало, и мы вздохнули свободнее. Женщины снова стали петь, следили за детьми уже не так строго, и стада паслись на самых отдаленных пастбищах. Свое я погнал вон туда, — он махнул рукой в сторону Уильда, где у горизонта вставала неясная полоска леса, — там молодая трава самая сочная. Потом стадо повернуло на север. Я шел следом, пока мы не приблизились к деревьям, — он понизил голос, — где живут Дети Ночи. — Он снова указал

на север.

— А-а, теперь-то я припоминаю, вы же страшно боитесь деревьев. Почему, скажи?

— Потому что боги не любят деревья и ударяют в них молнией. Мы видели, как целыми днями они горели на опушке леса. К тому же все знают, что Дети Ночи — настоящие волшебники, хотя и поклоняются тем же богам, что и мы. Когда к ним попадает какой-нибудь человек, они вкладывают в него чужую душу, заставляют говорить чужие слова, которые бегут, как вода. Но голос сердца твердил мне идти на север. Когда я пас овец около леса, я увидел, как три Зверя преследуют какого-то человека. По тому, что он бежал к деревьям, я понял, что он — один из Детей Ночи. Мы, жители Меловых Холмов, деревьев боимся больше, чем Зверя. Топора у бегущего не было, зато был такой вот нож. Один Зверь прыгнул на него. Человек ударил его ножом. Зверь упал замертво. Другие, скуля, бросились прочь. От наших пастухов они бы никогда так не побежали. Человек исчез среди деревьев. Я осмотрел мертвого Зверя. Он был убит необычным способом: на теле не было ни ссадин, ни кровоподтеков, одна только глубокая, зияющая рана, которая рассекла его злое сердце. Это было здорово! Теперь-то я знал, что нож был

заколдованный, и стал думать, как бы добыть его. Я очень много думал об этом. Когда я пригнал стадо на стрижку, моя мать моя Жрица, спросила меня: «Вижу по лицу: ты узнал что-то новое. Что это?» — «Это моя печаль», — ответил я. «Все новое печально, — сказала она. — Садись на мое место и перевари свою печаль».

Я сел на ее место у огня, где зимой она водит беседы с духами, и два голоса заговорили в моем сердце. Один говорил: «Попроси волшебный нож у Детей Ночи. Недостойно человеку подчиняться Зверю». Я прислушался к этому голосу. Другой голос возражал: «Если ты пойдешь, Дети Ночи изменят твою душу. Ешь и спи здесь». И снова первый голос: «Попроси нож». Я внимал этому голосу.

Утром я сказал матери: «Я иду, чтобы добыть для нашего народа одну вещь, но нс знаю, вернусь ли самим собой». Она ответила: «Вернешься ли ты живым или мертвым, в прежнем образе или нет — я останусь твоей матерью».

— Это так, — сказал Пак. — Даже мы, Жители Холмов, бессильны изменить сердце матери, если бы и захотели.

— Да, тут бессильны все. Потом я поговорил с моей возлюбленной, Жрицей, которая приходила

ждать меня у прудов. Она обещала быть мне верной. — Человек рассмеялся. — Я отправился в то место, где видел волшебника с ножом. Два дня я лежал на опушке, прежде чем осмелился войти в лес. Я шел, нащупывая себе путь палкой. Я боялся ужасных шепчущихся деревьев, духов, обитавших в их ветвях, боялся мягкой земли, проваливающейся под ногами, красных и черных вод. Но больше всего я боялся перемены, которая могла произойти со мной. И вот этот миг настал.

Человек снова отер лоб. Все его сильное тело дрожало, и он успокоился, только положив руку на воткнутый в землю нож.

— Голова моя горела, как в огне, на губах появилась горечь, веки пылали, дыхание стало быстрым и горячим, а руки были как чужие. Я почему-то вдруг начал петь и смеяться над деревьями, хоть их и боялся. В то же время я видел себя как бы со стороны, и мне было жаль смеющегося юношу, который был мной. Да! Дети Ночи знают толк в колдовстве!

— А может, это были Духи Туманов? — спросил Пак. — Это они меняют человека, если он спит в туманах. Ты в них спал?

— Спал, но я знаю, что это были не они. Через три дня через деревья я увидел красный свет и

услышал глухие удары. Я увидел, как Дети Ночи выкапывали из ямы красные камни и бросали их в огонь. Камни таяли, словно сало, а люди молотками били по образовавшейся массе. Я хотел заговорить с этими людьми, но в моем горле встали чужие слова, и я смог вымолвить только одно: «Не надо так шуметь, у меня раскалывается голова». Я понял, что околдован, я хватался за деревья и молил Детей Ночи снять их чары. Они были жестоки. Они задали мне множество вопросов и нс дали ответить ни на один. Они вложили в меня чужие слова, и в конце концов я заплакал. Тогда они отвели меня в какую-то хижину, наносили на пол раскаленных камней и стали поливать их водой, распевая заклинания. С меня ручьем лил пот, и наконец я заснул. Проснувшись, я больше не был безвольным, кричащим существом, мой собственный дух снова вернулся в мое тело, и я лежал спокойно и невозмутимо, будто камешек на берегу моря. Выслушать меня пришли все люди-мужчины и женщины — и у каждого был свой волшебный нож. Их ушами и языком была Жрица.

Я заговорил. Я говорил долго, и слова текли медленно, словно овцы, когда они рядами проходят мимо стоящего на пригорке пастуха, который

считает и тех овец, что уже дошли до него, и тех, что еще только подходят. Я попросил волшебные ножи для своего народа, я сказал, что мы принесем мясо, молоко, шерсть и разложим все на траве около деревьев, если Дети Ночи оставят там ножи. Им понравилось это предложение. А Жрица спросила:

— Ради кого ты пришел?

— В овцах — наша жизнь. Если Зверь убьет овец, мы умрем. И вот я пришел за волшебными ножом, чтобы убить Зверя.

— Мы не знаем, — сказала она, — позволит ли наш бог торговать с народом Меловых Холмов, Подожди, пока мы его спросим.

Когда они поговорили со своим богом (а их бог — он же и наш бог), Жрица сказала:

— Ему нужно доказательство, что твои слова правдивы.

— Какое доказательство?

— Бог говорит, что если ты пришел ради народа, ты отдашь ему свой правый глаз, а если ради чего-то другого-то нет. Такое доказательство требует бог. Мы тут ни при чем.

— Это тяжелое доказательство, А другого пути нет?

— Есть. Если хочешь, можешь уйти хоть сейчас,

сохранив на лице оба глаза. Но тогда твой народ волшебных ножей не получит.

— Мне было б легче знать, что меня должны убить, — сказал я.

— Наверное, бог знал и это. Смотри! Мой нож уже накалился!

— Так не теряй же времени! — воскликнул я.

И она выколола мне глаз раскаленным на огне ножом. Она сделала это своими руками. Я был сыном Жрицы. Она была Жрицей. Эта работа не для простого человека.

— Да, — согласился Пак. — Не для простого. А что было потом?

— Потом я этим глазом уже не видел. И еще я обнаружил, что одним глазом видишь все вещи не совсем там, где они есть на самом деле. Попробуй закрыть один глаз.

Дан прикрыл один глаз рукой, потянулся за каменным наконечником и промахнулся.

— А ведь правда, — прошептал он Юне, — расстояния кажутся не такими, когда смотришь только одним глазом.

Пак, наверно, проделывал тот же эксперимент, потому что человек стал над ним посмеиваться.

— Можешь не проверять. У меня даже сейчас нет полной уверенности, когда я собираюсь на-

нести удар, — сказал он. — Я оставался у Детей Ночи, пока мой глаз не зажил. Они говорили, что я-Сын Тора, бога, который положил правую руку в пасть зверя. Они показали мне, как расправляют красные камни и делают из них волшебные ножи. Они научили меня песням-заклинаниям, какие они поют при изготовлении ножей. Я знаю много заклинаний.

Он рассмеялся, как мальчик.

— Я думал о том, как пойду домой, и о том, как удивится Зверь. К этому времени он уже снова вернулся. Едва ступив на свою землю, я сразу почувствовал запах волков и увидел их. Они не знали, что у меня есть волшебный нож — я прятал его под одеждой, нож, который дала мне Жрица. Эх. Жаль, что миг торжества такой короткий! Ты только представь! Вот один волк меня чует. «Воу, — говорит он, — здесь мой пастух!» Вот он приближается большими скачками, распустив хвост по ветру, вот он вертится вокруг, припадает к земле, полный веселья от предвкушения скорой, теплой добычи. Вот он прыгает — и о! — вы бы только видели его глаза, когда уже в полете он замечает нож да, нож, выставленный ему навстречу. Нож рассекает его шкуру, как тростинка свернувшееся молоко. Иные волки и взвизгнуть

не успевали. Я даже не сдирал шкуру со всех волков, которых убил. Иногда я промахивался. Тогда я брал каменный топор и вышибал мозги из дрожащего от страха Зверя. Зверь не дрался! Зверь знал, что такое Нож! Еще до вечера он узнал, как пахнет его кровь на моем ноже, и удирал от меня, как заяц. Он все понимал. Я шел гордо, как и подобает идти человеку-повелителю Зверя!

И вот я вернулся в дом своей матери. Там был ягненок, которого надо было убить. Я рассек его пополам и рассказал матери все, что со мной произошло. Она сказала: «Это труд, посильный лишь богу». Я поцеловал ее и рассмеялся. Пошел я к своей Возлюбленной, которая приходила ждать меня у прудов. Там был ягненок, которого надо было убить. Я рассек его пополам и рассказал ей все, что со мной произошло. Она сказала: «Это труд, посильный лишь богу». Я рассмеялся, но она оттолкнула меня и убежала. Она стояла справа, с той стороны, где я ничего не видел, и поэтому я не успел ее поцеловать. Пошел я к пастухам, охраняющим овец. Там была овца, которую они собирались убить на ужин. Я рассек ее пополам и рассказал им все, что со мной произошло. Они сказали: «Это труд, посильный лишь богу». -»Хватит говорить о богах, — ответил я. — Давайте есть

и будем счастливы. Завтра я отведу вас к Детям Ночи, и каждый мужчина получит волшебный Нож».

Я был рад снова почувствовать запах овец, увидеть широкое небо, тянущееся от края до края, услышать рокот моря. Я спал под открытым небом, завернувшись в шкуры, а пастухи о чем-то до утра меж собой говорили.

На следующий день я отвел их к деревьям, захватив с собой, как и обещал, мясо, шерсть и творог. Дети Ночи тоже, как обещали, разложили ножи на траве под деревьями и, спрятавшись в зарослях, наблюдали за нами. Их Жрица окликнула меня и спросила:

— Ну, что ваш народ?

— Их сердца изменились. Раньше я их чувствовал, теперь — нет.

— Это потому, что у тебя только один глаз. Приди ко мне, и я буду твоими обоими глазами.

— Нет, — сказал я. — Я должен научить мой народ пользоваться ножом, как прежде ты научила меня.

— Дело в том, что нож держат в руке не так, как топор.

— Все, что ты сделал, — сказала она, — ты совершил не ради своего народа, а ради женщины.

— Тогда почему же бог принял мой правый глаз? И почему ты сердишься? — спросил я.

— Потому что бога может обмануть любой мужчина, а женщину — ни один. И я не сержусь на тебя. Я только очень тебя жалею. Подожди немного, и ты своим единственным глазом увидишь почему, — ответила она и скрылась среди ветвей.

Мы отправились обратно, каждый нес свой нож и со свистом рассекал им воздух — тссс — тссс. Топор никогда не свистит. Он ухает — умп-умп. И Зверь услышал. Зверь увидел. Он понял! Он везде от нас убегал. Мы все смеялись. Когда мы шли по пастбищу, брат моей матери — Вождь Мужчин — снял свое ожерелье Вождя, составленное из желтых морских камешков…

— Из чего? А, вспомнил! Янтарь! — воскликнул Пак.

— …и хотел надеть его на меня.

— Нет, — ответил я, — я и так доволен. Что может значить один потерянный глаз, если другим я вижу жирных овец и здоровых ребятишек, бегающих в безопасности? Брат моей матери сказал тогда всем остальным: «Я же говорил вам, что он ни за что не примет этот дар». Потом они стали петь песни на нашем древнем языке — песню Тора. Я запел вместе с ними, но брат моей матери сказал: «Это твоя песня, о Купивший Нож! Мы сами споем ее Тор!»

Но я еще ничего не понимал, пока не увидел, как все обходят мою тень. Тогда я понял, что меня считают богом, подобным богу Тору, который пожертвовал правой рукой, чтобы победить Большого Зверя.

— Неужели богом? — чуть не выкрикнул Пак.

— Клянусь Ножом и Меловыми Холмами, да! Они расступались перед моей тенью, как расступаются перед Жрицей, когда она идет в Долину Мертвых. Я испугался. И утешал себя только одним: «Моя мать и моя Возлюбленная никогда не назовут меня Тором». Но все равно меня охватывал страх, как он охватывает человека, на бегу свалившегося в яму с крутыми склонами, когда он начинает чувствовать, что выбраться оттуда будет очень трудно.

Когда мы пришли к прудам, там уже собрались все. Мужчины показывали ножи и рассказывали, как они их поучили. Пастухи видели, как Зверь улепетывает от нас. Сбившись стаями, с диким воем, волки уходили на запад, за реку. Зверь понял, что наконец-то, наконец-то у нас появился нож! Да, он понял! Я сделал свое дело. Потом среди Жриц я нашел свою Возлюбленную, Она взглянула на меня но даже не улыбнулась. Обращаясь ко мне, она делала знаки, какие делают Жрицы, совершая жертвоприношения на могилах предков. Я хотел заговорить, но брат моей матери сказал, что он будет моими устами, как будто я был од-

ним из тех богов, от чьего имени наши Жрецы[19] говорят с народом в канун Иванова дня.

— Помню, помню. Мне ли не помнить этот праздник! — воскликнул Пак.

— Рассердившись, я пошел к дому матери. Она хотела встать передо мной на колени. Я уже совсем разозлился, но она сказала: «Только бог осмелился бы так говорить со мной, Жрицей. Человек побоялся бы кары богов». Я взглянул на нее и рассмеялся. Мне было грустно, но я смеялся и не мог остановиться. Вдруг меня окликнули на нашем древнем языке: «Тор!» На пороге стоял юноша, с которым я сторожил свои первые стада, тесал первую стрелу, сражался с первым Зверем. Он просил моего разрешения взять себе в жены мою Возлюбленную. Он стоял, не смея поднять на меня взор, почтительно положив руки на лоб. Он весь трепетал от страха, но это был трепет перед богом, меня же человека, мужчину — он не боялся. Я не убил его. Я сказал: «Позови ту девушку». Она тоже вошла без страха — она, та самая, что ждала меня и встречалась со мной у наших прудов. Она не опускала глаз, ведь она

---

[19] Примечания: 19

Жрец (женский род - жрица)- у первобытных народов человек, служащий богу, занимающийся жертвоприношениями, пророчествами. Жрецы играли огромную роль во всей жизни племени.

была Жрицей. Как я смотрю на облако или гору, так смотрела она на меня. Заговорила она на древнем языке, на котором Жрицы обращаются с молитвами к богам. Она просила, чтобы я разрешил ей разжигать огонь в доме этого юноши и еще чтобы я благословил их детей. Я не убил ее. Я услышал, как мои собственный голос, съежившийся и застывший, отвечал: Пусть будет по-вашему Они вышли, взявшись за руки. Мое сердце съежилось и застыло, в голове прошумел ветер, в глазах почернело. Я спросил у матери: «Скажи, может ли бог умереть?» — и, прежде чем провалиться в гудящую темноту, успел услышать ее взволнованный голос: «Что с тобой? Что с тобой, сынок?» Я свалился без чувств.

— О бедный, бедный бог, — сказал Пак. — А что же твоя мудрая мать?

— Она поняла. Как только я свалился, она все поняла. Когда я пришел в себя, она прошептала мне на ухо: «Будешь ли ты живой или мертвый, в прежнем образе или нет — я останусь твоей матерью». Это было хорошо, это было лучше, чем та вода, что она мне подала, лучше, чем само выздоровление. Мне было стыдно, что я упал, но все равно я был счастлив. Она была счастлива тоже. Мы не хотели терять друг друга. У каждого

человека есть только одна мать. Я подбросил в огонь дров, запер дверь и, как в прошлые годы, сел у ее ног, а она расчесывала мне волосы и пела. Наконец я спросил:

— Что мне делать с теми, кто называет меня Тором?

— Тот, кто совершил подвиг, доступный одному богу, должен вести себя, как бог, — ответила она. — Я не вижу другого выхода. Пока ты жив, люди будут тебе послушны, словно овцы. Ты не можешь их прогнать.

— Эта ноша более тяжелая, чем я могу вынести, — сказал я.

— Со временем будет легче. Со временем, возможно, ты не захочешь променять это ни на одну девушку. Будь мудрым, будь очень мудрым, сынок, потому что единственное, что тебе осталось, — это принимать, подобно богу, поклонение, песни и славословие в свою честь.

— О, бедный бог! Но когда тебе поклоняются или поют песни в твою честь — это не так мало.

— Я знаю, что не мало, но я отдал бы все-все за собственного малыша, который бы раздувал пепел в моем очаге. — Человек, выхватив нож из земли, засунул его за пояс и встал. — И все же — разве я мог поступить иначе? Овцы — в них

наша жизнь.

— Эта история стара как мир, — отвечал Пак. — Я слышал ее не только на Меловых Холмах, но и среди деревьев, там, где растут Дуб, Терновник и Ясень.

* * *

Полуденная тень заполнила все безмолвное пространство ложбины Норнтона. Зазвенели колокольчики овец, раздался требовательный лай Молодого Джима, и дети встали.

— Вы уже порядком поспали, — сказал мистер Дадни, когда стадо приблизилось. — Пора идти ужинать.

— Ой, посмотрите, что я нашел! — воскликнул Дан, протягивая каменный, голубоватого цвета наконечник для стрелы, новенький, словно только что выточенный.

— Да, — сказал мистер Дадни, — кто ближе к земле, тот видит больше. Я их часто находил. Кое-кто утверждает, что их сделали феи, но я-то знаю — их сделали простые люди, такие же, как мы, только страшно много лет назад. Если такие предметы хранить, они принесут счастье. А теперь ответь-ка: разве ты мог бы поспать в этом нашем лесу, в этих ваших деревьях так же, как

ты поспал здесь, на Меловых Холмах?

— В лесу среди деревьев спать не хочется, — ответила Юна.

— Так какой же от них прок? — спросил мистер Дадни. — С тем же успехом ты мог бы просидеть весь день в сарае. Гони их Джим, гони!

Холмы, казавшиеся такими горячими и пустыми, когда дети сюда пришли, сейчас сплошь пестрели тенями: ветер, дувший с моря, перемешивал запахи чабреца и соли. Низкое солнце слепило детям глаза и золотило траву под ногами. Овцы бежали в загон сами. Молодой Джим вернулся к хозяину, и все вместе они пошли к дому, шелестя травой и оставляя за собой мечущиеся тени, похожие на тени великанов.

Песня пастухов

Мы боялись Зверя, мы бежали от него,

Грозный рык его услышав вдали.

Ведь нельзя, чтобы Зверь был хозяином всего,

Но кремневым копьем — что мы могли?

Зверь смеялся над нашим топором, над копьем,

Только нагло прищуривал глаз.

Но теперь ты, Зверь, от нас не уйдешь: вот он, нож!

Вот тот, кто добыл его для нас!

Расступись — и в траве не задень его тень,

Обрати к нему робкий взор.

Вот он, добывший нам Нож, — узнаешь?

Вот он, наш великий бог Тор!

Тор все думал о том, как приблизить торжество,

Ведь от Зверя нашим людям — беда.

Ведь нельзя, чтобы Зверь был хозяином всего, —

К Детям Ночи пошел он тогда.

Был волшебный железный их нож так хорош —

Он стоял, в восхищенье дрожа,

И услышал: «Ты отдай нам сейчас правый глаз, —

Такова цена Ножа!»

Там, где мертвые спят под холмом вечным сном,

Доброй вестью их сон потревожь, —

Он для нас великий бог Тор с этих пор,

Он купил нам Железный Нож!

Наших женщин и детей отпускать погулять

Не боимся среди скал меловых.

Мы спокойны за наших овец наконец,

Пусть пасутся средь трав луговых.

Мы спокойно едим наш обед, страха нет,

А потом вздремнем среди скал:

Ведь умчался Вечерний Пастух во весь дух,

Ведь Бегущий — В-Ночи убежал!

Ведь ножа убоялся всерьез Лютый Пес,

Дьявол-В-Сумерках убежал!

Расступись — и в траве не задень его тень,

Обрати к нему робкий взор.

Вот он, Добывший нам Нож, — узна-

ешь?

Вот он, наш великий бог Тор!

Доктор медицины

Песня астролога

По сфере небесной,
Далёко от смут,
В сиянье чудесном
Планеты плывут.
Какие приметы
Страшны нам сейчас?
Ведь в небе планеты
Воюют за нас.

Все чувства, всё пламя
На лоне земном —
Одно с их путями,
И мы в круге том.
Все бури, стихии,
Все формы земли,
Все силы лихие
От них к нам пришли.

Земли содроганье

В суровой тоске —
Ей с небом свиданье
В могучем толчке.
Ей важно быть вместе
С владельцем своим,
Трепещет на месте,
Влекомая им.

Речные потоки
Начнут бушевать,
Быстры и жестоки,
Вдруг ринутся вспять.
И будут сердиты,
Неистовы так,
Пока не смирит их
Таинственный знак.

Сквозь бездны и кручи
Опасен полет,
Дух высший, могучий
Нам судьбы пошлет.
И тот, кто проложит
Нам в бездну пути,

Пускай нам поможет
Всю тяжесть нести.

Хоть страхи клубятся,
Не их торжество.
Собою остаться —
Важнее всего.
Всему в мирозданье
Свой срок настает,
Само состраданье
Прядет в свой черед.

Пускай станет Вечность
Землей управлять.
Забудьте беспечность
И пойте опять:
Какие приметы
Страшны нам сейчас?
Ведь в небе планеты
Воюют за нас!

После вечернего чая Дан и Юна, взяв по велосипедному фонарику, стали играть в прятки. Свой фонарь Дан повесил на яблоню, что росла на краю цветочной клумбы в углу обнесенного забором

сада, а сам, скрючившись, притаился за кустами крыжовника, готовый мгновенно выскочить оттуда, как только Юна нападет на его след. Он видел, как в саду появился свет и вдруг исчез, потому что девочка спрятала фонарик под плащ. И когда он прислушался к ее шагам, сзади у клумбы кто-то кашлянул — и Дан и Юна подумали, что это садовник Филлипс.

— Не беспокойтесь, Фиппси, — крикнула Юна через грядку спаржи. — Не истопчем мы ваших грядок. Она направила фонарик туда, откуда донесся кашель, и в освещенном кругу дети увидели человека, похожего на Гая Фокса[20], в черной мантии и остроконечной шляпе, который шел по дорожке рядом с Паком. Дан и Юна бросились к ним навстречу. Человек заговорил с ними о каких-то пазухах во лбу, и только спустя некоторое время дети поняли, что он предостерегает их от простуды.

— А ведь вы сами немного простужены, правда? — спросила Юна, потому что в конце каждом

---

[20] Примечания: 20

Гай Фокс-участник знаменитого порохового заговора 1605 года, когда заговорщики собирались взорвать здание парламента. Для этого они наносили в подвал здания 20 бочек пороха. Заговор, однако, был раскрыт, и Гай Фокс, который должен был поджечь порох, повешен. С тех пор день раскрытия заговора, 5 ноября, отмечается ежегодно. На улицах жгут костры, устраивают фейерверки и обязательно сжигают чучело Гая Фокса.

фразы человек многозначительно покашливал. Пак рассмеялся.

— Дитя, — отвечал человек, — ежели Небесам угодно поразить меня немощью…

— Брось, брось! — вмешался в разговор Пак. — Ее устами говорит сама доброта. Я ведь знаю, что половина твоих покашливаний — лишь уловка, чтобы сбить с толку невежд и глупцов. Но это просто ни к чему, ведь ты, Ник, достаточно честен, чтобы тебе верили без всяких там покашливаний и похмыкиваний.

— Дело в том, люди добрые, — незнакомец пожал своими худыми плечами, — что толпа невежд не любит правду без прикрас. В силу чего мы, философы, вынуждены в качестве приправы использовать разные уловки, желая привлечь их взоры и-хм-хм — заставить прислушаться.

— Ну, что ты думаешь об этом? — серьезно спросил Пак Дана.

— Пока еще не понял, — ответил Дан. — Похоже на школьные уроки.

— Что ж! Ник Калпепер[21]-не последний среди учителей. Послушай, Дан, где нам тут можно

---

[21] Примечания: 21

Николас Калпепер (1616-1654)-историческое лицо, автор ряда книг по астрологии и медицине, изучал лечебные свойства трав. Факты его биографии (участие а войне, ранение) Киплинг излагает правильно.

обосноваться — так, чтоб быть на воздухе?

— Можно на сеновале, по соседству со стариком Мидденборо, — предложил мальчик. — Он не будет возражать.

— Что-что? — переспросил мистер Калпепер, нагнувшись и рассматривая освещенные фонарем цветы черемицы, — Мистер Мидденборо нуждается в моих скромных услугах, да?

— Слава богу, нет, — ответил Пак. — Это всего лишь пони, чуть больше осла, ты его сейчас увидишь. Пошли!

Их тени запрыгали и заскользили по стволам стоящих стеной яблонь. Они шеренгой вышли из сада, миновали мирно кудахчущий курятник и дружно храпящий загон для свиней и подошли к сараю, где стоял Мидденборо — старый пони, таскающий сенокосилку.

У входа в сарай лежал плоский камень, служивший цыплятам поилкой. Дети поставили на него фонарики, и в их лучах дружелюбные глаза пони сверкнули зелеными огоньками, которые затем медленно переместились к сеновалу. Мистер Калпепер нагнулся и вошел внутрь.

— Ложитесь осторожно, — сказал Дан. — В сене полно веток и колючек.

— Лезь! Лезь! — подбодрил его Пак. — Это не са-

мое скверное место, в каких тебе, Ник, доводилось останавливаться. — Толчком ноги Пак открыл половинку ворот и указал на ясное небо. — А вот так и звезды видно. Смотри, Них, вон планеты, с чьей помощью ты колдуешь. Что же твоя мудрость говорит тебе о той блуждающей переменной звезде, что видна сквозь ветки яблони?

Дети улыбнулись. Это был велосипед, который они узнали бы из сотни. Его вели вниз по крутой тропке.

— Где? Там? — Мистер Калпепер резко подался вперед. — Это фонарь какого-нибудь фермера.

— О нет. Ник, — сказал Пак. — Это необычайно яркая звезда из созвездия Девы, клонящаяся в сторону Водолея, которого недавно сокрушили Близнецы[22]. Правильно, Юна?

— Нет, — ответила девочка. — Это медсестра из нашей деревни. Она едет на мельницу навестить недавно родившихся двойняшек. Сестра-а! — крикнула Юна, когда свет фонарика остановился в конце склона. — Когда можно будет поглядеть двойняшек Морриса? И как там они?

— Может быть, в воскресенье. У них все отлично! — крикнула медсестра в ответ и, позвонив

---

[22] Примечания: 22

Дева, Водолей, Близнецы, Рыбы-созвездия, а также знаки зодиака, с которыми эти созвездия считались идентичными.

— динь-динь-динь! — стремительно скрылась за поворотом.

— Ее дядя — ветеринарный врач неподалеку от Бенбери[23], - объясняла Юна. — Когда ночью вы звоните к ней в дверь, звонок звенит не внизу, как у всех, а около ее кровати. Она сразу вскакивает — а на каминной решетке всегда стоят наготове сухие туфли — и едет туда, где ее ждут. Мы иногда помогаем ей переправлять велосипед через ямы. Почти все малыши, за которыми она следит, выглядят отлично. Она нам сама говорила.

— Тогда я не сомневаюсь, что она читает мои книги, — спокойно произнес мистер Калпепер. — Близнецы на Мельнице! — бормотал он. — »И изрек он: станьте людьми, сыны человеческие».

— Вы кто — доктор или пастор[24]? — спросила Юна.

Пак даже вскрикнул и перекувырнулся в сене. Но мистер Калпепер был вполне серьезен. Оу отвечал, что он и доктор, и астролог, одинаково хорошо разбирающийся и в звездах, и в лекарственных травах. Он сказал, что Солнце, Луна и пять планет, называемых Юпитер, Марс, Мер-

---

[23] Примечания: 23
Бенбери- город в Оксфордшире.

[24] Примечания: 24
Пастор-священник протестантской церкви.

курий, Сатурн и Венера, правят всем и всеми на Земле. Эти планеты живут в созвездиях — он быстро очертил пальцем в воздухе некоторые из них — и переходят из созвездия в созвездие, как шашки переходят с клетки на клетку. Так, любя и ненавидя друг друга, они вечно движутся по небу. Если бы какой-то человек узнал их симпатии и антипатии, — продолжал он, — он мог бы заставить их вылечить своего больного, навредить своему врагу или вскрыть тайные причины событий и явлений. Мистер Калпепер говорил об этих пяти планетах так, будто они были его собственные или будто он давно против них боролся. Дети по горло, как в нору, зарылись в сено и сквозь открытую половинку ворот так долго смотрели на величественное, усеянное звездами небо, что под конец им стало казаться, будто они проваливаются и летят в него вверх тормашками, а мистер Калпепер все продолжал рассуждать о «триадах», «противостояниях», «соединениях», «симпатиях» и «антипатиях» тоном как нельзя лучше подходящим к обстановке.

У Мидденборо под брюхом пробежала крыса, и он несколько раз ударил копытом.

— Мид терпеть не может крыс, — сказал Дан, кидая старому пони охапку сена. — Интересно,

почему?

— На это дает ответ Божественная Астрология, — сказал мистер Калпепер. — Лошадь, будучи животным воинским — она ведь несет человека в битву, — естественно, принадлежит красной планете Марсу-Богу Войны. Я бы вам его показал, но он сейчас почти ушел за горизонт. Крысы и мыши, выходящие на свой промысел по ночам, находятся в сфере господства Богини Луны. Теперь смотрите: Марс — красный, Луна-белая, Марс-горячий, Луна-холодная, и так далее; поэтому естественно, что между ними возникает, как я уже говорил, антипатия, или, как вы ее называете, ненависть. Эта антипатия передается всем существам, находящимся под покровительством этих планет. Отсюда, люди добрые, следует, что лошадь бьет копытом у себя в стойле, что вы видели и слышали сами, в силу тех же причин, которые определяют движение светил на неизменном лике небес! Хм-хм!

Пак лежал и жевал какой-то листок. Дети почувствовали, как он трясется от смеха. Мистер Калпепер решительно поднялся и сел.

— Я лично, — сказал он, — спас жизнь людям, и не такому уж малому числу, кстати, всего лишь тем, что вовремя подметил (а ведь для всего под

солнцем есть свое время), вовремя подметил, говорю, связь между столь ничтожной тварью, как крыса, и этим столь же величественным, сколько и грозным серпом над нами. — Рука Калпепера вычертила полумесяц па фоне неба. — Между тем кое-кто, — мрачно продолжал он, — так до сих пор этого и не понял[25].

— Ты прав, — согласился Пак. — Нет никого глупее того, кто жизнь прожил, а ума не нажил.

Мистер Калпепер закутался в плащ и замер, а дети тем временем рассматривали Большую Медведицу над холмом.

— Не торопите его, — сказал Пак, прикрывая рот рукой, — Ник — что буксир с баржой, разворачивается весь сразу.

— Хм-хм, — неожиданно откашлялся мистер Калпепер. — Я докажу вам. Когда я был врачом в кавалерийском отряде и сражался против короля, или, точнее, против некоего Карла Стюарта, при

[25] Примечания: 25

Ник Калпепер рассказывает о событиях английской буржуазной революции - гражданской войне 1642-1646 годов, о борьбе между армией короля Карла 1 Стюарта и армией парламента.

Оксфордшире[26] (а учился я в Кембридже[27]), чума в окрестностях косила всех подряд. Я видел ее под самым боком. Так что тот, кто говорит, будто в чуме я ничего не смыслю, тот абсолютно далек от истины.

— Мы признаем это, — торжественно сказал Пак. — Но к чему говорить о чуме в такую бесподобную ночь?

— Чтобы доказать мое утверждение. Поскольку чума в Оксфордшире, люди добрые, распространялась по каналам и рекам, то есть была гнилостной по своей природе, она была излечима только одним способом — пациента надо было опустить в холодную воду и затем оставить лежать в мокрой одежде. По крайней мере, именно таким способом я вылечил несколько человек. Заметьте это. Это связано с тем, что случится дальше.

— Заметь и ты, Ник, — произнес Пак, — что перед тобой не коллеги из Колледжа врачей, а всего лишь мальчик и девочка, да еще я, бедный

---

[26] Примечания: 26

Город Оксфорд, графство Оксфордшир - место ставки королевской армии, находился в руках короля всю войну.

[27] Примечания: 27

Кембридж - один из двух старейших университетов в Англии, основан в 1206 году.

эльф. Поэтому давай-ка, старый лишайник, говори проще и не мудри.

— Если говорить просто и по порядку, то солдаты короля прострелили мне грудь, когда я собирал буковину на ручье неподалеку от Темзы[28], и привели меня к своему полковнику, некоему Блэггу или Брэггу, которого я честно предупредил, что провел последнюю неделю среди пораженных чумой. Он велел бросить меня в какой-то хлев, очень похожий на этот, — умирать, как я полагал; но один из их священников ночью пролез ко мне и перевязал мне рану. Он был родом из Сассекса, так же как и я.

— Кто же это? — неожиданно спросил Пак. — Жак Татшом?

— Нет, Джек Маржет, — ответил мистер Калпепер,

— Джек Маржет из Нью-Колледжа[29]. Этот коротышка-весельчак, ужасный заика? Чего ради заика Джек оказался в Оксфорде?

— Он приехал из Сассекса в надежде, что ко-

---

[28] Примечания: 28

Темза-главная река Англии, длина 334 километра, протекает через Оксфорд и через Лондон.

[29] Примечания: 29

Нью-Колледж - один из двадцати одного колледжа, составляющих Оксфордский университет, старейший университет в Англии. Нью - Колледж основан в 1379 году.

роль, усмирив бунтовщиков, как они называли нас, армию парламента, сделает его епископом. Его колледж собрал королю изрядную сумму денег в долг, которые тот так и не вернул, как и не сделал епископом простофилю Джека. Когда мы с Джеком встретились, он уже успел насытиться по горло королевскими обещаниями и думал только о том, как бы вернуться к своей жене и малышам. Сверх всяких ожиданий это произошло очень скоро. Как только я оправился от раны и смог ходить, этот Блэгг просто вышвырнул нас обоих из лагеря, объясняя это тем, что мы заразные: я лечил больных чумой, а Джек лечил меня. Теперь, когда король получил деньги, собранные колледжем Джека, сам Джек был ему больше не нужен, а меня терпеть не мог доктор из отряда Блэгга, потому что я не мог молча сидеть и смотреть, как он калечит больных (а ведь он был из Колледжа врачей!). Поэтому-то Блэгг, скверно ругаясь, вышвырнул, повторяю, нас из лагеря, обозвав на прощание чумной заразой, пустомелями и надоедливыми прохвостами.

— Ого! Он назвал тебя надоедливым, Ник? — Пак даже подскочил. — Да-да, вовремя пришел

Оливер[30] очистить эту землю! Ну, и как же вы с честным Джеком действовали дальше?

— Мы были некоторым образом вынуждены держаться вместе. Я хотел идти к своему дому на Спиталфилдс[31], а он к своему приходу в Сассексе, но дело в том, что районы Уайлтшира, Беркшира и Гэмпшира были охвачены и поражены чумой, и Джек обезумел от мысли, что болезнь могла добраться и до деревни, где жила его семья. Я просто не мог оставить его одного. Он ведь не оставил меня, когда я был в беде. Так что я не мог не помочь ему, да к тому же вспомнил, что рядом с приходом Джека, в деревне Грейт Уигсел, живет мой двоюродный брат. Так мы и отправились из Оксфорда — кожаный камзол военного под ручку с сутаной пастора, полные решимости отныне и впредь не встревать больше ни в какие войны. И то ли потому, что мы выглядели оборванцами, то ли потому, что чума сделала людей более мягкими, — но нас никто не трогал. Нет, конечно, разок нас все-таки засадили на полдня

---

[30] Примечания: 30

Оливер Кромвель (1599-1658)-выдающийся вождь английской революции, командующий армией парламента, впоследствии - лорд-протектор страны.

[31] Примечания: 31

Спиталфилдс - район Лондона, где в доме Красного Льва жил Николас Калпепер.

в колодки, приняв за мошенников и бродяг. Это случилось в деревне у леса святого Леонарда, где, как я слышал, никогда не поет соловей. Но я вылечил местному констеблю нарыв на пальце, а он вернул мне мой астрологический календарь, который я всегда ношу с собой, — Калпепер постучал пальцем по тощей груди, — и мы отправились дальше.

Чтобы не морочить вам голову всякой чепухой скажу что мы добрались до прихода Джека. Был вечер, и шел проливной дождь. Здесь наши пути должны были разойтись, потому что я собирался идти к брату в Грейт Уигсел; но пока Джек, вытянув руку, показывал мне колокольню своей церкви, мы увидели, как прямо поперек дороги лежит какой-то человек-пьяный, подумал Джек. Он сказал, что это один из его прихожан, некий Хебден, который до тех пор вел примерную жизнь. И тут Джек стал громко ругать себя, называя негодным пастырем, оставившим свою паству на растерзание дьяволу. Но я-то видел, что это чума, причем отнюдь не в начальной стадии. Перед деревней был выставлен чумной камень, и голова человека лежала на нем.

— Чумной камень? Что это такое? — прошептал Дан.

— Когда в деревне свирепствует чума, соседи перекрывают все ведущие в нее дороги, а ее жители выставляют на них или камень с выемкой наверху, или кастрюлю, или сковороду, чтобы те, кто хотел бы купить какие-нибудь продукты, могли бы положить в них деньги, перечень того, что им нужно, и уйти[32]. Через некоторое время сюда подходят те, кто готов продукты продать, — чего только человек не сделает ради денег! — хватают деньги и оставляют столько товара, сколько, по их мнению, на них полагается. Я увидел в луже серебряную монетку, а в руке человека размокший листок с перечнем того, что он хотел бы купить.

«Моя жена! О, моя жена и дети!» — вскричал вдруг Джек и бросился вверх по склону холма. Я за ним.

Из-за сарая выглянула какая-то женщина и прокричала нам, что в деревне чума и что мы, ради спасения собственных жизней, должны бежать отсюда.

«Любовь моя! — говорит Джек. — Мне ли от тебя бежать?»

Тут женщина бросается к нему и говорит, что

---

[32] Примечания: 32

Киплинг не совсем точен. В выемку наверху камня наливался уксус, и монеты передавались нс из рук в руки, а опускались в уксус для дезинфекции.

все дети здоровы. Это была его жена.

Когда мы со слезами на глазах вознесли благодарность богу, Джек сказал, что он не может принять меня так, как ему бы хотелось, и стал убеждать бежать из деревни, пока я не заразился.

— Ну, уж нет! Покарай меня бог, если я покину вас в такую годину, — отвечал я. — Избавление от болезни не только в руках богов, но частично и в моих.

— О, сэр, — обратилась ко мне женщина, — вы врач? У нас в деревне нет ни одного.

— Тогда, люди добрые, я обязан остаться у вас и трудом оправдать свое звание.

— По-послушай, Ник, — начал, заикаясь, Джек. — А ведь я все время принимал тебя за свихнувшегося проповедника круглоголовых[33].

Он засмеялся, затем засмеялась его жена, за нею я-прямо под дождем нас всех троих охватил беспричинный приступ смеха, который мы в медицине называем приступом истерии. Тем не менее, смех успокоил нас. Так я остался у них.

— Почему ты не отправился дальше, к своему брату в Грейт Уигсел, Ник? — спросил Пак. — Это

---

[33] Примечания: 33

Круглоголовые - прозвище солдат армии Кронвеля, по характерной короткой стрижке.

ведь всего семь миль по дороге.

— Но чума-то была здесь, — ответил мистер Калпепер и указал на уходящий вверх холм. — Разве я мог поступить иначе?

— А как звали детей священника? — спросила Юна.

— Элизабет, Элисон, Стивен и младенец Чарльз. Я сначала их почти не видел: мы с их отцом жили отдельно, в сарае для телег. Мать мы с трудом уговорили остаться дома, с детьми. Она и так намучилась.

А теперь, люди добрые, я с вашего позволения перейду непосредственно к основной теме рассказа.

Я обратил внимание жителей деревни на то, что чума особенно свирепствовала на северной стороне улиц, ибо там не хватало солнечного света, который, восходя к «prìmum mobile»-источнику жизни (я выражаюсь астрологически), обладает в высшей степени очистительными и оздоравливающими свойствами. Большой очаг чумы образовался вокруг лавки, где продавали овес для лошадей, другой, еще больший, на обеих мельницах у реки. Понемногу чума поразила еще несколько мест, но в кузнице, заметьте, ее не было и следа. Заметьте также, что все кузницы

принадлежат Марсу, точно так же, как все лавки, торгующие зерном, мясом или вином, признают своей госпожой Венеру. В кузнице на Мандей-лейн чумы не было.

— Мандей-лейн? Ты говоришь о нашей деревне? Я так и подумал, когда ты упомянул про две мельницы! — воскликнул Дан. — А где тот чумной камень? Вот бы на него посмотреть!

— Так смотри, — сказал Пак и указал на куриный камень-поилку, на котором лежали велосипедные фонарики. Это был шершавый продолговатый камень с выемкой сверху, весьма похожий на небольшое кухонное корыто. Филлипе, который всему находил применение, обнаружил его в канаве и приспособил под поилку для своих драгоценных несушек.

— Этот? — Дан и Юна уставились на камень и смотрели, смотрели, смотрели.

Мистер Калпепер несколько раз нетерпеливо кашлянул, затем продолжал:

— Я стараюсь рассказывать столь подробно, люди добрые, чтобы предоставить вам возможность проследить — в той мере, насколько вы на это способны — течение моих мыслей. Чума, с которой, как я уже говорил, я боролся в Валлингфорде, графстве Оксфордшир, была гнилостной, то есть

сырой по своей природе, поскольку она возникла в районе, где полно всяких рек и ручьев, и я, как уже рассказывал, лечил людей, погружая их в воду. Наша же чума, хотя, конечно, она и у воды сильно свирепствовала, а на обеих мельницах убила всех до единого, не могла быть побеждена таким способом. И это поставило меня в тупик. Хм-хм!

— Ну и что же вы делали с больными? — строго спросил Пак.

— Мы убеждали тех, кто жил на северной стороне улицы, полежать немного в открытом поле. Но даже в тех домах, где чума унесла одного, а то и двух человек, оставшиеся все равно наотрез отказывались покидать свой дом, боясь, как бы его не обчистили воры. Они были готовы умереть, лишь бы не расставаться со своим добром.

— Такова природа человека, — усмехнулся Пак. — Я не раз это наблюдал. А как чувствовали себя больные в поле?

— Эти тоже умирали, но намного реже тех, кто оставался в доме, да и то больше от страха и тоски, чем от самой болезни. Однако, люди добрые, признаюсь, мне никак не удавалось одолеть болезнь, никак не удавалось докопаться хотя бы до малейшего намека на ее происхождение

и природу. Короче говоря, я был начисто сбит с толку зловещей силой и необъяснимостью этой болезни и поэтому наконец сделал то, что должен был сделать немного раньше: отбросил все предположения и догадки, какие у меня были, выбрал по астрологическому календарю благоприятствующий час, натянул на голову плащ, прикрыв им лицо, и вошел в один из покинутых домов, полный решимости дождаться, когда звезды подскажут мне разгадку.

— Ночью? И ты не испугался? — спросил Пак.

— Я смел, надеяться, что бог, заложивший в человека благородное стремление к постижению его тайн, не даст погибнуть преданному искателю. В положенное время — а всему под солнцем, я уже говорил, есть свое время — я за-

метил мерзкую крысу, распухшую и облезшую; она сидела на чердаке у слухового окна, через которое заглядывала Луна. И пока я смотрел на них — и на крысу и на Луну (а Луна направлялась к холодному старцу Сатурну, своему верному союзнику), крыса с трудом выползла на свет и там, прямо на моих глазах, подохла. Потом появилась еще одна, видно из того же стада, она улеглась рядом и точно так же подохла. Еще некоторое время спустя — примерно за час до полуночи-то же произошло с третьей крысой. Все они перед смертью выползали на лунный свет, что немало меня поразило, поскольку, как мы знаем, лунный свет благоприятен, но отнюдь не вреден для этих ночных тварей, а Сатурн, будучи, как вы бы сказали, Луне другом, только усиливал ее зловещее влияние. И, тем не менее, эти три крысы нашли смерть именно в лунном свете. Я высунулся из окна посмотреть, кто же из небесных владык сражается на нашей стороне, и увидел там славного верного Марса, очень красного и очень горячего, спешащего к закату. Чтобы лучше все разглядеть, я вылез на крышу.

В это время на улице появился Джек Маржет, он направлялся в поле подбодрить наших больных. Я случайно сбил ногой одну черепицу, и она

упала вниз.

«Эй, сторож, что там происходит?»-печальным тоном произнес Джек.

«Возрадуйся, Джек, — говорю я. — Сдается мне, кое-кто уже вышел нам на помощь, а я, как последний дурак, совсем забыл о нем этим летом». Я, естественно, имел в виду планету Марс.

«Так помолимся же Ему тогда, — говорит Джек. — Я тоже совсем Его забросил этим летом».

Он имел в виду бога, которого, по его словам, он совсем позабыл тем летом, когда, оставив своих прихожан, отправился к королю в Оксфорд. Теперь он нещадно себя за это казнил. Я крикнул ему вниз, что заботой о больных он уже достаточно искупил свою вину, на что он ответил, что признает это только тогда, когда больные поправятся окончательно. Силы его были на исходе, причем больше всего в этом повинны были уныние и тоска. Мне и раньше приходилось наблюдать подобное у священников и у слишком веселых от природы людей. Я тут же налил ему полкружки некоего напитка, который, я не утверждаю, лечит чуму, но незаменим, когда надо разогнать тоску.

— Что ж это за напиток? — спросил Дан.

— Очищенный белый брэнди, камфора[34], кардамон, имбирь[35], перец двух сортов и анисовое семя[36].

— Ну и ну! — воскликнул Пак. — Хорош напиток, нечего сказать!

— Джек храбро все это проглотил, кашлянул, к мы пошли вместе. Я направился на нижнюю мельницу, чтобы уяснить себе волю небес. Мой ум уже смутно нащупал если и не средство спасения от чумы, то, по крайней мере, ее причину, но я не хотел делиться своими соображениями с невеждами, пока не был уверен до конца. Чтобы на практике все шло гладко, она должна опираться на прочную теорию, а прочной теории, в свою очередь, не может быть без обширнейших знаний. Хм-хм! Итак, я оставил Джека с фонарем в поле среди больных, а сам пошел дальше. Джек продолжал читать молитвы по канонам высокой церкви, что было строго запрещено

---

[34] Примечания: 34

Камфора - лекарственное средство, стимулирующее нервную деятельность.

[35] Примечания: 35

Кардамон, имбирь- травы семейства имбирных, пряности и лекарственные средства. Растут в юго-восточной Азии и Австралии.

[36] Примечания: 36

Анисовое семя анисового дерева, или баньяна, содержит эфирное масло. Дерево растет также в юго-восточной Азии.

Кромвелем[37].

— Тогда тебе следовало сообщить об этом своему брату в Уигселе, Джека оштрафовали бы, а тебе отсчитали бы половину этих денег. Как же так получилось, что ты забыл свой долг, Ник?

Мистер Калпепер рассмеялся — первый и последний раз за весь вечер. Его смех так походил на громкое ржание лошади, что дети вздрогнули.

— В те дни людского суда мы не боялись, — ответил он. — А теперь, люди добрые, следите за моей мыслью внимательно, потому что то, что вы сейчас услышите, будет для вас (но не для меня) удивительным. Когда я пришел на опустевшую мельницу, старик Сатурн, только что поднявшийся в созвездии Рыб, угрожал тому месту, откуда должно было появиться Солнце. Наша богиня Луна спешила Сатурну на подмогу, — не забывайте, что я выражаюсь астрологически. Я от края до края окинул взором раскинувшееся надо мной небо, моля Создателя наставить меня на истинный путь. В этот момент Марс, весь свер-

[37] Примечания: 37

В английской буржуазной революции борьба политическая представала как борьба религиозная. Выступление против старых феодальных порядков, которые защищал король, сопровождалось выступлением против старой англиканской церкви, которая поддерживала короля. Джек Маржет, сторонник короля, принадлежал именно к этой церкви.

кая, уходил за горизонт. И в тот момент, когда он уже готов был скрыться, я заметил, что у него над головой что-то блеснуло и занялось огнем — может быть, это была какая-то звезда, может быть — всплеск пара, — но казалось, будто он обнажил меч и размахивает им. В деревне петухи возвестили полночь, и я опустился на землю возле водяного колеса, пожевывая курчавую мяту (хотя эта трава и принадлежит Венере) и называя себя глупейшим в мире ослом. Зато теперь мне стало понятно все!

— Что же? — спросила Юна.

— Истинная причина чумы и способ избавления от нее. Молодчина Марс, поработал за нас на славу. Хоть он и не блистал в полнеба, — кстати, именно поэтому я и упустил его в своих вычислениях, — он более других планет хранил небеса, — я имею в виду, что он хоть понемногу, но показывался на небе каждую ночь на протяжении всех двенадцати месяцев. Вследствие этого его горячее и очистительное влияние превозмогло тлетворное влияние Луны и, дотянувшись до тех трех крыс, убило их прямо под носом у меня и у их несомненной покровительницы Луны. Я и раньше видел, что Марс, склоняясь на полнеба и прикрываясь щитом, наносил Луне увесистые

удары, но впервые его сила оказалась столь неотразимой,

Я что-то ничего не понимаю. Ты хочешь сказать, что Марс убил крыс потому, что ненавидел Луну? — спросила Юна.

Конечно, это столь же понятно, сколь понятны были слова, с которыми люди Блэгга вытолкали меня вон, — ответил мистер Калпепер. — Почему в кузнице на Мандей-лейн чума не возникла? Да потому, как я вам уже говорил, что все кузницы, естественно, принадлежат Марсу, и, конечно же он не мог уронить свое достоинство, позволив прятаться там тварям, которые подчиняются Луне. Но, подумайте сами, не будет же Марс постоянно склоняться к Земле и заниматься охотой на крыс ради ленивого и неблагодарного человечества? Это вогнало бы в гроб самого старательного работягу. Отсюда нетрудно догадаться, какое значение имела звезда, вспыхнувшая над Марсом, когда он собирался скрыться. Она словно возвещала: «Уничтожайте и сжигайте крыс-тварей Луны, ибо именно в них скрыт корень всех ваших бед. И теперь, когда я продемонстрировал вам свое превосходство над Луной, я, люди добрые, ухожу. Прощайте!»

— Неужели Марс действительно так и ска-

зал? — шепотом спросила Юна.

— Именно так, если еще не больше. Только не все, имеющие уши, способны его услышать. Короче, Марс указал мне, что чума переносится тварями Луны. Именно Луна, покровительница всего темного и дурного, и была этому виной. И уже своим собственным скудным умом я додумался, что именно я, Ник Калпепер, несу ответственность за жизнь людей этой деревни, что на моей стороне божий промысел и что я не могу терять ни секунды.

Я помчался на поле, где лежали больные, и попал к ним как раз в то время, когда они молились.

— Эврика[38], люди добрые! — крикнул я и бросил им под ноги дохлую крысу, которую я взял на мельнице. — Вот ваш настоящий враг. Звезды наконец мне его открыли.

— Мы молимся, не мешай, — ответствовал Джек. Лицо его было бледно, как начищенное серебро.

— Всему под солнцем есть свое время, — говорю

[38] Примечания: 38

Эврика! (греч. heureka-»я нашел»). Согласно преданию, так воскликнул Архимед, когда открыл основной закон гидростатики. В переносном смысле употребляется как выражение радости, удовольствия при решении какой-нибудь сложной задачи, возникновения новой идем.

я. — Если ты действительно хочешь победить чуму, бери и уничтожай крыс.

— Ты спятил, совсем спятил, — застонал Джек, заламывая руки.

Один человек, лежащий во рву у ног Джека, вдруг завопил, что он с большой охотой согласился бы сойти с ума и умереть во время охоты на крыс, чем валяться на сырой земле и молиться до одурения. Все вокруг дружно засмеялись, но Джек Маржет бухнулся на колени и упрямо стал просить бога взять его жизнь, даровав спасение другим. Этого оказалось достаточным, чтобы вновь повергнуть людей в состояние безысходности и тоски.

— Ты недостойный пастырь, Джек, — сказал я ему. — Если тебе и суждено умереть до рассвета, то хватай дубье (так мы в Сассексе называем палку) и бей крысье. Это и спасет остальных людей.

«Хватай дубье и бей крысье», — повторил он раз десять, как ребенок, а потом они все дружно расхохотались и хохотали до тех пор, пока смех не перешел у них в приступ истерии, о котором я уже говорил ранее, — подобный приступ толкает человека на самые непредвиденные поступки. По крайней мере, они разогрели свою кровь, а это пошло им на пользу, потому что именно в

это время — около часу ночи — огонь жизни в человеке горит слабее всего. Воистину, всему свое время, и врач должен помнить об этом, ибо в противном случае… хм-хм… лечение пойдет насмарку. В общем, если быть кратким, я убедил их всех, и больных, и здоровых, взяться за крыс и уничтожить всех до единой. Кроме того, все имеет свои причины, хотя опытный врач и не станет о них распространяться. Imprimus, или во-первых, само это занятие, продолжавшееся десять дней, весьма заметно вывело всех из состояния уныния и тоски. Держу пари, даже сам горестный Иов[39] не стал бы ни причитать, ни копаться в собственных мыслях во время вылавливания крыс из-под стога. Secundo, или во-вторых, яростное преследование и уничтожение крыс в этой борьбе само по себе вызвало обильную испарину, или, грубо говоря, люди изошли потом, а с ними вышла наружу и черная желчь[40]- главный источник

[39] Примечания: 39

Согласно Ветхому завету Библии, Иов был правоверным богатым человеком, и Бог, желая убедиться в крепости его веры, позволил дьяволу наслать на него тяжкие испытания: Иов лишился имения, у него умерли сыновья, его тело покрылось язвами и проказой, но он не отрекся от Бога.

[40] Примечания: 40

По представлениям средневековой медицины в организме человека было четыре вида влаги-жидкости, как компонентов живого тела: кровь, флегма, желчь и черная желчь, или меланхолия.

недуга. И, в-третьих, когда мы собрались вместе сжигать на костре убитых крыс, я обрызгал серой вязанки хвороста, в результате чего все присутствовавшие хорошо продезинфицировались. Мне бы ни за что не удалось заставить их согласится на подобную процедуру, если бы я действовал просто как врач, я так они восприняли окуривание как некую таинственную ворожбу. Но это еще не все, что мы сделали. Мы очистили, засыпали известью и выжгли сотни забитых отбросами помойных ям и сточных колодцев, выгребли грязь из темных углов и закоулков, куда никто никогда нс заглядывал, как в домах, так и вокруг них, и по счастливой случайности (заметьте, что в этом случае Марс противостоял Венере) дотла сожгли лавку торговца овсом. Марс не любит Венеру. Вышло так, что Вилл Нокс, шорник[41], гоняясь за крысами и этой лавке, опрокинул фонарь на кучу соломы…

— А не поднес ли ты Виллу случайно своей слабенькой настойки, а, Ник?

— Всего стаканчик-другой, и ни капли больше. Ну так вот. В итоге, когда мы покончили с крысами, я взял из кузницы золу, железную окалину

[41] Примечания: 41
Шорник-мастер, делающий упряжь для лошадей.

и уголь, а из кирпичной мастерской-полагаю, она тоже принадлежит Марсу-жженую землю и с помощью тяжелого лома забил ими крысиные поры, а в домах насыпал их под пол. Твари Луны нс переносят ничего, что использует Марс в своих благородных целях. Вот вам пример-крысы никогда нс кусают железо.

— А ваш бедняга Джек, как он ко всему этому отнесся? — спросил Пак.

— Меланхолия вышла у него через поры вместе с потом, и он тут же схватил простуду, которую я ему вылечил, прописав электуарий, или лекарственную кашку, в полном соответствии с лекарским искусством. Если бы я излагал эту историю перед коллегами, равными мне по знаниям, я бы поведал им о том достойном внимания факте, что чумной яд трансформировался, то есть преобразовался: вызвал головную боль, хрип в горле и тяжесть в груди к через это испарился, то есть исчез. (В моих книгах, люди добрые, указано, какие планеты управляют какими частями тела. Читайте их, и тогда, быть может, ваш темный ум просветится, хм-хм.) Как бы там ни было, чума прекратилась и отступила от нашей деревни. С того дня, как Марс открыл мне на мельнице причину болезни, от чумы умерло всего три человека,

и то двое из них были заражены. — Рассказчик победоносно кашлянул, словно проревел. — Все доказано, — отрывисто выпалил он, — я говорю, я доказал свое первоначальное утверждение: Божественная Астрология в сочетании со смиренным поиском истинных причин явлений. В должное время — позволяет мудрым мужам сражаться даже с чумой…

— Неужели? — удивился Пак. — Что касается меня, то я придерживаюсь того мнения, что наивная душа…

— Это я — наивная душа? Ну, уж воистину! — воскликнул мистер Калпепер.

— …очень наивная душа, упорствующая в своих заблуждениях, но обладающая высоким мужеством, могущественнее всех звезд, вместе взятых. Так что я искренне признаю, что спас деревню ты, Ник,

— Это я упорствующий? Я упрямый? Весь свой скромный успех, достигнутый при Божьем благоволении, я отношу за счет астрологии. Не мне слава! А ты, Робин, почти слово в слово повторяешь то, что говорил на проповеди этот слезливый осел Джек Маржет. Перед отбытием к себе в «Красный лев», Спиталфилдс, я был на одной его проповеди.

— А-а! Заика Джек читал проповедь, да? Говорят, когда он поднимается на кафедру, все заикание у него пропадает,

— Да и мозги в придачу. Когда чума прекратилась, он прочитал полную преклонения передо мной проповедь, для которой выбрал следующую строчку[42]: «Мудрец, избавивший город». Я бы мог предложить ему иную, лучшую: «Всему под солнцем есть…»

— А что толкнуло тебя пойти на эту проповедь? — перебил его Пак. — Ведь вашим официально назначенным проповедником был Вейл Аттерсол[43], вот ты и слушал бы его нудные разглагольствования.

Мистер Калпепер смущенно заерзал.

— Толпа, — сказал он, — дряхлые старухи и — хм-хм — дети, Элисон и другие, они втащили меня в церковь буквально за руки. Я долго не мог решится, доносить на Джека или нет. Ведь то, что он называл проповедью, было не лучше уличного

---

[42] Примечания: 42

В качестве темы для проповеди обычно берется та или иная строка из Библии.

[43] Примечания: 43

Вильям Аттерсол -историческое лицо, священник пуританской церкви, которая боролась со старой англиканской церковью. Вся английская революция в большой степени прошла под знаком пуританизма. См. прим. 37.

балагана. Я легко мог бы доказать всю ложность его веры, которая, основываясь исключительно на пустых баснях древности…

— Говорил бы ты лучше о травах и планетах, Ник, — сказал Пак, смеясь. — Тебе следовало бы сообщить о нем вашему магистрату, и Джека оштрафовали бы. Так почему же ты все-таки пренебрег своим прямым долгом?

— Потому что, потому что я сам на коленях припал к алтарю, к молился, и плакал со всеми. В медицине это называется приступом истерии. Что ж, быть может, это и была она.

— Да, все может быть, — сказал Пак, и дети услышали, как он завозился в сене. — Послушайте, в вашем сене полно веток! Неужели вы думаете, что лошадь станет кормиться листьями Дуба, Ясеня и Терновника? А?

«Динь-динь-динь!» — раздался из-за поворота звоночек велосипеда. Медсестра возвращалась с мельницы.

— Как там, все в порядке? — крикнула Юна.

— В полном! — донесся ответ. — В следующее воскресенье их будут крестить.

— Что? Что? — И Дан, и Юна подались вперед и нажали на половинку ворот. Она, наверное, была плохо закреплена, потому что распахнулась, и

дети, с ног до головы облепленные сеном и листьями, вывалились наружу.

— Надо узнать, как двойняшек назвали. Бежим! — предложила Юна, и они помчались вверх по склону, пытаясь докричаться до медсестры через изгородь. Она наконец сбавила скорость и сообщила им имена.

Вернувшись, дети обнаружили, что Мидденборо выбрался из стойла, и они добрых десять минут носились за ним при свете звезд, пока не загнали на место.

Наши предки

Наши предки знавали целебные травы:
Боль облегчить и болезни лечить.
Травы лечебные, не для забавы,
Сколько могли их в полях различить!
Фиалковый корень, валериана,
Кукушкины слезки — выбор велик.
Звали так звонко их, нежно и странно:
Рута, вербена и базилик.
Все травы, что лезли из влажной земли,
Предкам полезными быть могли.

Наши предки знавали массу историй,
Легенд о связи трав и планет.
Подчинялся Марсу фиалковый корень,
Солнцу — подсолнух и первоцвет.
Праотцы вычисляли сферы,
Для каждой планеты свой час наступал.
Хозяйка розы, конечно, Венера,
Юпитер дубом всегда управлял.
Есть об этом в старинной книге рассказ,
Наши предки его донесли до нас.

Наши предки знали о жизни так мало —
Так мало знали в прежние дни.
Их леченье, бывало, людей убивало,
И в ученье своем ошибались они.
«Причину болезни в небе ищите, —
Они повторяли вновь и вновь. —
Ставьте пиявок, — кровь отворите,
Пиявок ставьте-пускайте кровь».
Был метод несложен, был метод

лих —

Но столько ошибок случалось у них!

Но если, и травы презрев, и приметы,

Болезнь наводняла нашу страну —

Твердой рукой они брали ланцеты

И какую бесстрашно вели войну!

Кресты на дверях начертаны мелом[44].

Объезжал фургон с мертвецами дворы,

А предки своим были заняты делом,

Как отважны были они и храбры!

Не знаньем, а только отвагой сильны,

Не страшились предки неравной войны.

Если верно Галеново утвержденье

(Мог бы его Гиппократ[45] подтвердить),

Что к мертвому прошлому прикосновенье

Сомненье в себе помогает изжить —

---

[44] Примечания: 44
Крестами отмечались дома, пораженные чумой.

[45] Примечания: 45
Гален, Гиппократ - знаменитые врачи древности.

Высокие травы, сжальтесь над нами,
Смилуйтесь, звезды в небе ночном!
Наверно, мы слишком много познали,
Но выход не только в знанье одном.
Припадем же к земле, взор пошлем к небесам:
Наших предков отвагу даруйте нам!

Рождественская песнь

Велев перед царем быку
Колена преклонить,
На землю Бог мороз послал,
Чтоб ей к весне ожить.
Чтоб ей к весне ожить, милорды,
Сдержать он слово мог.
Во благо слово — так что такого?
Нам неподсуден Бог!

В мороз скользим мы на коньках
По льдистым берегам.
В низине дерево скрипит
И рвет всю душу нам.
И рвет всю душу нам, милорды,

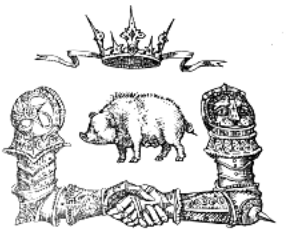
И ствол его продрог.
Во благо слово — так что такого?
Нам неподсуден Бог!

Куда же ствол? Вот разве сжечь,
Чтоб угли докрасна,
Чтоб нас хотя б согрела печь,
Пока придет весна.
Пока придет весна, милорды,
Оттает гравий дорог.
Во благо слово-так что такого?
Нам неподсуден Бог!

Господь хозяина спасет
И всех, кто здесь сейчас.
И в мире этот край болот
Он сохранит для нас.
Он сохранит для нас, милорды;
Да здравствует чертог,
Где отсутствует зло, где на сердце тепло, —
Нам неподсуден Бог!

А. МИЛН

КОГДА-ТО ТОМУ НАЗАД...



А. МИЛН
Когда-то тому назад...

Утренний посетитель короля Евралии

Король Евралии Мерривиг сидел за столом, накрытом к завтраку, на крепостной стене своего замка. Он поднял с золотого блюда золотую крышку, выбрал себе форель и осторожно переложил её на золотую тарелку. Вкус у него был непритязательный, но, если у вас есть тетушка и она недавно научилась превращать в золото все, до чего ни дотронется, надо же иной раз дать ей попрактиковаться. Это столь же невинное занятие, как вышивание золотом. — А, — сказал король, — вот и ты, доченька.

Он потянулся за салфеткой, а принцесса уже поцеловала его в макушку и садилась на свое место против него.

— Доброе утро, папочка, — ответила она. — Я немного опоздала, да? По лесу верхом каталась.

— Были какие-нибудь приключения? — небрежно спросил король.

— Никаких, но утро такое чудесное.

— Что ж, наверно, эта страна сильно перемени-

лась. Когда я был молод, в лес просто заглянуть нельзя было без приключений. Такие, бывало, чудеса попадались. Колдуны, великаны, карлики… Там-то я с твоей матерью и встретился, — задумчиво добавил он.

— Жаль, что я не помню маму, — вздохнула Гиацинта.

Король кашлянул и поглядел на нее с некоторым беспокойством.

— Семнадцать лет назад, когда она умерла, Гиацинта, тебе было всего полгода. Ты знаешь, последнее время я все чаще подумываю: прав ли я был, что так долго оставлял тебя без матери?

Принцесса растерялась:

— Но ведь ты не виноват, папочка, что мама умерла.

— Нет, нет, я не о том. Ты же знаешь, что её унес дракон и… вот так-то. Но если бы, — он взглянул на нее с некоторым смущением, — если бы я снова женился?

— На ком? — Принцесса была поражена.

Король заглянул в графин.

— Ну, — сказал он, — вообще-то есть подходящие люди.

— Если бы кто-то симпатичный, — задумчиво сказала принцесса, — тогда было бы славно.

Король пристально разглядывал графин.

— Почему же «было бы»? — спросил он.

Принцесса еще не оправилась от замешательства:

— Я ведь уже взрослая, — сказала она. — Теперь мне мать не так уж и нужна.

Король повернул графин и начал изучать его с другой стороны.

— Материнская… ммм… нежная рука, — начал он, — ммм… никогда не… — И тут произошло ужасное событие.

Всему виной был подарок, полученный королем Бародии ко дню рождения, а подарили ему ни больше, ни меньше, как семимильные сапоги. Король был человек занятой, прошла неделя, а то и больше, пока выдалась возможность испытать эти сапоги. Тем временем он часто говорил о них за едой и каждый вечер перед сном начищал их до блеска. Наконец наступил тот торжественный день, когда король смог проверить их на деле. Он величественно попрощался с женой и детьми и, игнорируя многочисленные любопытные носы, прижатые к окнам верхнего этажа дворца, поднялся в воздух. Как вам, вероятно, известно, поначалу это движение немного неприятно, но к нему скоро привыкаешь.

Зато потом полет просто захватывает. Он проделал около двух тысяч миль, прежде чем понял, что найти обратную дорогу будет трудновато. Так и случилось. Весь остаток дня он носился взад и вперед над королевством и только рано утром, да и то по чистой случайности, рассерженный, ворвался в открытое окно буфетной. Он снял сапоги и тихо отправился спать.

Это, конечно, послужило ему уроком. Он решил, что на будущее следует придерживаться определенного маршрута, двигаясь семимильными шагами в воздухе от одного дорожного столба к другому. Такой маршрут был разработан королевскими Географами; он представлял собой променад миль в триста, и его следовало совершать перед завтраком раз по десять. Неделю он решил отдохнуть и привести в порядок нервы, потом вышел на первую прогулку.

Королевство Евралия граничило с Бародией, но Бародия была страна равнинная, а Евралия — гористая. Поэтому неудивительно, что в поисках ориентиров придворным Географам пришлось обратить свои взоры к Евралии, в результате чего именно над Евралией в тот самый час, когда и в хижинах, и во дворце все сидели за завтраком, король Бародии парил в воздухе, то взмывая под

облака, то опускаясь до уровня крыш.

— Материнская… ммм… нежная рука, — сказал король Евралии, — ммм… никогда не… Боже! Что это значит?

Внезапно налетел ветер, на мгновение какой-то предмет оказался между его величеством и солнцем, затем все снова успокоилось.

— Что это было? — Гиацинта слегка встревожилась.

— Очень странно, — сказал король. — Мне почудились рыжие бакенбарды и огромные сапоги. Есть у нас такие знакомые?

— Рыжие бакенбарды, — припомнила Гиацинта, — есть у короля Бародии, а вот насчет сапог не знаю.

— Но что бы ему делать там, наверху? Если только не…

Тут ветер налетел с противоположной стороны, снова погасло солнце, и на какой-то миг, но так отчетливо, что ясно можно было разглядеть, мелькнула быстро уменьшающаяся августейшая спина короля Бародии, направляющегося домой к завтраку.

Мерривиг с достоинством поднялся из-за стола.

— Ты права, Гиацинта, — сказал он сурово. —

Это действительно был король Бародии.

На лице Гиацинты появилось выражение беспокойства:

— Ему не следовало бы проноситься так стремительно над столом, когда люди завтракают, не так ли, папочка?

— Увы, доченька, его манеры оставляют желать лучшего. Сейчас я тебя покину — составлю ему решительную ноту. Правила приличия надо соблюдать.

Постаравшись придать как можно более грозный вид своей добродушной физиономии и слегка сомневаясь, к месту ли он произнес слова «правила приличия», он отправился в библиотеку.

Библиотека была любимой комнатой его величества. По утрам он обычно обсуждал здесь со своим канцлером государственные дела или принимал знатных посетителей, приехавших в его королевство в поисках приключений. Здесь же днем, взяв с полки наугад какую-нибудь книгу, например «Что сказать волшебнику», он предавался размышлениям. Пищу для этих дневных размышлений давали ему те знатные посетители, которых он принимал утром. В настоящий момент, по крайней мере, семь принцев соверша-

ли семь различных подвигов; тому, кто опередит других, он обещал руку Гиацинты и половину королевства. Неудивительно, что он теперь понял, как ей нужна направляющая материнская рука.

Нота королю Бародии так и не появилась. Мерривиг все не мог решить, какое из двух перьев выбрать, как дверь распахнулась и прозвучало роковое имя графини Белвейн[46]. Графиня Белвейн! Как мне рассказать, что это была за удивительная, ужасная, очаровательная женщина! При всем безмерном честолюбии графини и её крайней неразборчивости в средствах её восхитительная человечность обнаруживала себя в страсти к ведению дневника и в приверженности к простым жанрам лирической поэзии. Я точно знаю, что именно ей принадлежала роль главной злодейки в данной пьесе. Знаменитый историк Ричард Скервилегз не щадит её в своей книге «Прошлое и настоящее Евралии». Но уж я, во всяком случае, не стану отрицать великие достоинства графини.

В то утро она писала стихи и потому была в зеленом платье. Когда её посещала муза, она всегда надевала зеленое, — эту милую привычку

---

[46] Примечания: 46
Белевейн - от французского bell vent-прекрасный флюгер.

вполне могли бы перенять современные поэты в качестве предостережения или источника вдохновения. Руки графини были заняты огромным её дневником, а голова — тем, как она поведает ему размышления, которым предавалась по дороге во дворец.

— Доброе утро, дорогая графиня, — поздоровался король, радуясь предлогу отвлечься от перьев. — Какой ранний визит!

— Вы не возражаете, ваше величество? — спросила графиня обеспокоенно. — Вчера мы с вами беседовали, и я хотела кое-что уточнить относительно одного пункта нашей беседы…

— О чем же мы вчера беседовали?

— Ах, ваше величество, — сказала графиня, — государственные дела! — И она бросила на него озорной, невинный, дерзкий и двусмысленный взгляд, против которого он никак не мог устоять, да и вы вряд ли смогли бы.

— Конечно же, государственные дела, — улыбнулся король.

— Как же, я даже запись в дневнике сделала. — Она положила свой огромный дневник и стала перелистывать страницы. — А, вот. «Четверг. Его величество оказали мне честь посоветоваться со мной относительно судьбы своей дочери

принцессы Гиацинты. Остались к чаю и были весьма…» — не могу разобрать это слово.

— Позвольте взглянуть, — попросил король, его румяное лицо запылало еще сильнее. — Похоже, что это «очаровательны», — произнес он рассеянно.

— Подумать только! — воскликнула Белвейн. — Подумать, что я такое написала! Я просто записываю все, что в голову приходит, — под влиянием минуты, понимаете ли. — Она сделала жест, долженствующий изображать некую особу, которая простодушно записывает все, что ни придет в голову. «Остались к чаю и были очаровательны. Потом размышляла об изменчивости бытия». — Она посмотрела на него широко раскрытыми глазами и добавила: — В одиночестве я часто предаюсь размышлениям.

Король не мог оторваться от дневника.

— А у вас есть еще записи, такие, как… как последняя? Можно взглянуть?

— О, ваше величество, боюсь, что там все слишком личное! — Она поспешно захлопнула дневник.

— Мне показалось, там стихи, — сказал король.

— Да так, небольшая ода к моей синичке. Вашему величеству это неинтересно.

— Я обожаю поэзию! — оживился король.

Ведь однажды он даже написал стишок, который можно декламировать и прямо, и задом наперед, в последнем случае он имел силу отводить злые чары. Если верить знаменитому историку Роджеру Скервилегзу, стишок этот был популярен в Евралии и звучал так:

Бо, болл, билл, балл,
Во, волл, вилл, валл.

Прекрасная мысль, весьма лаконично выраженная!

Графиня, конечно, притворялась. На самом деле она жаждала прочесть оду.

— Совсем коротенькая, — сказала она.

Пенья дух чудесный!
Ты ведь птичка, да!
С высоты небесной,
Синей, как вода,
Ты воспеваешь села, дворцы и города!

Так поэт влюбленный
В круге светских дам
Песней монотонной

Слух терзает нам400[47].

— Прекрасно! — сказал король, и следует с ним согласиться.

Много лет спустя другой поэт, по имени Шелли, использовал эту идею в своем беззастенчивом плагиате, но его трактовка, на мой взгляд, крайне искусственна и решительно уступает оригиналу.

— В самом деле, была такая птичка? — поинтересовался король.

— Совсем ручная.

— А ей понравилось?

— Увы, ваше величество, она умерла — и не услышала оду!

— Бедная птичка, — заметил король. — Думаю, она была бы довольна.

Тем временем Гиацинта, в полном неведении о том, что её уже почти наделили мачехой, все еще сидела на стене замка и пыталась продолжить

---

[47] Примечания: 47

Графиня выдает за плоды собственного творчества испорченный вариант стихотворения Шелли «К жаворонку».

Пенья дух чудесный!
Ты не птичка, нет!
С высоты небесной.
Где лазурь и свет,
Ты песней неземной на землю шлешь привет.
И в лазури чистой звук за звуком льешь,
И с песней ввысь летишь, и, ввысь летя, поешь.
(Перевод К. Д. Бальмонта)

завтрак, но ей это плохо удавалось. Любому ведь надоест без конца отрываться от ветчины — или от другого блюда — и любоваться, как над тобой проплывает по воздуху монарх соседней страны. Еще восемнадцать раз король Бародии мешал Гиацинте своими семимильными шагами. Потом у нее закружилась голова, и она спустилась к отцу. Она застала его одного в библиотеке, с глупой улыбкой на лице, перед ним не было ни малейшего намека на письмо в Бародию.

— Ты уже отправил ноту? — удивилась принцесса.

— Ноту? Какую ноту? — не понял он. — А, ноту королю Бародии? Я как раз её обдумываю, моя милая. Тень угрозы в сочетании с учтивостью — довольно трудно выразить.

— Я бы не стала заботиться об учтивости, — сказала Гиацинта. — Когда ты ушел, он еще восемнадцать раз надо мной пролетел.

— Восемнадцать, восемнадцать, во… Дорогая, это возмутительно!

— Никогда в жизни не завтракала в присутствии такой толпы!

— Это явное оскорбление, Гиацинта. Нотой тут не обойдешься. Поговорим с ним на языке, который он поймет.

И он пошел побеседовать с капитаном лучников.

Бародийский канцлер возвращается домой

Над стенами замка снова наступило раннее утро. Король сидел за накрытым к завтраку столом, перед ним выстроился взвод лучников.

— Теперь вы поняли, — сказал он. — Когда король Баро… когда некое… одним словом, когда я скажу «когда», вы все должны выпустить стрелы в воздух. Не прицеливайтесь, просто стреляйте вверх и ммм… я хочу посмотреть, чья стрела полетит выше. Если что-то… ммм… если что-нибудь заденет их по пути — это конечно, маловероятно, — что ж, в таком случае… ммм… в таком случае этот предмет их заденет. Да, собственно, чему бы там быть?

— Так точно, сир, — сказал капитан, — совершенно нечему.

— Отлично. По местам!

Лучники приготовили стрелы и луки, каждый занял свое место. Выставили дозорного. Все было в полной готовности.

Король определенно нервничал. Он подходил то к одному лучнику, то к другому, расспрашивал их о женах и семьях, хвалил отлично начищен-

ный колчан или советовал повернуться спиной к солнцу.

То и дело он приближался к дозорному на дальней башне, показывал ему Бародию на горизонте и поспешно возвращался. Дозорный все знал.

— А вот его королевское… — загремел он внезапно.

— Когда! — взревел король, и в воздух взлетела туча стрел.

— Отлично! — захлопала в ладоши Гиацинта. — То есть я хотела сказать: как вы посмели? Вы могли попасть в него.

— Гиацинта! — король резко повернулся. — Ты здесь?

— Я только что подошла. В него попали?

— Попали? В кого попали?

— В короля Бародии, конечно.

— В короля Баро… Дитя мое, что бы королю Бародии здесь делать? Мои лучники просто целились в ястреба, они заметили его, когда он был еще далеко. — Он подозвал капитана. — Вы попали в этого ястреба? — спросил он.

— Только одним выстрелом, сир, в бакен… в хвостовое оперение.

Король повернулся к Гиацинте:

— Только одним выстрелом, в бакен… в хво-

стовое оперение. Что это ты вспомнила короля Бародии, дорогая моя?

— Папочка, какой ты злой! Бедняжке прямо в бакенбарду попали!

— Его величеству королю Бародии? В бакенбарду? Дитя мое, это ужасно! Но, что же он там делал? Боже, боже, какое несчастье! Надо сочинить ноту и извиниться.

— Я бы оставила за ним право на первую ноту, — сказала Гиацинта.

— Да, да, ты права. Без сомнения, он захочет объяснить, как он туда попал. Минутку, дорогая. — Он подошел к лучникам, которые снова выстроились в шеренгу. — Можете вести людей вниз, капитан, — разрешил он.

— Есть, ваше величество.

Его величество поспешно оглядел стены замка, затем конфиденциально обратился к капитану:

— Ммм… который же из них… ммм… — он приложил палец к щеке, — ммм… ну, да? Вон тот, слева? Да, да.

Он приблизился к солдату, стоявшему на левом фланге, и вложил ему в руку кошелек с золотом:

— Ты отлично владеешь луком, приятель! Рука у тебя твердая. Никогда не видел, чтобы стрела летела так высоко.

Взвод откозырял и удалился. Король с Гиацинтой уселись завтракать.

— Положить тебе барабульку, доченька? — спросил он.

Никогда великий канцлер Бародии не забывал этого утра, да и жене своей не давал его забыть. Если он начинал фразу: «Это мне напоминает, дорогая, тот день, когда...» — то гости понимали, что пора уходить, но его семье деваться было некуда. Приходилось выслушивать все до конца.

Тот день и в самом деле был для него тяжелым. В девять часов его вызвали во дворец. Он застал короля в отвратительном настроении: тот поглаживал щеку, бакенбарда у него повисла. Его величество настаивал на немедленном объявлении войны, канцлер же склонялся к угрожающей ноте.

— По крайней мере, ваше величество, — просил он, — позвольте мне сначала обратиться к прецедентам.

— Подобное оскорбление, — холодно возразил король, — не имеет прецедентов.

— Не совсем так, сир, подобные прискорбные случаи... ммм... бывали.

— Это гораздо хуже, чем прискорбный случай.

— Мне следовало сказать — грубое нарушение

законности, ваше величество. Ваш незабвенный покойный дедушка имел несчастье испытать на себе заклятье арабского короля, по которому был вынужден — или, я бы сказал, предпочел — в течение нескольких недель ходить на четвереньках. Возможно, ваше величество помнит, как его верные подданные сочли своим долгом избрать аналогичный способ передвижения. И хотя случай вашего величества не совсем аналогичен…

— Никакой аналогии не вижу, — холодно отрезал король.

— Я неудачно выразился, мне следовало сказать — хотя случай вашего величества вовсе не адекватен, образ действий подданных в случае с вашим августейшим дедушкой…

— Плевать мне, что вы сделаете с вашими бакенбардами, плевать, что другие сделают со своими, — перебил король, продолжая поглаживать щеку, — я жажду крови короля Евралии. — Он окинул взглядом придворных. — Любому, кто принесет мне голову этого короля, я отдам руку своей дочери.

Наступило глубокое молчание, наконец, кто-то осторожно спросил:

— Которой дочери?

— Старшей, — ответил король.

Снова глубокое молчание.

— Я предлагаю, ваше величество, — сказал канцлер, — для начала просто обменяться угрожающими нотами, а тем временем мы прочешем все королевство в поисках волшебника, который сможет отомстить за вас его величеству королю Евралии. К примеру, сир, король, у которого голова перевернута макушкой вниз, лишен того королевского достоинства, каковое необходимо для того, чтобы он пользовался уважением своих подданных. Или парочка носов, расположенных под углом, чтобы нельзя было сморкаться одновременно…

— Ладно, ладно, — нетерпеливо перебил король, — уж я что-нибудь придумаю, если вы найдете волшебника. Но они теперь не так часто попадаются. Да и ухо с волшебниками надо востро держать. У них есть привычка забывать, на чьей они стороне.

У канцлера задрожали губы.

— Ладно, — снисходительно произнес король, — можете отправить ОДНУ ноту, а потом мы объявим войну.

— Благодарю вас, ваше величество, — сказал канцлер.

Итак, ноту отправили. В ней отмечалось, что его

величество король Бародии во время утреннего моциона получил оскорбление в виде пущенной в него стрелы. Хотя эта стрела, к счастью, не попала ни в одну из жизненно важных частей тела его величества, она повредила его любимую бакенбарду. За это требуется репарация… И так далее, и тому подобное.

Ответа из Евралии долго ждать не пришлось. Он содержал глубочайшее сожаление по поводу несчастного случая, от коего пострадал дружественный монарх. В то утро, о котором идет речь, его величество устроил состязания лучников по стрельбе в ястреба; в состязании (возможно, королю Бародии будет небезынтересно) победил Генри Коротконос, весьма достойный стрелок.

В ходе состязаний было замечено, что некий посторонний предмет наткнулся на одну из стрел. Но, поскольку это ни в коей мере не повлияло на присуждение мест среди состязавшихся, на предмет не обратили внимания. Его бародийское величество может пребывать в уверенности, что у короля Евралии нет ни малейшего намерения заниматься дальнейшим рассмотрением данного вопроса. Напротив, он всегда рад будет видеть у себя его бародийское величество по аналогичному поводу. Подобные состязания будут

проводиться и в будущем, и, если его величеству случится в такой момент оказаться поблизости, король Евралии выражает надежду, что он спустится и присоединится к ним. В надежде, что его величество и их королевские высочества пребывают в добром здравии… И тому подобное.

Великий канцлер Бародии читал ответ на свою ноту с растущим чувством тревоги. Ведь именно из-за него его величество подвергся новому оскорблению, следовательно, если ему не удастся это оскорбление каким-то образом смягчить, разговор с королем будет не из приятных. Перейдя границу, он подумал: будут ли на короле его знаменитые сапоги и могут ли они дать такого пинка, что получивший его пролетит семь миль с такой же скоростью, как они сами? Ему становилось все яснее, что бывают ноты, содержание которых можно хоть как-то смягчить при их вручении, а бывают такие, с которыми это никак не удастся.

Через пять минут, когда до дому осталась двадцать одна миля, он понял, что данная нота относится к числу последних.

Итак, такова была истинная причина войны между Евралией и Бародией. Я сознаю, что мое мнение расходится с мнением выдающегося

историка Роджера Скервилегза. В главе IX своего бессмертного труда «Прошлое и настоящее Евралии» он приписывает конфликт между двумя державами совсем иной причине. Король Бародии, утверждает он, потребовал руки принцессы Гиацинты для своего старшего сына. Король Евралии поставил принцу чрезвычайно простое условие: его королевское высочество должен въехать верхом на стеклянную гору. Его бародийское величество с негодованием отвергло это условие. Боюсь, что Роджер — неисправимый романтик. Мне надо было поговорить с ним об этом раньше. Во всей этой истории не было ни малейшей сентиментальности. Факты именно таковы, как я их изложил.

Король Евралии обнажает меч

Без сомнения, вы уже догадались, что не кто иной, как графиня Белвейн, продиктовала ответ королю Бародии. Предоставленный самому себе, Мерривиг сказал бы: «И поделом тебе за то, что шляешься над моим королевством!» Его остроумие не отличалось особой утонченностью. Гиацинта сказала бы: «Конечно, мы ужасно сожалеем, но ведь ранение в бакенбарду — еще не самое страшное, правда? А вам и в самом деле

не следовало являться к завтраку без приглашения». Канцлер же, почесав затылок, сказал бы: «Согласно главе седьмой, параграф двести пятьдесят девять Королевского Законодательства, мы вынуждены отметить…»

Но Белвейн была ужасно своенравна, и если вы догадываетесь, что это она делала неизбежным объявление войны Бародией, дальнейший рассказ покажет, правы ли вы в своем предположении, что у нее имелись на то свои причины. Канцлеру Бародии пришлось довольно тяжко, но удел простодушного страдать за притязания власть имущих, — этот афоризм я заимствовал из «Прошлого и настоящего Евралии»: таков Роджер в своих нравственных наставлениях.

— Ну, — сказал графине Мерривиг, — дело сделано.

— В самом деле — война? — спросила Белвейн.

— Да. Гиацинта ищет мое оружие.

— Что же сказал король Бародии?

— Ничего он не сказал. Он написал красным «ВОЙНА» на грязном клочке бумаги, приколол его булавкой к уху моего посланца и отправил его обратно.

— Какая жестокость! — возмутилась графиня.

— Да, я полагаю, что это некоторым образом…

ммм… насилие, — смутился король. Втайне он восхищался этим поступком и жалел, что сам не догадался сделать то же самое.

— Конечно, — заметила графиня с очаровательной улыбкой, — все зависит от того, КТО так поступает.

Если бы это было ваше величество, акция была бы весьма достойной.

— Он, должно быть, очень рассердился, — сказал король, берясь то за один, то за другой из груды лежащих перед ним мечей. — Хотел бы я видеть его лицо в тот момент, когда он получил мою ноту.

— И я, — вздохнула графиня. Она-то хотела этого еще больше, чем король. Трагедия написавшего меткое письмо человека в том, что он не может присутствовать при распечатывании своего послания, — это уже мой собственный афоризм. Роджеру Скервилегзу подобная мысль никогда бы не пришла в голову: его собственные письма весьма сухи и однообразны.

Король всё перебирал мечи.

— Странно, — пробормотал он. — Неужели Гиацинта… — Он подошел к двери и позвал: — Гиацинта!

— Иду, папочка, — отозвалась Гиацинта с верх-

него этажа.

Графиня встала и низко присела:

— Доброе утро, ваше королевское высочество.

— Доброе утро, графиня, — обрадовалась Гиацинта. Ей нравилась графиня (она не могла не нравиться), но, пожалуй, против её воли.

— Гиацинта, — сказал король, — подойди и посмотри на мечи. Который из них волшебный?

— Ах, папочка, — смутилась она, — не знаю. Разве это так уж важно?

— Конечно важно, дитя мое. Если я стану драться с королем Бародии волшебным мечом, я одержу победу. Если простым — он меня одолеет.

— А если у обоих мечи окажутся волшебными? — спросила графиня. Она и тут была верна себе.

Король поднял глаза на графиню и принялся обдумывать эту мысль.

— И, правда, — сказал он, — об этом-то я и не подумал. Честное слово, я... — Он повернулся к дочери. — Гиацинта, что было бы, если у обоих оказались бы волшебные мечи?

— Наверно, поединок длился бы вечно, — сказала Гиацинта.

— Или до тех пор, пока чары одного из них не иссякли бы, — невинно предположила Белвейн.

— Но он должен быть как-то помечен, — сказал король, для которого утро оказалось вконец испорчено после такого предположения. — Я попросил бы канцлера найти, но именно теперь он занят.

— Начнется битва — так у него времени будет хоть отбавляй, — задумчиво произнесла графиня. Восхитительное создание! Она уже рисовала себе картину, как канцлер спешит сообщить о победе короля Евралии именно в ту минуту, когда тот, сраженный ударом противника, лежит распростертым на земле.

— Что ж, — король опять вернулся к мечам, — во всяком случае, я хочу быть уверен в СВОЕМ. Гиацинта, неужели ты не можешь вспомнить? Я ведь тебе поручил пометить меч, — добавил он сердито.

Его дочь внимательно рассматривала нижний меч.

— Вот же он, — воскликнула она, — на нем стоит буква М — магический.

— Или — Мерривиг, — буркнула графиня, уткнувшись в дневник.

Выражение радости, появившееся было на лице короля при открытии его дочери, мигом улетучилось.

— Не очень-то много сегодня от вас помощи, графиня, — строго сказал он.

В тот же миг графиня вскочила, швырнула дневник на пол — нет, не швырнула, но аккуратно положила и, прижав руки к груди, предстала перед ним как само воплощенное раскаяние:

— Ах, ваше величество, простите меня, если бы ваше величество только попросили, я не знала, что нужна вашему величеству, я думала, её королевское высочество… Но я непременно найду меч вашего величества. — Гладила ли она его по волосам, говоря это? Я часто об этом думаю. Вполне возможно, если вспомнить её наглость, её стремление к «материнству», её… одним словом, если вспомнить графиню. Роджер Скервилегз, который видел графиню всего один раз, да и то в невыразительном возрасте двух лет, не упустил бы возможности использовать этот факт против нее, но «Прошлое и настоящее Евралии» хранит о том молчание. Так что, возможно, ничего такого и не было. — Вот же он! — сразу объявила она, беря в руки волшебный меч.

— Так я вернусь к своим делам, — обрадовалась Гиацинта и оставила их наедине друг с другом.

Король, сияя счастливой улыбкой, прикрепил меч к поясу. Но внезапное сомнение охватило

его:

— Вы уверены, что это он?

— Испытайте его на мне! — воскликнула графиня, падая на колени и простирая к нему руки. Носком своей изящной туфельки она задела дневник; близость дневника еще более воодушевила её: она, даже коленопреклоненная, представляла себе, как будет описывать эту сцену.

Интересно, как же это пишется — «сделал предложение»? — подумала она.

Думаю, что король уже влюбился в нее, но ему трудно было решительно объясниться. Даже если это и так, влюблен он был всего неделю-другую, четырнадцать дней за последние сорок лет; а меч он носил с двенадцатилетнего возраста. В решительной ситуации побеждает та любовь, которая старше, а не та, что сильнее (это — Роджер, но я, пожалуй, с ним согласен), — и король интуитивно обнажил меч. Если он действительно волшебный, любая царапина смертельна. Сейчас он в этом убедится.

Враги графини утверждали, что она была неспособна побледнеть: у нее были свои недостатки, но не этот. Краска сбежала с её лица, когда она увидела, что король стоит над ней с обнаженным мечом. Сотни противоречивых мыслей мелькали

в её голове. Она думала, не станет ли король после сожалеть, и что станут петь о ней менестрели[48], и опубликуют ли её дневник; но более всего её занимало — почему она оказалась такой дурой, такой мелодраматической дурой…

Король внезапно пришел в себя. Ему стало немного стыдно. Он сунул меч обратно в ножны, раза два кашлянул, пытаясь скрыть смущение, и протянул графине руку, чтобы помочь ей встать.

— Не глупите, графиня, — сказал он. — Неужели в такой момент мы могли бы обойтись без вас? Сядьте, поговорим серьезно. —

Графиня еще не совсем оправилась от пережитого волнения; она села, сжимая в руках свой драгоценный дневник, Жизнь в эту минуту казалась ей удивительно прекрасной, хоть и было досадно, что менестрели не сложат о ней никаких песен. Но нельзя же иметь все сразу.

Король говорил, расхаживая взад-вперед по комнате:

— Я ухожу на войну и оставляю любимую дочь. В мое отсутствие её королевское высочество будет, конечно, править страной. Я хочу, чтобы она чувствовала, что может положиться на вас, гра-

---

[48] Примечания: 48

Менестрели - бродячие певцы и музыканты в Европе XIII-XIV вв. Их творчество отличалось утонченностью и изысканностью.

финя, найти у вас совет и поддержку. Знаю, что могу вам доверять: ведь вы только что доказали мне свое мужество и преданность.

— О, ваше величество! — воскликнула графиня умоляюще, а сама радовалась, что рисковала не зря.

— Гиацинта молода и неопытна. Она нуждается в…

— В направляющей материнской руке, — мягко вставила Белвейн.

Король вздрогнул и отвернулся. Делать предложение было, конечно, некогда, до завтра еще столько дел. Лучше отложить до того времени, когда он вернется с войны.

— Официального поста у вас не будет, — продолжал он поспешно, — кроме теперешнего — советница по делам гардероба. Но ваше влияние на нее будет огромным.

Графиня уже так и поняла. Однако при данных обстоятельствах приличествует некая видимость скромной покорности долгу, каковую графиня без труда изобразила.

— Я сделаю все, что могу, ваше величество, чтобы помочь, но разве канцлер не…

— Канцлер едет со мной. Он не солдат, но в колдовстве разбирается. — Он огляделся, дабы

убедиться, что они одни, и доверительно продолжал: — Он сказал, что обнаружил в архивах дворца древнее заклинание против колдовства. Он считает, что, если бы удалось использовать его против врага во время первой атаки, продвижение нашей героической армии не встретило бы никаких трудностей.

— Но ведь тут останутся другие ученые люди, — невинно заметила графиня, — гораздо больше нас, бедных женщин, искушенные в делах и лучше нас способные (что за чушь я несу, — подумала она) давать советы её высочеству.

— Такие люди, — перебил король, — тоже пригодятся нам. Если придется завоевывать Бародию по всем правилам, мне понадобится каждый мужчина королевства. Евралия временно должна стать чисто женской страной. — Он с улыбкой повернулся к ней и галантно произнес: — Это будет… ммм… Это уже… ммм… нет, но… Можно мне… ммм… надеяться…

Было настолько очевидно, что в голове короля с трудом рождается некий комплимент, что Белвейн сочла более благоразумным прийти ему на помощь:

— О, ваше величество, вы льстите моему бедному полу!

— Вовсе нет. — Король пытался вспомнить, что же он сказал. — Ну, графиня, — он протянул руку, — у меня масса дел…

— У меня тоже, ваше величество.

Она сделала глубокий реверанс и удалилась, крепко вцепившись в бесценный дневник. Король, которого все еще что-то тревожило, вернулся к столу и взял перо. Здесь и застала его Гиацинта минут через десять. Стол был усеян обрывками бумаги, на одном ей случайно удалось прочесть следующие замечательные слова: «Я был бы самым преданным подданным этой страны». Мельком она увидела и другие обрывки, покороче: «Это, дорогая графиня, будет моей…» «Страна, в коей даже король…» «Счастливая страна!» Последний клочок перечеркнут, сверху написано: «Плохо!»

— Это что такое, папочка? — спросила Гиацинта.

— Ничего, дорогая, ничего! — Король вскочил в величайшем смущении. — Я просто… ммм… Мне, конечно, придется обратиться с речью к народу, я как раз выбирал некоторые… Но они больше не нужны. — Он собрал обрывки, скомкал и бросил в корзину.

Что с ними стало, спросите вы? Уж не пошли

ли они на растопку дворцовых каминов на следующее утро? Любопытная деталь. В главе X «Прошлого и настоящего Евралии» я наткнулся на такие слова: «Когда король и все мужчины отправились завоевывать коварных бародийцев, Евралия стала женской страной — страной, подданным которой был бы счастлив стать сам король...»

Так в чем же тут дело? Еще один пример плагиата? Я уже был вынужден разоблачить Шелли. Неужели теперь придется выводить на чистую воду еще более злостного плагиатора, Роджера Скервилегза? Корзины для использованных бумаг, без сомнения, были доступны ему, как и многим другим историкам. Но разве не следовало ему сослаться на источник?

Не хочется судить Роджера слишком строго. И так понятно, что я расхожусь с ним во взглядах на многие исторические факты, и по мере продолжения моего рассказа это будет еще понятнее. Но я уважаю этого человека и в некоторых вопросах вынужден полностью положиться на его информацию. Более того, я всегда без малейших колебаний указывал его авторство в отношении ряда эпиграмм, использованных в этой книге. И мне бы хотелось думать, что он проявит такую

же щепетильность в отношении других людей.

Нам известен его романтический настрой; без сомнения, эта мысль родилась у него самостоятельно. На этом и остановимся.

Белвейн тем временем делала успехи. Король поднял на нее меч, но она и не дрогнула. В награду ей предстояло стать некоронованной правительницей. «Это мы еще посмотрим, какой там некоронованной», — сказала она себе.

Белвейн предается своему любимому занятию

Графиня Белвейн сидела на лесной поляне; троном ей служил ствол упавшего дерева, а роль придворных исполняли все те несуществующие слушатели, которых постоянно порождало её воображение. В этот день её королевское высочество принцесса Гиацинта собиралась произвести смотр своей армии амазонок (см. статью II «Государственная безопасность»).

Что же здесь странного? — спросите вы. Разве это не блестящее зрелище? Объясняю. Никакой армии амазонок не существовало. Чтобы её королевское высочество не узнала эту печальную истину, Белвейн целиком получала их жалованье. Так было спокойнее.

В трудных ситуациях Белвейн утешалась чтением своего дневника — этим она теперь и занималась. Услышав, что кто-то приближается, она поспешно захлопнула дневник. Это была Уиггс, камеристка принцессы.

— Ах, извините, ваша светлость, её королевское высочество послали меня сказать, что они прибудут сюда в одиннадцать, чтобы произвести смотр своей новой армии.

Меньше всего Белвейн хотела, чтобы ей напоминали об этом.

— Ах, Уиггс, милое дитя, вы застали меня врасплох. — Она с трагическим видом вздохнула. — Ведь я и руководитель кордебалета, — она сделала пируэт, как бы желая показать, что вполне справляется с этой обязанностью, — я и главнокомандующая армии амазонок, — она лихо козырнула — по крайней мере, это она могла проделать, чтобы отработать свое жалованье, — я и гардеробмейстрина. Я так загружена! Подойдите-ка, вытрите пыль с этого бревна, здесь сядет её королевское высочество. Уморит меня вся эта работа, Уиггс, но это мой долг — и я его выполню.

— Уоггс говорит, что вы своего не упустите, — невинно произнесла Уиггс, усердно обтирая бревно. — Славно, должно быть, уметь не упус-

кать своего.

Графиня холодно взглянула на нее: одно дело доверять свои дурные поступки дневнику, совсем другое — когда какие-то Уоггсы кричат о них на всю страну.

— Я не знаю, кто такая Уоггс, — сурово сказала Белвейн, — но немедленно пошли её ко мне.

Как только Уиггс удалилась, Белвейн дала волю своей ярости. Она вышагивала взад-вперед по бархатистому дерну, повторяя:

— Проклятье! Проклятье! Проклятье!

Когда её гнев несколько остыл, она хмуро уселась на бревно и предалась отчаянию. Две длинные косы падали ей на спину, доставая до пояса; подумав, она перекинула их вперед: если уж предаваться отчаянию, так по всем правилам.

Внезапно её осенило.

— Я одна, — произнесла она вслух. — Не продекламировать ли мне монолог? Я так давно этого не делала. О, что за… — Она вскочила. — Нельзя же произносить монолог, сидя на бревне, — сказала она сердито. Она решила, что стоя это будет гораздо эффектнее. Воздев руку к небесам, она начала снова: — О, что за…

— Вы меня звали, мэм? — спросила внезапно появившаяся Уоггс.

— Проклятье! — вырвалось у Белвейн. Она передернула плечами. «Ладно, в другой раз», — подумала она. И повернулась к Уоггс.

Должно быть, Уоггс была где-то поблизости, раз Уиггс так скоро её разыскала; я даже подозреваю, что она играла в лесу, вместо того, чтобы учить уроки, или штопать чулки, или выполнять еще какие-либо обязанности. Мне так же трудно описать Уоггс, как и Уиггс: ведь это просто наказание для автора, когда в его книге бесконечно появляются люди, которых он и не думал приглашать. Однако, раз Уоггс уже здесь, придется мужественно перенести её появление. Полагаю, что она на год-два моложе Уиггс (а той было лет семнадцать!) и не так хорошо воспитана. Обратите внимание на её недопустимые инсинуации в адрес леди Белвейн и на тот факт, что она называет графиню «мэм».

— Подойди, — приказала графиня. — Так это тебя зовут Уоггс?

— Извините, мэм. — Уоггс явно нервничала.

Графиня поморщилась на это «мэм», но спросила как ни в чем не бывало:

— Что ты там про меня болтаешь?

— Н-ничего, мэм.

Белвейн снова поморщилась и сказала:

— Ты знаешь, что я делаю с девчонками, которые всякое обо мне болтают? Я отрубаю им головы. Я… — Она пыталась придумать что-нибудь пострашнее. — Я… я приказываю не выдавать им варенье к чаю. Я… я на них ужасно сержусь!

Уоггс внезапно поняла, сколь тяжкое преступление она совершила.

— О, пожалуйста, мэм! — Совершенно сраженная, она упала на колени.

— Прекрати называть меня «мэм»! — взорвалась Белвейн. — Это так вульгарно! Для чего же я, по-твоему, из кожи вон лезла, чтобы стать графиней, как не ради того, чтобы меня перестали наконец называть «мэм»?

— Я не знаю, мэм, — робко сказала Уоггс.

Белвейн перестала обсуждать эту тему. Все равно целое утро все идет шиворот-навыворот.

— Подойди, дитя, — вздохнула она, — и послушай. Ты была скверной девочкой, но я намерена на этот раз тебя простить. Зато я хочу, чтобы ты кое-что сделала для меня.

— Да, мэм, — сказала Уоггс.

На этот раз Белвейн только пожала плечами. Внезапно её осенила блестящая идея.

— Её королевское высочество собирается произвести смотр своей армии амазонок. Это желание

совершенно неожиданно пришло в голову её королевскому высочеству — и при этом в самый неподходящий момент, потому что случилось так, что армия… ммм… что же делает армия? Ах да, находится на маневрах в других частях страны. Но мы не должны расстраивать её королевское высочество. Что же нам делать?

— Не знаю, мэм, — тупо сказала Уоггс.

Не ожидая от нее никакой реальной поддержки, графиня продолжала:

— Так я тебе скажу. Видишь вон то дерево? Ты будешь маршировать вокруг него, вооруженная до зубов.

Отсюда будет казаться, что там проходит огромная армия. За это я тебя вознагражу. Ты получишь… — Она пошарила у себя в сумочке. — Нет, пожалуй, я буду твоей должницей. Ты поняла?

— Да, мэм, — сказала Уоггс.

— Что ж, отлично. Беги скорей во дворец, достань меч и шлем, лук и стрелы — все, что хочешь, а потом возвращайся сюда и жди вон там, за кустами. Когда я хлопну в ладоши, армия начнет маршировать.

Уоггс сделала реверанс и убежала.

Возможно, что, оставшись одна, графиня возобновила бы свой монолог, но мы этого никогда

не узнаем, потому что в следующую минуту на противоположном конце лужайки появилась принцесса со своей свитой. Белвейн пошла ей навстречу.

— Доброе утро, ваше королевское высочество, — сказала она. — Прекрасный день, не правда ли?

— Превосходный, графиня.

В присутствии свиты Гиацинта чувствовала себя увереннее, но при первых же словах графини она поняла, что самообладание покидает её. Я, кажется, уже говорил, что так же бывает и со мной, когда я разговариваю с моими издателями?

Придворные остановились в живописных позах, а графиня продолжала:

— Рядовые армии амазонок вашего королевского высочества, — здесь она козырнула: после некоторой тренировки этот жест выходит лихо, — несколько недель с нетерпением дожидаются этого дня. Сердца их наполняются гордостью при мысли о том, что ваше королевское высочество проводит этот смотр!

Она так часто платила — вернее, получала — жалованье армии, что уже сама готова была поверить в её существование. Она даже составляла великолепными красными чернилами списки рот и адресовала себе самой представления к

производству капралов в сержанты.

— Боюсь, что я не очень разбираюсь в армиях, — сказала Гиацинта. — Ими всегда занимался папочка. Но я считаю, что ваша идея мобилизовать женщин на мою защиту просто великолепна. Только обходятся они дороговато, не так ли?

— Армии, ваше королевское высочество, всегда обходятся дорого.

Принцесса села и с улыбкой пригласила Уиггс занять место рядом.

Дамы из свиты принцессы разбились на группы и в еще более живописных позах, чем раньше, расположились у нее за спиной.

— Ваше королевское высочество готовы?

— Вполне, графиня.

Графиня хлопнула в ладоши.

После минутного замешательства вооруженные до зубов амазонки стали маршировать вокруг дерева. Зрелище было впечатляющее. И все-таки Уиггс чуть не испортила парад.

— Да это же Уоггс! — воскликнула она.

— Глупое дитя, — негромко сказала Белвейн, незаметно награждая её щипком.

Принцесса оглянулась.

— Эта дурочка, — объяснила графиня, — вообразила, будто узнала свою подружку в рядах

славной армии вашего королевского высочества.

— Как это она умудрилась? Для меня они все на одно лицо.

Белвейн оказалась на должной высоте:

— Так кажется из-за формы и армейской дисциплины, — сказала она. — Многие это замечают.

— Наверно, так, — согласилась принцесса. — А разве им не положено маршировать по четыре в ряд? Мне кажется, что когда я как-то ходила на парад с папочкой…

— Что вы, ваше королевское высочество, ведь в той армии были мужчины. Что касается женщин — видите ли, если они маршируют в один ряд, они сразу начинают болтать.

Придворные, которые стояли, опираясь на правую ногу и согнув левое колено, теперь переместили тяжесть тела на левую ногу и согнули правое колено. Уоггс тоже начала уставать. Последняя рота армии амазонок маршировала уже не с такой непринужденностью, как первая.

— Наверно, мне следует приказать им остановиться и обратиться к ним с речью? — спросила Гиацинта.

Белвейн на какое-то мгновение растерялась.

— Боюсь, что… что ваше королевское высочество… — Она замялась, усиленно соображая. —

Боюсь, что это противоречит духу… королевских инструкций. Армия… армия в строевом порядке должна маршировать. — Она сделала указующий жест рукой. — Должна маршировать, — повторила она, невинно улыбаясь.

— Понятно, — сказала Гиацинта, виновато покраснев.

Белвейн громко кашлянула. Третья с конца амазонка посмотрела на нее вопросительно. Предпоследнюю приветствовали еще более громким кашлем. Последняя на всякий случай показалась, но её встретили таким недвусмысленным хмурым взглядом, что было очевидно — пора заканчивать парад. Уоггс сняла шлем и присела отдохнуть под кустами.

— Вот и все, ваше королевское высочество, — объявила графиня. — В параде участвовали 158 амазонок. 217 отрапортовались больными — получается 622. 9 стоят на посту во дворце, 632 и 9 будет 815. Да еще 28 не достигли призывного возраста. Округлим до тысячи.

Уиггс открыла было рот, чтобы что-то сказать, но решила, что её госпожа сама это скажет. Однако Гиацинта растерялась.

Белвейн подошла ближе.

— Я… ммм… не помню, говорила ли я вашему

королевскому высочеству, что сегодня день выплаты жалованья. Одна серебряная монетка в день, а в неделе несколько дней, умножаем на… на сколько же это? Получается десять тысяч золотых монет. — Она протянула принцессе красиво разграфленную ведомость. — Если ваше королевское высочество подпишет вот здесь…

Принцесса машинально поставила свою подпись.

— Благодарю вас, ваше королевское высочество. А теперь я, пожалуй, пойду получу деньги.

Она присела в глубоком реверансе, потом, вспомнив свой чин, откозыряла и зашагала прочь.

Роджер Скервилегз, посмотрев, как она удаляется, не испытывая ни малейших угрызений совести, сразу перешел бы к следующей главе, начав её словами: «Тем временем, король…» — и у вас создалось бы впечатление, будто Белвейн — обыкновенная воровка. Но я не такой летописец, как он. Чего бы мне это ни стоило, а я буду справедлив к моим героям.

Итак, у Белвейн была слабость, и слабостью этой была щедрость.

Я знаком с одним старым джентльменом, который каждый вечер играет в кегли. Он катит шар

(или как там его называют) на один конец лужайки, ковыляет за ним и откатывает его назад. Только вспомните его, а потом представьте себе Белвейн — как она, восседая на белом скакуне, бросает мешочки с золотом направо и налево под неистовые приветствия толпы.

Честное слово, я считаю, что её занятие более достойно восхищения. И, уверяю вас, столь же изнурительно. Если уж есть привычка швырять деньгами, то благоразумно швырять их в чью-то ладонь — невыносимо. Кто же из нас, однажды бросив кебмену полкроны, впоследствии удовольствуется тем, что сунет ему горсточку медных трехпенсовиков? Щедрость должна быть последовательной.

Так было и с Белвейн. Она приобрела привычку к щедрости, но эта слабость стоила графине меньше, чем другим. С народа брали налоги, чтобы платить армии амазонок, и эти же деньги швыряли народу обратно — что может быть более великодушно?

Правда, наградой ей были восхищение и аплодисменты. Но какая женщина не любит восхищения! Разве это преступление? Если даже и так, то это вовсе не то же самое, что воровство, в котором обвинил бы её Роджер Скервилегз. Будем

же справедливы.

Перевелись в Бародии волшебники.

После объявления войны войска Евралии, согласно обычаю, были введены в Бародию. Как ни разгорались страсти, оба короля неукоснительно соблюдали элементарный военный этикет. В предыдущую войну бои шли на территории Евралии, поэтому нынче театром военных действий стала Бародия, куда король Мерривиг повел свою армию. Покрытая пастбищами земля оказалась удобной для расположения военных лагерей, и евралийцы совершили несложные приготовления к ночлегу под ликующие крики бародийцев.

Несколько недель обе армии стояли друг против друга, но ни одна из сторон не предавалась праздности. В первое же утро Мерривиг накинул плащ-невидимку и отправился разведать, что происходит во вражеском лагере. К несчастью, в ту самую минуту точно такая же идея осенила и короля Бародии, у которого тоже имелся плащ-невидимка.

К величайшему удивлению обоих, ровно на полпути короли неожиданно налетели друг на друга. Догадавшись, что здесь не обошлось без каких-то неведомых чар, оба поспешили назад, чтобы посоветоваться каждый со своим канцле-

ром. Канцлеры не могли дать вразумительного объяснения случившемуся, они только посоветовали их величествам на следующее утро предпринять еще одну попытку.

— Только идите другой дорогой, — сказали канцлеры. — Это поможет вам обойти заколдованную стену.

Итак, на следующее утро оба короля снова отправились в путь, держась южнее. На полпути они снова налетели друг на друга, и им не оставалось ничего другого, как сделать вид, что они нарочно присели, чтобы обдумать создавшееся положение.

— Чудеса в решете, — сказал Мерривиг. — Между двумя лагерями какая-то волшебная стена.

Он встал и, подняв руку, с выражением продекламировал:

— Бо, болл, билл, балл,

Во, волл, вилл, валл!

— Загадка какая! — воскликнул король Бародии. — Вероятно…

Внезапно он осекся. Оба короля кашлянули. Они со стыдом вспомнили свои вчерашние страхи.

— Вы кто? — спросил король Бародии.

Мерривиг решил прибегнуть к хитрости.

— Свинопас его величества. — Он постарался сказать эти слова именно таким голосом, каким, по его представлению, должен разговаривать настоящий свинопас.

— Ммм… и я тоже, — несколько неуверенно сказал король Бародии.

Очевидно, в этой ситуации не оставалось ниче-

го другого, как завязать беседу о свиньях.

Мерривиг находился в блаженном неведении относительно этого предмета. Познания короля Бародии были и того меньше.

— Ммм… сколько их у вас? — спросил последний,

— Семь тысяч, — наобум ответил Мерривиг.

— Ммм… и у меня столько же, — еще менее твердо сказал король Бародии.

— Мои все парами, — объяснил Мерривиг.

— А у меня одиночки, — сказал король Бародии, приняв решение хотя бы в этом быть оригинальным.

Оба короля поразились, до чего легко оказалось беседовать со специалистом. Король Бародии почувствовал, что ему теперь море по колено.

— Что ж, — сказал он, — мне пора. Время ммм… доить.

— И мне, — подхватил Мерривиг. — Кстати, — добавил он, — чем вы своих кормите?

Король Бародии заколебался, не назвать ли ему яблочный сок, но решил, что не стоит — вдруг это что-то не то.

— Это секрет, — сказал он загадочно. — Передается из поколения в поколение.

— А-а, — протянул Мерривиг. Ничего лучшего

он придумать не смог, зато произнес ответ очень выразительно, потом попрощался и ушел.

В течение нескольких недель армия Евралии неоднократно выстраивалась возле своего лагеря и вызывала бародийцев на битву, а иногда бародийская армия строилась в колонну по четыре и пыталась спровоцировать конфликт. В промежутках оба канцлера повторяли старые заклинания, занимались поисками волшебника или отправляли друг другу оскорбительные послания.

На полпути между лагерями, рядом с одиноким деревом, возвышался холм: к нему-то в одно прекрасное утро и пришли оба короля и оба канцлера. Их целью было договориться об условиях поединка между двумя монархами: таков был обычай. Короли обменялись рукопожатием, а канцлеры начали договариваться о деталях.

— Я полагаю, — сказал канцлер Бародии, — ваши величества пожелают биться на мечах?

— Разумеется. — Король Бародии сказал это так поспешно, что Мерривиг понял: у него тоже есть волшебный меч.

— Пользоваться плащами-невидимками, разумеется, запрещается, — заметил канцлер Бародии.

— Неужели у вас есть такой плащ? — поспешно спросили короли друг у друга.

— Конечно, — не растерялся Мерривиг. — Любопытно, что только у одного из моих подданных тоже есть плащ-невидимка, и как вы думаете, у кого? — у свинопаса!

— Забавно, — сказал король Бародии. — У моего свинопаса тоже есть такой плащ.

— Как же, — нашелся Мерривиг, — ведь при их профессии он им просто необходим.

— Особенно в сезон дойки, — согласился король Бародии.

Они поглядели друг на друга с возросшим уважением: немногие короли в те времена владели всеми тонкостями столь скромной профессии.

Канцлер Бародии обратился к прецедентам.

— Пользование плащами-невидимками в личных поединках было запрещено после известного конфликта между дедушками ваших величеств.

— Прадедушками, — поправил евралийский канцлер.

— По-моему, дедушками.

— Прадедушками, если я не ошибаюсь.

Они быстро начали выходить из себя, и канцлер Бародии был уже близок к тому, чтобы наброситься на канцлера Евралии, но тут вмешался

Мерривиг.

— Неважно, — нетерпеливо перебил он, — расскажите нам, что произошло, когда наши… наши предки сражались.

— Произошло следующее, ваше величество. Дедушки ваших величеств…

— Прадедушки, — тихим голосом перебили его.

Канцлер бросил презрительный взгляд на своего противника и продолжал:

— Предки ваших величеств условились решить исход тогдашней войны личным поединком. Обе армии выстроились в полной боевой готовности. Монархи обменялись перед строем рукопожатием. Обнажив мечи и накинув плащи-невидимки, они…

— Ну? — нетерпеливо перебил Мерривиг.

— Это довольно печальная история, ваше величество.

— Ничего, продолжайте.

— Итак, ваше величество, обнажив мечи и накинув плащи-невидимки, они… ммм… снова взялись за пиршественные кубки.

— Ничего себе! — возмутился Мерривиг.

— Когда же обе армии, которые целый день с нетерпением ожидали результата сражения,

вернулись в лагерь, их величества оказались…

— Спящими, — поспешно закончил канцлер Евралии.

— Спящими, — согласился канцлер Бародии.

Их величества объяснили свое поведение тем, что они совсем позабыли о назначенном дне, каковое объяснение и было принято их современниками (что вполне естественно); однако последующие историки (по крайней мере, Роджер и я) признали его неудовлетворительными.

Обсудили еще некоторые детали и закрыли конференцию. Великий поединок был назначен на следующее утро.

Погода выдалась прекрасная. Мерривиг встал пораньше и начал тренироваться на подвешенной подушке. В перерывах он перелистывал книгу «Игры с мечом для суверенов», затем возвращался к подушке. За завтраком он нервничал, но был довольно разговорчивым. Несколько раз продекламировал свой стишок: «Бо, болл», — и т. д. Возможно, что стишок и поможет. Последняя его мысль, когда он скакал к полю сражения, была о прадеде. Не восхищаясь им, он вполне его понимал.

Битва была блистательной. Для начала Мерривиг направил удар в голову короля Бародии, тот

парировал. Затем король Бародии направил удар в голову противника, и Мерривиг парировал. Так повторилось три-четыре раза, после чего Мерривиг прибегнул к трюку, которому обучил его капитан стражи. Вместо того чтобы в очередной раз отбивать удар, он неожиданно ударил противника по голове. Если бы последний из-за крайнего удивления не споткнулся и не упал, дело могло бы кончиться очень серьезно.

Полдень застал их в разгаре битвы, они то нападали, то защищались, то нападали, то защищались. При каждом ударе обе армии выражали громкое одобрение. Когда темнота положила конец сражению, была объявлена ничья.

Король Евралии весь вечер с гордостью принимал поздравления и до того воодушевился, что ему захотелось непременно с кем-то поделиться. Он написал дочери:

«Моя дорогая Гиацинта!

Тебе приятно будет узнать, что твой отец здоров и благополучен и что Евралия, как всегда, исполнена решимости не ронять своей чести и достоинства. Сегодня я дрался с королем Бародии. Учитывая, что он крайне нечестно пользовался волшебным мечом, я полагаю себя вправе считать, что был на высоте. Графине Белвейн будет

небезынтересно узнать, что я нанес противнику 4638 ударов и отбил 4637. Для человека моих лет не так уж плохо! Помнишь, как-то моя тетушка дала нам волшебную мазь? Не осталось ли её еще хоть немного?

На днях я применил тонкую военную хитрость, выдав себя за свинопаса. При этом мне случилось встретиться с настоящим свинопасом и побеседовать с ним, но он меня ничуть не заподозрил. Графине будет интересно это узнать.

Какой я был бы растяпа, если бы выдал себя!

Надеюсь, у тебя все хорошо. Советуешься ли ты о чем-нибудь с графиней Белвейн? Полагаю, она могла бы давать тебе превосходные советы во всех затруднительных случаях. Молодая девушка всегда нуждается в руководстве. Надеюсь, графиня Белвейн в состоянии советовать тебе. Обращаешься ли ты к ней?

Боюсь, война затянется надолго. В стране, кажется, совсем перевелись волшебники, а без них приходится тяжело. То и дело повторяю свое заклинание, помнишь слова: «Бо, болл, билл, балл, Во, волл, вилл, валл», — оно защищает от драконов, но в борьбе против вражеской армии наши успехи не так уж велики. Можешь сообщить мое заклинание графине Белвейн: ей будет

интересно.

Завтра я продолжу поединок с королем Бародии и совершенно уверен, что на этот раз одолею его. Он отлично парирует, но не силен в нападении. Я рад, что графиня все-таки нашла мой меч, передай ей, что он мне очень пригодился.

Пора кончать письмо: надо ложиться спать, чтобы быть готовым к завтрашнему поединку.

До свидания, доченька. Остаюсь — твой любящий отец.

P.S. Надеюсь, тебе не слишком тяжко приходится. Если есть трудности, обязательно посоветуйся с графиней Белвейн. Она тебя всегда выручит. Не забудь про мазь. Возможно, графиня знает еще какое-нибудь средство для заживления ран? Боюсь, что война затянется надолго».

Король запечатал письмо и отправил его на следующее утро со специальным гонцом.

Король Бародии отвыкает от бакенбард

Король Мерривиг сидел у себя в палатке, откинув голову назад. Его румяные щеки побелели как снег. Деревенский малый по имени Карло мертвой хваткой вцепился в королевский нос. Но король Мерривиг не сопротивлялся и не протестовал: его брили.

Придворный цирюльник был, как обычно, разговорчив. Он на мгновение отпустил нос его величества и заметил, отвернувшись, чтобы наточить бритву:

— Какая ужасная война!

— Ужасная, — согласился король,

— И конца ей не видно.

— Ну, ну, — сказал король, — это мы еще поглядим.

Цирюльник снова принялся за работу.

— Знаете, что бы я сделал, будь король Бародии здесь? Я бы сбрил ему бакенбарды, — сказал он.

Король внезапно дернулся, и на белом снегу щеки показались следы сражения. Король снова откинулся назад; через несколько минут процедура бритья закончилась.

— Сейчас пройдет, — успокоил Карло, промокая королю подбородок. — Вашему величеству не следовало дергаться.

— Виноват, Карло, это оттого, что ты навел меня на замечательную мысль.

— Дай-то бог вашему величеству!

Оставшись один, король тотчас взял специальные таблички, на которых он привык записывать свои великие мысли, если таковым случалось прийти ему в голову в течение дня. На этот раз

он записал следующее выдающееся изречение: «ДАЖЕ У САМЫХ НИЧТОЖНЫХ ЛЮДЕЙ ПОРОЙ ЗАРОЖДАЮТСЯ ЖЕМЧУЖИНЫ ДРАГОЦЕННЫХ МЫСЛЕЙ».

Он ударил в гонг, чтобы вызвать канцлера.

— У меня грандиозная идея, — сообщил он.

С трудом скрыв удивление, канцлер с не меньшим трудом изобразил на своем лице некое подобие радости.

— Сегодня ночью я намерен нанести тайный визит его величеству королю Бародии, — продолжал Мерривиг. — Которая палатка вражеского лагеря является его ставкой? Что сообщают по этому поводу наши лазутчики?

— Вон та большая палатка в центре лагеря, над ней развевается флаг с королевскими гербами.

— Так я и думал. Ведь я сколько раз наблюдал, как его величество туда входит, но лучше поступать по правилам. Действуя на основе информации, раздобытой для меня моими верными шпионами, я намереваюсь под покровом ночи пробраться в эту палатку и… — канцлер задрожал от нетерпения, — и сбрить ему бакенбарды!

Канцлер воскликнул, так и затрепетав от восторга:

— Ваше величество, вот уже сорок лет, с самого

детства, я служу вам, как служил еще покойному отцу вашего величества, но ни разу не слыхал такого превосходного плана!

С минуту Мерривиг боролся с собой, потом его природная честность взяла верх. Он небрежно сказал:

— Это пришло мне в голову после реплики придворного парикмахера. Но разработка деталей плана, конечно, моя.

— Даже у самых ничтожных людей порой зарождаются жемчужины драгоценных мыслей, — нравоучительно произнес канцлер.

— Полагаю, — заметил Мерривиг, поспешно подбирая таблички и рассеянно стирая написанные на них слова, — что это не противоречит правилам?

— Никоим образом, ваше величество. В анналах Евралии засвидетельствовано множество юмористических эпизодов. Да будет мне позволено сказать, что только невежественные люди считают юмор пустяком, на самом же деле корни его лежат в фундаментальнейших стратегических соображениях.

Мерривиг посмотрел на него с восхищением. Вот это настоящий канцлер, советник короля!

— Именно это, — сообщил он, — я сказал себе,

когда меня осенила эта идея. «Тот факт, — сказал я, — что мой план поможет нам выиграть войну, не заслоняет от нас того обстоятельства, что король Бародии без бакенбард будет выглядеть очень смешным. Сегодня же ночью я совершу вылазку и осуществлю свой план!

В полночь Мерривиг отправился в путь. Канцлер с некоторой тревогой ждал его возвращения. Акция короля могла повлиять на весь ход войны. Правящая династия Бародии столетиями славилась рыжими бакенбардами. Выражение: «Нелеп, как бародийский король без бакенбард» — давно стало пословицей. Король без бакенбард в столь тяжкий для своей страны час! Это было невозможно, немыслимо! По крайней мере, ему пришлось бы удалиться от дел, пока бакенбарды снова не отрастут, а без короля бародийская армия придет в смятение. Мысль эта отнюдь не опечалила канцлера: он уже давно мечтал вернуться в Евралию, где у него был прекрасный удобный дом. Конечно, жизнь на полях сражений тоже имела свой интерес: работы ему хватало, как любому мужчине. Например, одной из его обязанностей было испытывать каждого нового колдуна или чародея, которого приводили в лагерь.

То и дело какой-нибудь шарлатан просил принять его, говоря, что за пятьсот крон превратит короля Бародии в черную свинью. Его вели к канцлеру.

— Значит, ты можешь превратить человека в черную свинью? — спрашивал канцлер.

— Да, ваша милость. У бабушки этому научился.

— Так преврати меня, — только и говорил канцлер. Назвавшийся колдуном пытался это сделать. Он произносил заклинание, а канцлер смотрелся в зеркало. Потом кивал двум солдатам, те привязывали самозванца к спине мула и пинками выпроваживали из лагеря. Таких самозванцев было множество (как-никак мула они на этом зарабатывали), так что жизнь канцлера была не лишена острых ощущений.

Но теперь канцлер истосковался по простым радостям домашнего очага. После работы во дворце он любил копаться у себя в саду, любил после ужина рассказывать жене о тех важных и значительных делах, которые совершил с тех пор, как не виделся с ней, любил производить на нее впечатление тем, что владел множеством государственных тайн, — пусть она и не пытается выведать их у него. Женщина меньшего такта

сочла бы эту тему закрытой, но жена канцлера знала, что муж только и ждет, чтобы его порасспросили как следует. Однако никакого вреда от этого не происходило: ведь секреты эти казались ей такими скучными, что не хотелось ни с кем ими делиться…

— Помогите же мне снять плащ, — прервал его размышления знакомый голос.

Канцлер протянул руки и начал водить ими в воздухе, пока они не наткнулись на что-то твердое. Он снял плащ — и король возник перед ним.

— Благодарю вас. Ну, управился! В последний момент я чуть было не передумал, они такие красивые, но я заставил себя. Бедняга спал, как ягненок. Любопытно, что он скажет, когда проснется.

— Вы их принесли? — в волнении спросил канцлер.

— Мой дорогой канцлер, что за вопрос! — Король достал бакенбарды из кармана. — Утром мы укрепим их на мачте возле нашего флага, чтобы видела вся Бародия!

— Ему это не понравится, — хмыкнул канцлер.

— Не знаю уж, как он выкрутится, — сказал Мерривиг.

Король Бародии тоже этого не знал.

В то утро он проснулся оттого, что чихнул. Одновременно он ощутил странное дуновение воздуха над щекой. Он поднял руку к лицу — и сразу понял, что случилось самое худшее. Король немедленно послал за канцлером. Тот вошел — и увидел спину своего августейшего монарха.

— Канцлер, — сказал король, — приготовьтесь к страшному удару!

— Да, сир! — Канцлера охватила нервная дрожь.

— Сейчас вы увидите такое, чего никто еще не видел за всю историю Бародии.

Канцлер взволнованно ждал, не имея ни малейшего представления о том, что же произойдет. Минуту спустя ему почудилось, что палатка поплыла у него перед глазами, и он потерял сознание. Когда он пришел в себя, король лил ему на голову воду и шептал на ухо безыскусные слова утешения.

— О, ваше величество, ваше величество, — прошептал бедный канцлер. — Не знаю, что и сказать. Кто же это осмелился на такое ужасное деяние?

— Дурак этакий, а я откуда знаю? Уж не воображаете ли вы, что я бодрствовал, пока это надо мной совершали?

Канцлер оцепенел. Он привык, чтобы его называли дураком, но прежде он выслушивал это от владельца пары устрашающих рыжих бакенбард. Терпеть же подобное оскорбление от человека с располневшим и не внушающим доверия лицом он вовсе не был расположен. Но канцлер сдержался.

— Что же вы, ваше величество, намерены делать?

— Я предполагаю сделать следующее. При этом на вас ляжет тяжелая обязанность. Для начала объявите нашим воинам, что я занят беседой с могущественным волшебником и потому не могу предстать перед армией сегодня утром. К концу дня вы объявите, что волшебник открыл мне способ одержать победу над наглыми евралийцами, что ради победы я должен принести тяжкую жертву, но что для блага моего народа я не остановлюсь ни перед чем. Что жертва, которую я… Но что там за шум? — Раскатистый хохот сотрясал воздух снаружи. — В чем дело? Подите и посмотрите!

Канцлер вышел из палатки — и увидел.

Он вернулся к королю, пытаясь говорить небрежно:

— Там евралийцы подняли над своим лагерем

забавную эмблему вместо флага, только и всего.

Вас это не развлечет.

— Мне не до развлечений, — сказал король. — Итак, вы скажете народу, что я… Ну вот, опять. Придется взглянуть, что же там такое. Приоткройте дверь, чтобы я мог все видеть, не будучи замеченным.

— Но это… Это вряд ли развеселит ваше величество.

— Вы считаете, что у меня нет чувства юмора? — рассердился король. — Немедленно откройте дверь!

Канцлер повиновался — и перед бародийским монархом предстали его собственные бакенбарды, которые развевались на ветру под государственным флагом Евралии. И тут наступил момент, когда королем невозможно было не восхищаться.

— Можете закрыть дверь, — обратился он к канцлеру. — Инструкции, которые я вам только что дал… отменяются. Дайте мне подумать. Вы тоже можете подумать. Если ваше предложение будет не совсем бессмысленным, скажете мне. — Он зашагал взад и вперед по палатке, остановился перед большим зеркалом. — Нет, — решил он, — с такой физиономией невозможно быть королем!

Я отрекаюсь.

— Но, ваше величество, такое решение ужасно! Разве не могли бы ваше величество пожить где-нибудь в глуши, пока бакенбарды вашего величества не…

— Канцлер, — воскликнул король, — баки, которые развеваются там на ветру, были моим проклятием более сорока лет. Более сорока лет я вынужден был приспосабливать к ним свой характер, добрый и кроткий по натуре.

От носителя этих бакенбард требовалось быть высокомерным, нетерпеливым, невыносимым. Я играл роль, которая сперва казалась мне трудной, а последнее время, увы, становилась все легче и легче. То, что вы видели, никогда не было моей истинной натурой. Бародийцы всегда ждали от своего короля определенной сущности; если она исчезнет, народ просто растеряется. Иной я им не нужен. Да, канцлер, я отрекусь, не смотрите на меня так грустно. Я с величайшей радостью начну новую жизнь.

Но канцлер грустил отнюдь не о короле. Он грустил о себе: ведь, возможно, новый король захочет переменить канцлера…

— Но… чем же вы займетесь? Ведь ваши выдающиеся качества, которые могли бы украсить

любого короля, не совсем подходят… ммм…

— Как мало вы меня знаете! Вы полагаете, у меня не хватит ума самому зарабатывать себе на жизнь? А я недавно обнаружил, что во мне пропал отличный свинопас!

— Свинопас?

— Да, который пасёт… ммм… свиней. Возможно, вы удивитесь, но недавно я беседовал с представителем этой профессии о его ремесле, и он не заподозрил правды. Работа на свежем воздухе — сплошное удовольствие. Попасешь — подоишь, попасешь — подоишь, и там день за днем. — Впервые в жизни канцлер увидел счастливую улыбку на лице своего повелителя. Король игриво хлопнул канцлера по спине и добавил: — Это мне весьма по вкусу! А вы объявите, что нынче ночью я пал в честном поединке от руки короля Евралии, и потому мои баки висят над королевской палаткой как символ его победы. — Он подмигнул канцлеру. — Ведь мог кто-то накануне украсть мой волшебный меч. Пошлюка я ноту королю Евралии, — сказал будущий свинопас, — сообщу о своем решении. Сегодня вечером, как стемнеет, выберусь из лагеря и начну новую жизнь. Пусть все отправляются по домам. Да, — спохватился он, — ведь часовой знает, что

я вовсе не был убит ночью. Это осложняет дело.

— Думаю, — сказал канцлер, который мысленно уже видел, как возвращается домой, и ни за что не согласился бы допустить, чтобы его планы рухнули из-за какого-то часового, — думаю, что я сумею его убедить что вы были убиты ночью.

Письмо короля Бародии доставило Меррививу большую радость. В нем объявлялась безоговорочная капитуляция и решение короля отречься от престола. Вместо него будет править его сын. Но королевский сын был вполне безобидный дурачок, и король Евралии мог ни о чем не беспокоиться. Меррививг. призвал к себе своего канцлера и спросил, что говорит народ по поводу последних событий. Тот сообщил, что говорят разное. Одни рассказывают, что его величество с величайшей ловкостью пробрался ночью в палатку спящего бародийского короля и сбрил ему бакенбарды, прежде чем тот успел проснуться; другие — что евралийский король с несравненной храбростью бился с бародийским не на жизнь, а на смерть и унес с поля боя его бакенбарды в качестве трофея.

— Вот как! А что вы сказали?

Канцлер посмотрел на него укоризненно.

— Мне кажется, — сказал Меррививг, — я при-

поминаю, что и в самом деле убил его. Вы меня поняли?

— Народ высоко ценит искусство вашего величества биться на мечах.

— Вот именно, — поспешно сказал король. — Итак, все кончено. Мы возвращаемся домой!

Канцлер вышел от короля, в восторге потирая руки.

Возвращение домой

Процитирую (с небольшими изменениями) отрывок из эпической поэмы известной еврали-иской поэтессы Шарлотты Патакейн:

> *С войны возвратился король Мерривиг,*
>
> *Как все его предки, он мудр и велик,*
>
> *Пятьсот человек с ним вернулись со славой:*
>
> *Левой — правой, левой — правой, левой — пра-авой!*

Если говорить точнее, то вернулось всего четыреста девяносто девять человек. Военную потерю составил Генри Коротконос, который остался на вражеской территории. Еще в самом начале войны Главный Хранитель бародийского арсе-

нала застал его за шпионской деятельностью: Генри распластался в траве, выискивая следы на тропинке. Главный Хранитель арсенала, человек добрый, пригласил его к себе в дом, чтобы обсушиться и выпить чего-нибудь согревающего. Он попросил Генри, если шпионская деятельность снова занесет его в эти места, без церемоний заходить прямо к нему. Увидев дочь Главного Хранителя, Генри без ложной гордости принял приглашение и с тех пор частенько заходил к нему поужинать. Когда же война кончилась, он понял, что ему не разорваться. С разрешения короля Мерривига он обосновался в Бародии, а с разрешения Главного Хранителя арсенала начал новую жизнь в качестве семейного человека.

Когда вдали показались башни замка, Меррив иг глубоко вздохнул от счастья. Снова дома! Превратности войны остались позади, в кармане у него лежат военные трофеи, завернутые в папиросную бумагу, впереди его ждет заслуженный отдых. На каждый дорожный столб своей любимой страны он взирал со слезами умиления. Никогда больше не покинет он родную Евралию!

Как славно будет снова увидеть Гиацинту! Бедная малютка Гиацинта все это время была так одинока!

Впрочем, нет: ведь с ней рядом находилась графиня Белвейн, на опытность которой всегда можно было положиться… Белвейн! Не рискнуть ли ему? Думала ли она о нем во время его отсутствия? Гиацинта скоро подрастет и выйдет замуж. Тогда жизнь в Евралии станет для него одинокой, если не… Может быть, все-таки рискнуть?

Кавалькада приблизилась к замку. С крепостных стен в воздух взметнулись носовые платки, загудели трубы, залаяли собаки. Со ступеней дворца спустилась Гиацинта, одетая в голубое расшитое золотом платье, и кинулась в объятия отца.

— Ну, ну, дитя мое! Вот и вернулся твой старый отец. — Он ласково потрепал её по плечу, как будто это она, а вовсе не он, была в опасности. — Сейчас, я только скажу несколько слов моим воинам, а потом мы с тобой сможем все рассказать друг другу.

Он сделал шаг вперед и обратился к народу:

— Народ Евралии! (Крики «Ура!».) Мы вернулись домой после долгой и трудной войны (крики «Ура!») в объятия (громкое «Ура!») матерей, жен и дочерей (бурное, продолжительное «Ура!!!»). Теперь я повелеваю, чтобы все вы вернулись в лоно семейств, и желаю вам найти такой же теп-

лый прием, какой я нашел в своей семье. — Он повернулся и снова обнял свою дочь, украдкой глядя через её плечо в сторону сада Белвейн.

Взрыв аплодисментов, боевой клич Евралии: «Ура, ура Мерривигу!» — и все радостно разошлись по домам. Гиацинта и Меррививг отправились во дворец.

Свинопас его величества

Король Меррививг сидел с королевой Белвейн в её саду. Все утро они посвятили составлению совместного сборника стихов, который готовили к публикации. Книгу открывало, конечно, стихотворение Меррививга:

Бо, болл, билл, балл,
Во, волл, вилл, валл.

Авторское разъяснение обращало внимание читателей на то, что стихотворение можно читать и задом наперед. Остальные стихотворения в основном принадлежали перу Белвейн. Участие в них Меррививга сводилось к оценкам, отпускаемым, когда она читала ему вслух: «Великолепно!» или: «Мне это нравится!»

— Вас хочет видеть какой-то человек, ваше величество, — внезапно доложил лакей.

— Что за человек?

— Да просто какой-то человек, ваше величество.

— Примите его здесь, мой дорогой. — Белвейн поднялась. — У меня во дворце масса дел.

Она удалилась, а лакей ввел незнакомца, у которого оказалась приятная внешность, круглая его физиономия была гладко выбрита. В его костюме было что-то сельскохозяйственное.

— Ну? — спросил Мерривиг.

— Я хотел бы наняться в свинопасы к вашему величеству, — сказал незнакомец.

— Что вы знаете о свинопасении?

— У меня врожденная склонность к этому труду, ваше величество, хотя мне никогда еще не приходилось пасти свиней.

— Точно как у меня! Что ж, дайте подумать, — как вы…

— Вы что, собираетесь меня немного проэкзаменовать, ваше величество?

— Естественно. Я…

— Умоляю вас, не надо! Ради всего святого, не донимайте вы меня своими вопросами! — Он выпрямился и ударил себя кулаком в грудь. — У меня призвание пасти свиней, этого достаточно!

Мерривигу начинал нравиться этот человек:

ведь и у него самого было точно такое же ощущение.

— Однажды мне довелось беседовать о технологии этой работы с одним свинопасом, — сказал он мечтательно, — и мы обнаружили, что между нами много общего. Это занятие пробуждает вдохновение.

— Так же точно было и со мной, — обрадовался незнакомец, — тогда я и открыл в себе свое истинное призвание.

— Как странно! А вы знаете, мне почему-то знакомо ваше лицо!

Незнакомец решил раскрыть все карты.

— Этим лицом я обязан вам, — сказал он просто.

Мерривиг был поражен этим заявлением.

— Короче, — пояснил посетитель, — я бывший король Бародии.

Мерривиг схватил его за руку:

— Дорогой мой! Милый вы мой, ну конечно! Боже мой, теперь все ясно! И — смею заметить — вы так переменились к лучшему! Я и в самом деле ужасно рад вас видеть. Вы должны мне обо всем рассказать. Но сначала немного перекусим.

При слове «перекусим» бывший король Пародии совсем потерял самообладание, и только

благодаря тому, что Мерривиг с приветственными восклицаниями дружески похлопал его по спине, а позднее — благодаря самой закуске ему удалось удержаться от слез.

— Дорогой друг, — сказал гость, в последний раз вытирая губы, — ведь вы меня спасли.

— Но что все это значит? — растерялся Мерривиг.

— Слушайте же, я расскажу вам!

И он рассказал о знаменательном решении, к которому пришел тем памятным утром, когда проснулся и обнаружил, что лишился бакенбард. Теперь было бессмысленно оставаться королем в Пародии, и он горел желанием стать свинопасом и самому зарабатывать себе на хлеб.

— У меня есть к этому талант, — сказал он жалобно. — Инстинктивное тяготение. Я знаю, что это так, что бы там ни говорили, — а мне говорили ужасные вещи. Я был уверен в своем ощущении, тут не могло быть ошибки.

— Да?

— О, надо мной просто издевались! Задавали мне всякие нелепые вопросы, как будто в чем-то хотели уличить. Спрашивали, чем кормить свиней, и прочее. Великие принципы свиноведения, то, что я назвал бы искусством свинопасения,

общая теория свиноведения в самом широком понимании — все это для них ничто. Надо мной смеялись, награждали пинками и подзатыльниками и гнали умирать с голоду.

Мерривиг сочувственно потрепал его по плечу и настойчиво предложил отведать чего-нибудь еще.

— Я обошел всю Пародию. Никто не хотел брать меня на работу. Это так ужасно, дорогой Мерривиг, когда начинаешь терять веру в себя. Я вынужден был наконец внушить себе, что в Пародии какие-то особенные свиньи, не такие, как в других странах. Последняя надежда на Евралию: если и отсюда меня прогонят, я, по крайней мере, буду знать, что…

— Постойте, — сказал Мерривиг, осененный внезапной догадкой. — Кто был тот свинопас, с которым вы говорили?

— Я говорил со многими, — грустно сказал его собеседник. — Все они издевались надо мной.

— Нет, тот, самый первый, который обнаружил у вас это призвание. Разве вы не сказали, что…

— А-а, самый первый. Это было в начале нашей с вами войны.

Помните, вы мне говорили, что у вашего свинопаса есть плащ-невидимка? Вот он и…

Мерривиг грустно посмотрел на него и покачал головой.

— Бедный мой друг, — сказал он. — Это был я.

Они серьезно уставились друг на друга. Оба перебирали в памяти все подробности той знаменательной встречи.

— Да, — пробормотали они в один голос, — это были мы.

Король Бародии вспомнил те горькие месяцы, которые последовали за его отречением; он содрогнулся при мысли о том, что говорил другим, — то, что говорили ему, теперь потеряло значение.

— Так я даже не свинопас, — сказал он.

— Ничего, ничего, — пытался утешить его Мерривиг. — Во всем есть светлая сторона: ведь вы всегда можете снова стать королем.

Бывший король Бародии покачал головой.

— Это крушение для человека, обладающего хоть какой-то гордостью, — сказал он. — Буду заниматься своим делом. После того что я выслушал за эти несколько недель, я по крайней мере вижу, что мои знания не так уж бесполезны, а это уже кое-что.

— Так оставайтесь у меня, — сердечно предложил Мерривиг. — Мой свинопас научит вас

ремеслу, и вы сможете занять его место, когда он удалится на покой.

— Вы это серьезно?

— Конечно. Мне приятно, что вы будете поблизости. Вечерами, когда свинки уснут, вы сможете заходить поболтать со мной.

— Благодарю вас! — воскликнул новоявленный подпасок. — Да благословит вас бог, ваше величество!

И они ударили по рукам.

С. МОЭМ

ПРИНЦЕССА СЕНТЯБРЬ

С. МОЭМ
Принцесса Сентябрь

Первыми у короля Сиама родились две дочери, и он назвал их Ночь и День. Потом родились еще две, и тогда он изменил имена первым, назвав всех четверых по временам года: Весна, Осень, Зима и Лето. Шло время, у короля родились три новые дочери, и он снова изменил имена, на этот раз назвав всех по дням недели. Когда родилась восьмая, король поначалу растерялся, не зная, что делать, но затем вспомнил о месяцах. Королева пыталась возражать, она говорила, что, во-первых, месяцев всего двенадцать, и во-вторых, ей очень трудно запомнить столько новых имен. Но король отмел все возражения. Он во всем обожал систему и раз приняв какое-то решение, отменить его уже не мог. Он снова изменил имена всем дочерям и назвал их Январь, Февраль, Март (разумеется, все это на сиамском) я так до самой младшей, которую назвали Август. А следующая стала Сентябрем.

— У нас в запасе осталось только три имени: Октябрь, Ноябрь и Декабрь, — предупредила королева. — А потом придется все начинать

сначала.

— Не придется, — ответил король. — По-моему, любому мужчине хватит двенадцати дочерей, и поэтому после рождения прелестной крошки по имени Декабрь я буду вынужден скрепи сердце отрубить тебе голову, дорогая.

Произнеся свой приговор, он горько разрыдался, поскольку любил королеву до чрезвычайности. Она со своей стороны тоже расстроилась, зная, как сильно опечалит короля ее смерть. Да и ей было бы не очень приятно. Все, однако, разрешилось наилучшим образом и тревожиться стало не о чем: принцесса Сентябрь была их последней дочерью. После нее у королевы рождались только сыновья, и их решили называть по буквам алфавита, чтобы на возможно долгий срок избавиться от подобной проблемы. Этого хватило: за все время королева дошла только до буквы И.

Из-за частой смены имен характер королевских дочерей сильно испортился, особенно у старших, которым пришлось их менять чаще других. Лишь принцесса Сентябрь оставалась мягкой и отзывчивой, ведь ее никогда никак по-другому не называли (конечно, я не говорю о ее сестрах, которые из-за своей испорченности обзывали ее по всякому).

У короля Сиама был один обычай, который, на мой взгляд, недурно было бы перенять и у нас в Европе. В свой день рождения он не принимал подарки, а раздавал их. И это, похоже, ему нравилось, поскольку он частенько выражал сожаление, что родился только однажды и поэтому имеет только один день рождения в году. Но и за эти единственные дни он постепенно умудрился раздарить все и свои свадебные подарки, и подарки, поднесенные ему мэрами сиамских городов, и все старые, вышедшие из моды короны. Наконец настал день, когда все безделушки кончились и дарить стало нечего. Тогда он вручил каждой из девяти дочерей по зеленому попугаю в красивой золотой клетке. На каждой было название месяца, и она принадлежала принцессе с соответствующим именем. Принцессы чрезвычайно гордились своими попугаями и каждый день ровно один час (а они тоже, подобно своему отцу, во всем любили систему) обучали их говорить. Через некоторое время попугаи научились произносить «Боже, Храни Короля» (причем на сиамском, что очень трудно), а некоторые из них могли сказать «Попка дурак» по крайней мере на семи восточных языках.

Но вот однажды, когда принцесса Сентябрь

пошла пожелать своему попугаю доброго утра, она нашла его мертвым на дне золотой клетки. Принцесса не сразу поняла, что случилось, но, поняв, разразилась потоками слез, и никакие слова камеристок не могли ее утешить. Она так рыдала, что те, не зная, что делать, обратились к королеве, а королева назвала это все вздором и капризом и велела уложить девочку слать без ужина. Что камеристки и сделали с радостью и большой поспешностью, поскольку опаздывали на бал. Принцесса осталась одна и, лежа в постели, плакала не переставая, даже несмотря на голод. И тут она увидела, как в комнату впорхнула какая-то птичка. Принцесса вынула палец изо рта и села. Птичка запела и исполнила чудеснейшую песнь об озере в королевском саду, о плакучих ивах, глядящих в его неподвижную гладь, о золотых рыбках, скользящих в воде меж отражениями веток. Когда песня кончилась, девочка уже не плакала и совершенно забыла, что голодна.

— Ты прекрасно поешь, — сказала она.

Птичка церемонно поклонилась. Как и все настоящие артисты, она была хорошо воспитана и умела принимать знаки признания.

— Хочешь я буду у тебя вместо попугая? — предложила она. — Конечно, внешне я не так красива,

но зато я намного лучше пою.

От радости и восторга принцесса захлопала в ладоши, и тогда птичка вспорхнула на спинку кровати и спела девочке колыбельную.

Наутро, едва принцесса открыла глаза, она увидела свою новую подружку, которая все еще сидела на спинке кровати.

— Доброе утро, — приветствовала ее птичка.

Когда подали завтрак, принцесса с руки покормила птичку зернами риса и, налив в блюдце воды, дала ей попить и там же поплескаться. На это фрейлины заметили, что неприлично пить оттуда, где купаешься, но принцесса ответила, что у артистов свои причуды. Подкрепившись, птичка запела снова, да так восхитительно, что фрейлины от изумления пораскрывали рты: никогда в жизни они не слышали ничего подобного. Принцесса была на седьмом небе от счастья.

— А теперь я хочу показать тебя своим восьмерым сестрам, — сказала она.

Она вытянула указательный палец правой руки, и птичка взлетела и села на нем, как на жердочке. Тогда, сопровождаемая фрейлинами, принцесса обошла по очереди всех сестер, начиная, конечно же, с Января — она хорошо усвоила правила этикета — и кончая Августом. И каждой

принцессе маленькая певунья пела новую песню. А попугаи могли говорить только «Боже, Храни Короля» да «Попка дурак». Последними птичку показали королю с королевой, которые сначала страшно удивились, а затем пришли в полный восторг.

— Я так и знала, что тебя следовало отправить спать без ужина, — сказала королева.

— Эта кроха поет много лучше попугаев, — сказал король.

— Тебе, видно, уже надоело слушать, как со всех сторон говорят «Боже, Храни Короля», — заметила королева. — Не понимаю, почему все принцессы обучили своих попугаев именно этим словам.

— Чувства, которые ими двигали, достойны всяческого одобрения, — ответил король, — и сколько бы раз я ни слышал эти слова, они мне никогда нс надоедят. Но вот это бесконечное «Попка дурак» уже действует мне на нервы.

— Но ведь они говорят это на семи языках! — запротестовали принцессы.

— Так-то оно так, — согласился король, — но они слишком напоминают мне моих советников. Те тоже одну мысль выражают семью разными способами, но, как ни верти, глупость глупостью и остается.

Восемь принцесс были весьма раздосадованы, что, впрочем, неудивительно, если вы вспомните про их испорченный характер, а попугаи угрюмо насупились. Только принцесса Сентябрь радостно бегала по дворцу, заливаясь жаворонком, а птичка кругами вилась вокруг ее головы, заливаясь соловьем. Да это ведь и был соловей.

Так продолжалось несколько дней, а потом восемь принцесс, подумав, решили действовать. Придя к своей младшей сестре, они уселись вокруг нее кружком, поджав, как и подобает сиамским принцессам, ноги, и начали:

— Бедная сестрица, мы так тебе сочувствуем, что умер твой прекрасный попугай. Так тяжело, наверно, остаться без своего любимца. Мы решили на свои карманные деньги купить тебе нового, желто-зеленого.

— Благодарю покорно, — рассмеялась принцесса Сентябрь. Это было не очень-то вежливо с ее стороны, но сиамские принцессы иногда себе такое позволяли. — У меня уже есть любимая птичка, она поет мне удивительные песни, и теперь я просто не представляю, что бы я делала с попугаем.

Принцесса Январь презрительно фыркнула, за ней фыркнула принцесса Февраль, Март и все

остальные тоже, в порядке строгой очередности. Когда кончила последняя, принцесса Сентябрь спросила:

— Что это вы расфыркались? Вы что, дружно простудились?

— Но, дорогая, — ответили принцессы, — это же глупо называть птицу своей, если она прилетает и улетает когда ей вздумается.

Они оглядели комнату и так высоко вскинули брови, что лба стало просто не видно.

— У вас на лице могут появиться морщины, — предупредила Сентябрь.

— Позволь задать тебе один вопрос: где твоя птичка?

— Отправилась в гости к отчиму.

— А с чего ты взяла, что она вернется?

— Она всегда возвращается.

— Дорогая, — сказали все восемь принцесс разом, — мы хотим дать тебе совет, и если ты его послушаешься, то обезопасишь себя от всяких неприятностей. Если она действительно вернется, а в этом случае, по нашему мнению, тебе просто повезет, так вот, если она вернется, посади ее в клетку и не выпускай. И после этого можешь слать спокойно.

— Но мне нравится смотреть, как она порхает

по комнате, — не давалась Сентябрь.

— Безопасность — прежде всего, — зловеще ответил хор принцесс.

После этого они поднялись и, покачивая головами, вышли, оставив младшую сестру в замешательстве. Ей вдруг подумалось, что ее соловей пропадает неизвестно где, причем очень давно, она и понятия не имеет, что он сейчас делает. А вдруг с ним случилось несчастье? Вдруг он попался в когти ястребу? Или угодил в силок? От охотников всего можно ждать. А может, он просто забыл ее и полюбил кого-то другого? О, это было бы ужасно! Нет, она хочет, чтобы он был дома и в безопасности, а самое надежное место — в золотой клетке, благо она пуста. После смерти попугая клетка оставалась на старом месте.

Неожиданно над самым ухом принцессы раздалось «фью-ить-фьюить», и она увидела, что соловей сидит у нее на плече. Он прилетел и опустился так тихо, что она этого даже не заметила.

— С тобой ничего не случилось? — взволнованно начала принцесса. — Где ты пропадал?

— Я так и думал, что ты будешь беспокоиться, поэтому-то и прилетел, — ответил соловей. — А вообще-то я мог сегодня и не вернуться. Мой тесть устраивал вечеринку и очень просил меня остаться.

В данной ситуации эти слова соловья оказались

весьма некстати.

Принцесса почувствовала, как заколотилось ее сердце, и окончательно решив больше не рисковать, накрыла птицу ладонью и взяла в руку. Она делала так и раньше, ей нравилось ощущать, как часто-часто стучит его сердечко, а ему, наверно, нравилось тепло ее руки. Поэтому и сейчас он ничего не заподозрил, и, когда она поднесла его к клетке, посадила внутрь и захлопнула за ним дверцу, он от удивления на несколько секунд потерял дар речи. Но потом вспорхнул на жердочку из слоновой кости и воскликнул:

— Что это за шутки?

— Никакие это не шутки, — ответила Сентябрь. — Здесь кругом разгуливают мамины коты, и я решила, что так тебе будет намного безопаснее.

— И чего ради королева возится с этими котами, не пойму! — возмутился солоней.

— Понимаешь, это не совсем обычные коты, — объяснила девушка. — У них голубые глаза, а кончик хвоста крючком.

Они — принадлежность королевской семьи, если тебе понятно, что это значит.

— Конечно, понятно, — ответил соловей. — Но почему ты посадила меня в клетку без предупре-

ждения? Мне здесь совсем не нравится.

— Я всю ночь не сомкнула бы глаз, ведь я не уверена, что с тобой ничего не случится.

— Ну, тогда один раз я готов потерпеть, но утром ты меня выпустишь.

Решив так, соловей поужинал и начал петь, но вдруг остановился на полуноте.

— Даже не знаю, что со мной происходит, — сказал он, но мне почему-то не хочется петь.

— Не хочется так не хочется, — согласилась принцесса, — тогда давай спать.

Соловей сунул голову под крыло и спустя несколько мгновений уже спал. Принцесса тоже легла. Но уже на рассвете ее разбудил громкий пронзительный голос:

— Проснись, проснись скорее, принцесса, открой дверцы клетки и выпусти меня. Мне хочется размять крылья, пока на лепестках еще лежат капельки росы.

— Тебе будет лучше остаться там, где ты есть, — возразила принцесса. — У тебя самая красивая в мире золотая клетка. Ее сделал искуснейший в папином королевстве мастер. Когда папа ее увидел, он был настолько восхищен, что приказал отрубить мастеру голову, чтобы он никогда и никому не сделал ничего подобного.

— Выпусти меня, выпусти меня, — стонал соловей.

— Три раза в день мои фрейлины будут давать тебе еду, с самого утра и до позднего вечера не надо будет ни о чем беспокоиться, и ты сможешь свободно петь все, что у тебя на душе.

— Выпусти меня, выпусти меня, — все стонал соловей.

Он пытался пролезть между прутьями клетки, но, конечно же, не сумел, пытался выбить грудью дверь, но, конечно, не смог и этого. Скоро пришли восемь принцесс и окружили клетку. Они дружно похвалили Сентябрь за то, что она прислушалась к их совету, и уверили ее, что через день-другой птица совершенно забудет о былой свободе. Пока они не ушли, соловей нс проронил ни звука, но, как только за ними закрылась дверь, застонал снова:

— Выпусти меня, выпусти меня.

— Не упрямься и не дури, — стояла на своем принцесса, — я ведь посадила тебя в клетку только потому, что очень тебя люблю, И лучше знаю, что для тебя хорошо, а что плохо. Спой мне одну из твоих чудных песен, а я дам тебе кусочек сахара.

Но соловей лишь молча сидел в углу клетки, устремив взгляд в небо, и за целый день не спел

ни одной, даже простенькой, мелодии.

— Ну чего ты дуешься? — недоумевала принцесса. — Начни петь, и твоя печаль пройдет.

— Как же мне петь? — отвечал соловей. — Чтобы петь, я должен видеть деревья, озеро, зеленые ростки риса в полях.

— Если этого тебе достаточно, я понесу тебя на прогулку, — решила принцесса.

И взяв в руки клетку, она прошла к озеру, вокруг которого росли ивы, потом остановилась на краю рисового поля, тянущегося до горизонта.

— Я буду носить тебя на такие прогулки каждый день, — сказала принцесса. — Я тебя люблю и хочу лишь одного: чтобы ты был счастлив.

— Это совсем не одно и то же, — отвечал соловей, — видеть все с воли или из клетки. Из-за решетки и озеро, и ивы, и поля выглядят совсем по-другому.

Вернувшись домой, принцесса предложила соловью обед, но он к нему даже не притронулся. Это встревожило девушку, и она обратилась к сестрам за советом.

— Тебе следует проявить твердость, — ответили те.

— Но если он не будет есть, он же умрет, — пыталась спорить принцесса Сентябрь.

— Это было бы верхом неблагодарности с его стороны, — убеждал ее дружный хор. Должен же он понимать, что ты думаешь о его же благе. Если он и умрет из-за собственного упрямства, то это послужит ему хорошим уроком, да и ты избавишься от такого добра.

Принцесса Сентябрь не очень-то поняла, чем же выгоден ей такой поворот дела, но сестер было восемь, и все ее старше, так что она не стала с ними спорить.

— Что ж, может, к завтрашнему дню он привыкнет, — только и сказала она.

На следующее утро принцесса первым делом радостно окликнула соловья, но ответа не получила. Спрыгнув с кровати, она бросилась к клетке и в отчаянии вскрикнула: ее соловей с закрытыми глазами лежал на боку на дне клетки совсем как мертвый. Девушка открыла дверцу и, взяв его в руку, облегченно вздохнула, почувствовав слабые удары сердечка.

— Проснись, соловушка, проснись! — причитала она.

Она стала плакать, и ее слезы закапали на соловья. Он открыл глаза и увидел, что решетки вокруг него больше нет.

— Если у меня нет свободы, я не могу петь, а

если я не могу петь, я умираю, — произнес он.

Принцесса всхлипнула.

— Получай свою свободу, — сказала она. — Я посадила тебя в золотую клетку потому, что сильно любила и хотела, чтобы ты принадлежал только мне. Но мне и в голову не приходило, что клетка может тебя убить. Ступай. Летай среди деревьев, что растут вокруг пруда, летай над зелеными рисовыми полями. Я безумно люблю тебя и поэтому отпускаю — выбирай сам, в чем твое счастье.

Она распахнула окно и нежно положила соловья на подоконник. Он немного встрепенулся.

— Ты волен прилетать и улетать когда пожелаешь, и я никогда больше не посажу тебя в клетку, — пообещала она.

— Я вернусь, моя принцесса, потому что я тоже люблю тебя, — сказал соловей, — и спою тебе свои лучшие песни. Я буду улетать далеко-далеко, но каждый раз я буду возвращаться и никогда тебя не забуду. — Он еще раз встряхнулся и удивленно воскликнул: — Боже мой, до чего же у меня затекли все мышцы.

Расправив крылья, он взмыл в воздух, а принцесса, видя, как он исчезает в голубой дали, вдруг почувствовала себя бесконечно одинокой и разрыдалась. Это очень трудно-решиться думать

сначала о счастье своего возлюбленного, а лотом уже о своем. Узнав о случившемся, сестры подняли принцессу Сентябрь на смех, предсказывая, что больше она свою птицу не увидит. Но в конце концов соловей вернулся. Он сидел на плече девушки, ел с ее руки и спел ей множество удивительных песен, которые узнал во время странствий по миру. С тех пор она ни днем ни ночью не закрывала свое окно, чтобы ее соловушка мог прилетать и улетать когда захочет, и это очень пошло на пользу ее красоте. И когда ей настало время выходить замуж, она вышла за короля Камбоджи и весь путь до его города проделала на белом слоне. А ее сестры окон не открывали, и в придачу к своему сварливому характеру стали совершенными замухрышками, и, когда пришла пора выдавать их замуж, их всех отдали за королевских советников с фунтом чая и сиамским котом в приданое.

Д. ТОЛКИН

ФЕРМЕР ДЖАЙЛС ИЗ ХЭМА

или, на простонародном языке,
Возвышение и удивительные приключения
фермера Джайлса,
господина Ручного Ящера,
графа Ящерного
и короля Малого Королевства

Д. ТОЛКИН
Фермер Джайлс из Хэма, или, на простонародном языке, Возвышение и удивительные приключения фермера Джайлса, господина Ручного Ящера, графа Ящерного и короля Малого Королевства

ПРЕДИСЛОВИЕ

До наших дней дошли всего лишь немногочисленные отрывочные сведения об истории Малого Королевства; но, по чистой случайности, сохранились данные относительно его происхождения: вероятно, они скорее легендарные, чем достоверные, ибо эти данные, очевидно, представляют собой более позднюю компиляцию, изобилующую чудесами.

Источник этой компиляции следует искать не в достоверных документах, но в народных песнях, на которые часто ссылается автор. Для него события, о которых он повествует, происходят в далеком прошлом, — тем не менее, можно

подумать, что он сам жил на территории Малого Королевства. Он проявляет точное знание географии (хотя эта наука не является его сильной стороной), касающееся только данной страны, и в то же время оказывается в полном неведении относительно земель, лежащих к северу или к западу от нее.

Оправданием для перевода этой любопытной истории с весьма скудной латыни на современный язык Соединенного Королевства может служить то обстоятельство, что они дает некоторое представление о жизни Британии в темный период её истории, не говоря уже о том, что она проливает свет на происхождение некоторых труднообъяснимых названий данной местности.

Возможно, некоторые читатели найдут, что характер и приключения главного героя интересны сами по себе.

Границы Малого Королевства как во времени, так и в пространстве нелегко определить по тем скудным сведениям, которыми мы располагаем. С тех пор как в Британии высадился Брут[49], здесь сменилось множество королей и царств. Разделение на Локрин, Камбр и Альбанак было

[49] Примечания: 49

Брут - согласно легенде, внук Энея, героя Троянской войны, мифический родоначальник бриттов и основатель Лондона.

только первым из многих последующих переделов. Так что из-за пристрастия мелких государств к независимости, с одной стороны, и стремления королей постоянно расширять свои владения, с другой, многие годы проходили в частой смене войны и мира, радостей и горестей, — именно так рассказывают нам историки[50] о царствовании короля Артура[51]. Это было время неустановленных границ, когда люди имели возможность внезапно возвыситься — или пасть, а менестрели располагали весьма богатым материалом для своих песен и полной энтузиазма аудиторией. Вот к этим-то давним годам, вероятно после царствования короля Коля, но до короля Артура и Семи Английских королевств[52], нам следует отнести события, изложенные здесь; местом же действия является долина Темзы с экскурсом к северо-западу, к пределам Уэльса.

Столица Малого Королевства, очевидно, нахо-

---

[50] Примечания: 50

Под историками «издатель» рукописи имеет в виду Гальфрида Монмутского, автора «Истории бриттов» (1139).

[51] Примечания: 51

Король Артур-король бриттов примерно V-VI веках, герой многих легенд и сказаний.

[52] Примечания: 52

Имеются в виду семь королевств, на которые после смерти Артура распалась его держава.

дилась, как и наша, в юго-восточной части, но протяженность его рубежей мы представляем себе смутно. Вероятно, они никогда не простирались далеко ни к западу по верхнему течению Темзы, ни к северу от Отмура; нельзя с уверенностью определить и восточную границу. В дошедших до нас отрывках легенды о Джордже, сыне Джайлса, и о его паже Суоветаври-диусе (он же Суэт) имеются указания на то, что одно время аванпост против Среднего Королевства находился в Фартингоу. Но эта подробность не имеет никакого отношения к нашей истории, которая далее и предлагается читателю без изменений и без дальнейшего комментария, хотя пышный заголовок оригинала для удобства сокращен до простого: «Фермер Джайлс из Хэма».

* * *

Жил в средней части острова Британия человек, которого звали Эгидиус де Хэммо. Полностью его имя звучало так: Эгидиус Агенобарбус Юлиус Агрикола де Хэммо. Ведь в те давно прошедшие времена именами людей наделяли щедро, а остров еще был благополучно разделен на множество королевств. Время тогда тянулось медленно, а людей было меньше, поэтому большинство из

них было чем-нибудь примечательно. Однако те годы давно миновали, и я в моем повествовании буду называть этого человека коротко, как это принято у простых людей. Итак, звали его фермер Джайлс из Хэма, и была у него рыжая борода. Жил он в деревне, но в те времена деревни еще сохраняли свою независимость, а их жители были люди гордые.

Была у фермера Джайлса собака. Звали её Гарм. Собакам приходилось довольствоваться короткими именами, взятыми из местных наречий: книжную латынь приберегали для благородных. Гарм не владел даже вульгарной латынью, зато, как и большинство собак того времени, он умел пользоваться грубым простонародным языком, чтобы задираться, хвастаться и подольщаться. Задирал он нищих и прохожих, которым случалось забрести на чужую землю; хвастал перед другими собаками, а подольщался и подлизывался к своему хозяину. Гарм гордился Джайлсом и в то же время боялся его: ведь фермер умел задираться и хвастать еще почище.

Время тогда текло без всякой. спешки или суеты. Ведь суета к делу не имеет никакого отношения. Люди спокойно делали свое дело, они успевали и потрудиться, и потолковать. А потол-

ковать тогда было о чем, потому что памятные события случались часто. Но к моменту начала этой истории в Хэме давно уже не происходило никаких памятных событий. И это вполне устраивало фермера Джайлса: человек он был медлительный, поглощенный своими делами, привычки его давно устоялись. По его словам, у него был хлопот полон рот, он постоянно заботился о хлебе насущном, а вернее, о собственном удобстве и благополучии, как до него его отец. Гарм помогал хозяину. Никто из них и думать не думал о том большом мире, который простирался за их землями, за деревней и за ближайшим рынком.

А этот большой мир существовал. Неподалеку от деревни находился лес, а к западу и к северу располагались Дикие Горы и гибельные болота горной страны. Там происходило много удивительного, например разгуливали великаны, грубые, неотесанные, а порой и опасные. Особенно один, который был больше и глупее остальных. Я не нашел в исторических хрониках его имени, но это неважно. Был он громадный, разгуливал тяжелой поступью и всегда носил палку величиной с дерево. Вязы, попадавшиеся ему на пути, он приминал, точно высокую тра-

ву, дороги он разрушал, сады опустошал: ведь его ножищи протаптывали ямы, глубокие, как колодцы. Наступит нечаянно на какой-нибудь дом — тут и дому конец. Куда бы он ни шел, он сокрушал все на своем пути, потому что голова его возвышалась над всеми крышами и ничуть не заботилась о том, что творят ноги. Кроме того, он страдал близорукостью и был туг на ухо. К счастью, жил он далеко, в Диком Краю, и лишь случайно забредал в населенные людьми земли. Далеко в горах стоял его полуразрушенный дом, но мало кто дружил с великаном — по причине его глухоты и глупости, да и великанов кругом было мало. Он имел обыкновение разгуливать сам по себе в Диких Горах и в безлюдных районах у их подножия.

Однажды в погожий летний денек этот великан вышел погулять. Он бесцельно бродил, производя в лесах великие разрушения. Вдруг он заметил, что солнце уже садится — значит, приближается время ужина. Тут-то он и обнаружил, что заблудился и попал в совершенно незнакомую местность. Он все шел и шел неведомо куда, пока совсем не стемнело. Тогда он присел и стал ждать, когда взойдет луна. Затем пошел дальше при лунном свете — большими шагами, потому

что хотел скорее попасть домой. Там у него на огне был оставлен лучший медный котел, и великан боялся, что дно прогорит. Но горы остались позади, и он уже вступил в населенные людьми земли. Он бродил теперь в окрестностях фермы Эгидиуса Агено-барбуса Юлиуса Агриколы возле деревни, в просторечии называвшейся Хэм.

Ночь выдалась ясная. Коровы паслись в поле, а пес фермера убежал по своим делам. Гарм любил лунный свет и кроликов. У него, разумеется, и в мыслях не было, что великан тоже вышел на прогулку. Тогда он, конечно, имел бы основание уйти со двора без разрешения, но еще больше оснований у него было бы остаться дома и притаиться на кухне. Великан вступил на поле фермера Джайлса около двух часов ночи.

Он сломал изгородь, стал топтать посевы и мять скошенную траву. За пять минут он навредил больше, чем королевская охота за пять дней.

Гарм услышал чью-то тяжелую поступь на берегу: ТОП… ТОП… ТОП, — и помчался к западному склону пригорка, на котором стоял дом: он хотел узнать, что происходит. Вдруг он заметил великана, который шагал прямо через реку и наступил ногой на Галатею, любимую Джайлсову корову. Корова расплющилась, точно черный

таракан под ногой фермера. Для Гарма это было уже слишком. Он взвыл от ужаса и стремглав бросился домой. Он даже позабыл, что бегал гулять без разрешения: примчался под окно хозяйской спальни, завыл и залаял. Ему долго не отвечали: не так-то легко было разбудить фермера Джайлса.

— Караул! Караул! — лаял Гарм.

Окно вдруг распахнулось, и оттуда вылетела пустая бутылка.

— У-у-у! — Пес привычно увернулся. — Караул! Караул!

Тут из окна высунулась голова фермера:

— Проклятый пес! Ты что это вытворяешь?

— Ничего, — ответил Гарм.

— Я тебе покажу — ничего! Погоди, вот я утром шкуру с тебя спущу! — пригрозил фермер, захлопывая окно.

— Караул! Караул! — не унимался пес.

Джайлс снова высунулся из окна.

— Будешь еще шуметь — убью! — пообещал он. — Что это с тобой приключилось, дурак ты этакий?

— Со мной-то ничего, — отвечал пес, — а вот с тобой кое-что приключилось.

— Ты это о чем? — Джайлс несколько опешил,

несмотря на всю свою ярость: никогда прежде Гарм с ним так дерзко не разговаривал.

— Великан по твоим полям бродит, громадный великан, прямо сюда идет, — сообщил пес. — Караул! Овец твоих топчет. На бедняжку Галатею наступил, и она теперь плоская, точно коврик у двери. Караул! Все твои изгороди сокрушил и вытаптывает твой урожай. Поживей — и смелей, хозяин, иначе у тебя ничего не останется! Кара-у-у-ул! — Гарм завыл.

— Заткнись! — Фермер захлопнул окно. — Господи боже! — сказал он про себя, весь дрожа, хотя ночь выдалась теплая.

— Ложись-ка снова спать, не будь дурнем, — посоветовала жена. — А утром утопи ты эту собаку. Собака лает — ветер носит, они что угодно наговорят, когда попадутся на бродяжничестве или на воровстве.

— Может, и так, Агата, — сказал он, — а может, и не так. Но что-то в поле действительно происходит, если Гарм собака, а не кролик. Очень уж он перепугался. С чего бы ему явиться сюда и поднять шум, ведь он мог тихонько прошмыгнуть через заднюю дверь, а утром получил бы свое молоко!

— Не трать времени на споры, — посоветовала

жена. — Раз уж веришь псу, так выполняй его совет: поживей, да смелее!

— Сказать-то легче, чем сделать, — поежился фермер. Ведь он не совсем поверил Гарму. Не очень хотелось верить в великанов среди ночи.

Но собственность есть собственность; и фермер Джайлс не особенно церемонился с теми немногими бродягами, которые забредали в его владения. Он натянул штаны, пошел на кухню и снял со стены мушкетон[53]. Вы, может, спросите, что это такое. Говорят, именно такой вопрос однажды задали четверым ученым клирикам из Оксенфорда[54], и они, немного подумав, ответили: «Мушкетон — это короткоствольное ружье с широким раструбом, стреляет на небольшом расстоянии сразу несколькими пулями; из такого ружья можно попасть, не особенно тщательно прицеливаясь. (Ныне в цивилизованных странах вытеснен другими видами огнестрельного оружия.)»

Как бы то ни было, мушкетон фермера Джайлса

---

[53] Примечания: 53

Огнестрельное оружие появилось в Европе много позже описываемых событий.

[54] Примечания: 54

Четыре ученых клирика-это издатели «Оксфордского словаря английского языке» (изд. 1933 г.).

действительно заканчивался широким раструбом, наподобие рога, а стрелял он не пулями, но всем, чем только его ни заряжали. Однако мушкетон не поразил еще ни одной цели, потому что фермер заряжал его редко, а уж затвор и вовсе никогда не спускал. Страна эта не была еще цивилизована, и пока ничто не вытеснило мушкетона: только этот вид огнестрельного оружия там и имелся, да и то попадался редко. Люди предпочитали лук со стрелами, а порох чаще использовали для фейерверка.

Итак, фермер Джайлс снял со стены мушкетон и зарядил его порохом на тот случай, если понадобятся крайние меры, а в широкий конец напихал гвоздей, обрывков проволоки, глиняных черепков, костей, камешков и прочее. Потом натянул высокие сапоги, куртку — и вышел через огороды.

Луна висела низко-низко, он видел только длинные черные тени кустов и деревьев, но слышал ужасный топот.

ТОП… ТОП… ТОП — доносилось со склона пригорка. Что бы ни говорила Агата, не хотелось ему действовать ни живей, ни смелей, но о своей собственности он тревожился гораздо больше, чем о своей шкуре. И вот, чувствуя странную пустоту в

желудке, он направился к вершине пригорка.

Тут над пригорком показалось лицо великана, бледное в лунном свете, мерцающем в его огромных круглых глазах. Ноги его были еще далеко внизу, вытаптывая поля на склоне. Лунный свет бил великану в глаза, и он не замечал фермера, зато фермер Джайлс прекрасно его разглядел и перепугался до полусмерти. Не долго думая, он дернул затвор — и мушкетон с оглушительным треском разрядился. К счастью, он был более или менее нацелен в безобразное лицо великана. Вылетело все, чем фермер набил ствол: камешки, кости, черепки, обрывки проволоки, гвозди. Поскольку расстояние в самом деле было небольшим, то случайно, а не по воле фермера, много чего попало прямо в великана: один черепок угодил ему в глаз, а большой гвоздь проткнул нос.

— Проклятие! — воскликнул великан со свойственной ему грубостью. — Меня кто-то ужалил!

Выстрела он и не услышал (он же был глухой!), а вот гвоздь ему не понравился. Давно уже ни одно насекомое не могло прокусить его толстую кожу, но он слыхал, что где-то на востоке, на болотах, водятся стрекозы, которые кусаются, точно клещи.

— Гнилая здесь местность, это точно, — сказал

он. — Не пойду я сегодня дальше.

Он подобрал парочку овец, чтобы съесть их дома, и отправился назад через реку, огромными шагами двигаясь к западу. Теперь он нашел дорогу домой, но дно котла совсем прогорело.

А фермер Джайлс, которого выстрел опрокинул на землю, лежал на спине, глядя в небо, и ждал, что великан, проходя мимо, наступит на него. Но ничего подобного не случилось, и он услышал, как топот замирает вдали:

ТОП…
топ…
топ.

Тогда он поднялся, потер плечо и подобрал мушкетон. И вдруг услышал крики толпы, которая его приветствовала.

Оказалось, что большая часть населения Хэма смотрела в окна, а некоторые оделись и вышли (после того как великан удалился). Теперь они с криками взбегали на пригорок.

Как только жители деревни услышали ужасный топот великана, многие тут же поплотнее закутались в одеяла, а кое-кто залез под кровать. Но Гарм и гордился своим хозяином, и боялся его. Он считал, что хозяин в гневе и ужасен, и велико-

лепен, и был убежден, что великан подумает то же самое. И когда он увидел, что Джайлс выходит из дому с мушкетоном (как правило, это было признаком сильного гнева!), он с лаем помчался по деревне, крича:

— Вставайте! Вставайте! Выходите! Все выходите и посмотрите, какой великий человек мой хозяин! Сейчас он будет стрелять в великана за нарушение границ. Выходите!

Вершина пригорка была видна почти из всех домов. Когда над ней показалось лицо великана, все перепугались и затаили дыхание. Все думали, что это чересчур и что Джайлсу с великаном не справиться. Но тут прогремел выстрел, великан вдруг повернулся и зашагал прочь, а люди от изумления и радости громко закричали, приветствуя Джайлса. Гарм лаял так, что у него едва не оторвалась голова.

— Ура! — кричали все. — Великана проучили! Эгидиус ему показал! Теперь великан помрет — и поделом ему!

Снова все хором закричали «ура». И взяли себе на заметку, что Джайлсов мушкетон и в самом деле стреляет. В деревенских трактирах прежде обсуждали этот вопрос. Теперь же все стало ясно, и никто больше не осмеливался забредать на

землю фермера Джайлса.

Когда опасность миновала, отдельные храбрецы отважились взобраться на пригорок и пожать руку фермеру Джайлсу. Кое-кто — священник, кузнец, мельник и еще два-три значительных лица — похлопал его по спине. Ему это не понравилось (плечо ведь сильно болело), но он счел себя обязанным пригласить их к себе. На кухне все уселись в кружок, пили за его здоровье и громко его расхваливали. Он не скрывал зевоту, но гости не обращали на это внимания, пока не кончилась выпивка. Когда выпили по второй, а фермер — третью, он окончательно почувствовал себя храбрецом, а когда все выпили по три (а Джайлс — пять или шесть), он почувствовал себя именно таким смельчаком, каковым считал его Гарм.

Расстались добрыми друзьями, фермер от души похлопал гостей по спине. Руки у него были большие, красные и сильные, так что он отыгрался.

На другой день он обнаружил, что, чем дальше распространяется слух о его подвиге, тем большим количеством подробностей он обрастает. Джайлс стал значительной фигурой в округе. К середине следующей недели новость дошла до деревень, лежащих за двадцать миль вокруг. Он

стал Героем Округи и находил это чрезвычайно приятным. В ближайший базарный день ему поднесли столько вина, что хоть лодку пускай, и он вернулся домой, распевая старинные песни о героях.

Наконец о событии прослышал сам король. В те счастливые времена столица этого государства (Среднего Королевства) была расположена примерно в двадцати лигах от Хэма, а при дворе, как правило, не больно обращали внимание на то, что происходит в захолустной провинции. Но столь скорое изгнание такого вредного великана стоило внимания и некоторой учтивости. И по прошествии надлежащего времени, месяца через три, к празднику святого Михаила, король направил в Хэм послание, начертанное красными чернилами на белом пергаменте. В нем выражалось монаршее удовлетворение поведением «преданного нам подданного, нашего возлюбленного Эгидиуса Агенобарбуса Юлиуса Агриколы де Хэммо». Подпись была в виде красной кляксы, а ниже придворный писец вывел затейливым почерком: «Я, АВГУСТ БОНИФАЦИЙ АМБРОЗИЙ АУРЕЛИАН, БЛАГОЧЕСТИВЫЙ И ДОСТОСЛАВНЫЙ ГОСУДАРЬ, БАЗИЛЕВС И ПОВЕЛИТЕЛЬ СРЕДНЕГО

КОРОЛЕВСТВА, РУКУ ПРИЛОЖИЛ»[55].

К посланию была прикреплена большая красная печать, что говорило о несомненной подлинности документа. Большую радость доставил он Джайлсу, им восхищались все соседи, особенно когда обнаружилось, что каждого, кто желает полюбоваться этим документом, фермер охотно приглашал к столу и угощал на славу.

Еще лучше грамоты был присланный вместе с нею подарок. Король пожаловал фермеру пояс и длинный меч. Сказать по правде, сам король никогда этим мечом не пользовался. Он принадлежал королевской семье и с незапамятных времен висел в оружейной. Хранитель королевского оружия не мог сказать, как он туда попал и для чего предназначен. При дворе такие тяжелые мечи без украшений как раз вышли из моды, потому-то король и подумал, что для подарка неотесанному деревенщине он будет в самый раз. Фермер Джайлс был в восторге, а слава его сильно возросла.

Джайлса очень радовал такой поворот событий. И Гарма тоже. Пса так и не выпороли. Джайлс

---

[55] Примечания: 55

Перечень имен короля - это производная смесь имен римских императоров и римских лап, что вместе с титулом византийского базилевса производит комическое впечатление.

был, в общем, справедливый человек, в глубине души он отдавал должное Гарму, хотя никогда не говорил об этом вслух. Он все еще награждал собаку нелестными эпитетами и при случае швырял в Гарма тяжелые предметы, зато стал закрывать глаза на его самовольные отлучки. Теперь Гарм свободно бегал по полям. Дела у фермера пошли в гору, счастье ему улыбалось. Осень и начало зимы прошли благополучно. Все шло прекрасно, пока не явился дракон.

Ко времени описываемых событий драконы уже стали редкостью на острове. Вот уже много лет в Среднем Королевстве Августа Бонифация не встречали ни одного дракона. Конечно, к западу и к северу попадались топкие болота и ненаселенные горы, но они находились очень далеко. Некогда в тех местах обитало множество разных драконов, и они делали дальние набеги. Но в те времена Среднее Королевство славилось отвагой королевских рыцарей, и было убито и тяжело ранено так много странствующих драконов, что остальные перестали летать в том направлении.

Еще остался обычай подавать королю драконий хвост на рождественский обед; ежегодно выбирали рыцаря для охоты на дракона. Предполагалось, что в день святого Николая он отправлялся на

охоту, а к рождеству возвращался с драконьим хвостом. Но уже много лет королевский повар готовил к рождеству поддельный драконий хвост: огромный торт из тертого миндаля с чешуей из жженого сахара. Под музыку скрипок и труб избранный рыцарь относил торт в праздничный зал. Поддельный драконий хвост съедали на сладкое после рождественского обеда, и все уверяли (чтобы сделать приятное повару), что на вкус он гораздо лучше настоящего.

Так обстояло дело, когда снова появился настоящий дракон. И все из-за того великана. После своего приключения он частенько разгуливал по горам, навещая живущих в разных местах родственников, — гораздо чаще, чем обычно, и много чаще, чем им этого хотелось. Дело в том, что он все пытался одолжить у кого-нибудь большой медный котел. Удавалось ему это или нет, но он усаживался и нескладно и нудно рассказывал о прекрасной стране, лежащей далеко на востоке, и обо всяких чудесах большого мира. Он ведь воображал себя великим и отважным путешественником.

— Прекрасная местность, — говорил он, — земля ровная, почва мягкая, массу еды можно раздобыть: повсюду, знаете ли, коровы да овцы,

заметить их легко, если глядеть хорошенько.

— А как насчет людей? — спрашивали его.

— Ни одного я не видел, — отвечал он. — Ни одного рыцаря там не видать и не слыхать, дорогие мои. Только возле реки какие-то мухи водятся — ужасно больно жалятся.

— Что ж ты туда не вернешься? — удивлялись родственники. — Там бы и остался!

— Недаром ведь говорится, что лучше всего дома, — отвечал он. — Но я, возможно, туда схожу, если будет настроение. Во всяком случае, я-то уже там побывал — этим ведь не каждый может похвастаться. А вот медный котел…

— Так где же они, эти богатые земли, — поспешно спрашивали у него, — где чудесные поля, изобилующие скотом, который никто не сторожит? Далеко ли?

— Да к востоку, — отвечал он, — вернее, к юго-востоку. Но добираться долго.

И тут же он давал такой преувеличенный отчет о пройденном тогда расстоянии, о преодоленных лесах, горах и лугах, что ни одному великану не хотелось отправляться в путь: ведь ни у кого не было таких длинных ног. Но слухи распространялись.

После теплого лета наступила суровая зима. В

горах стояли сильные морозы, с едой стало плохо. Разговоры стали громче. Вспоминали овец и коров, пасущихся на сочных пастбищах. Драконы навострили уши. Они хотели есть, а слухи были заманчивы.

— Значит, рыцари — существа мифические, — рассуждали молодые неопытные драконы. — Мы всегда так и думали.

— Во всяком случае, попадаются они, вероятно, редко, — рассуждали старые и мудрые, — они далеко, их мало и нечего их бояться.

Особенно подействовали слухи на одного дракона. Звали его Хризофилакс Дайвз[56], так как он принадлежал к древнему царскому роду и был очень богат. Он был хитер, любопытен, жаден, отлично вооружен — и не очень храбр. Однако он ничуть не боялся насекомых любых размеров и видов, кроме того, он был ужасно голоден.

Так что в один прекрасный зимний день, примерно за неделю до рождества, Хризофилакс расправил крылья и пустился в путь. Среди ночи он благополучно приземлился в самом центре королевства Августа Бонифация, государя и повелителя. За короткое время он натворил немало

---

[56] Примечания: 56

Хризофилакс по гречески «златолюб», Дайвз по латыни означает «богатый» и «красноречивый».

бед, круша и сжигая все на своем пути, пожирая овец, коров и лошадей.

Это происходило далеко от Хэма, но Гарм насмерть перепугался. Он как раз отправился в путешествие, воспользовавшись благосклонностью хозяина, и отважился ночевать далеко от дома. Он шел на привлекающий его запах вдоль лесного оврага и вдруг почуял за поворотом новый и тревожный запах: оказывается, он налетел прямо на хвост Хризофилакса Дайвза, который только что приземлился. Никогда еще ни одна собака не мчалась домой задрав хвост с такой скоростью, как Гарм. Услышав его визг, дракон повернул голову и фыркнул, но Гарм был уже далеко. Он бежал всю ночь и поспел домой только к завтраку.

— Караул! Караул! — затявкал он у задней двери. Джайлс услышал — и ему это не понравилось. Эти звуки напомнили ему о тех неожиданностях, которые могут случиться, когда все как будто идет хорошо.

— Жена, впусти-ка эту проклятую собаку, — приказал он, — и угости её палкой!

Гарм проковылял в кухню, глаза его сверкали, а язык свешивался набок.

— Караул! — воззвал он.

— Чем это ты занимался на этот раз? — спросил Джайлс, швыряя в него колбасой.

— Ничем, — запыхавшись отвечал Гарм, слишком взволнованный, чтобы воздать должное колбасе.

— Ты мне это прекрати, не то шкуру спущу, — пригрозил Джайлс.

— Ничего я плохого не делал. Ничего дурного не хотел, — заскулил пес. — Только я нечаянно на дракона наткнулся — и он меня напугал.

— На дракона? — Фермер даже пивом подавился. — Будь ты проклят, нечего совать свой нос куда не надо!

Чего ради ты наткнулся на дракона в такое время года, когда у меня хлопот полон рот? Где хоть он был?

— Да к северу, за холмами, а потом еще дальше, за Стоячими Камнями, — отвечал пес.

— А, вон как далеко! — У фермера отлегло от сердца. — Слыхал я, что там водится нечисть, всякое в тех местах может приключиться. Пусть сами управляются. Не лезь ты ко мне с этими баснями, убирайся вон!

Гарм ушел — и разнес новость по всей деревне. Он не забыл отметить, что его хозяин ничуть не испугался:

— Совершенно спокойно продолжал себе завтракать!

Люди, стоя в дверях домов, с удовольствием обсуждали новость:

— Как это напоминает прежние времена! — говорили они. — И рождество на носу. Как раз по сезону. Ну и доволен же будет король! На нынешнее рождество он сможет полакомиться настоящим хвостом.

На другой день — опять новость. Оказывается, этот дракон необыкновенно крупный и свирепый. Громадные разрушения производит. Люди спрашивали друг У друга:

— А где же королевские рыцари?

Тот же вопрос уже задали другие. Посланцы деревень, более других пострадавших от нашествия Хризофилакса, шли к королю и спрашивали так громко, как только осмеливались:

— Государь, где же ваши рыцари?

Но рыцари ничего не предпринимали: ведь им официально не сообщали о появлении дракона. Так что король в соответствующей форме довел новость до их сведения и просил приступить к необходимым действиям при первой ясе возможности. Он страшно разгневался, убедившись, что они пока не видят ни малейшей возможности и

откладывают действия со дня на день.

Однако оправдания рыцарей звучали вполне убедительно. Прежде всего — королевский повар, имевший привычку все делать заблаговременно, уже приготовил рождественский драконий хвост.

Нехорошо было бы его обидеть, принеся в последний момент настоящий, Слуга он был весьма ценный.

— При чем тут хвост? Отрубить ему голову — и дело с концом! — недовольно кричали посланцы деревень.

Но вот наступило рождество, и, к несчастью, на день святого Джона был назначен большой турнир. На него пригласили рыцарей многих королевств, чтобы они сражались за ценный приз. Очевидно, неразумно было бы лишить рыцарей Среднего Королевства возможности испытать себя, отправив лучших бойцов на охоту за драконом до окончания турнира. А после турнира наступил новогодний праздник.

Но каждую ночь дракон все продвигался — и оказывался все ближе к Хэму. Накануне Нового года люди увидели вдалеке зарево. Дракон расположился в лесу, всего за десять миль, и лес полыхал веселым пламенем. Дракон ведь был

довольно горячим, особенно под настроение.

Тут-то народ начал поглядывать на фермера Джайлса и шептаться у него за спиной. Ему стало здорово не по себе, но он все делал вид, будто ничего не замечает. На следующий день дракон продвинулся еще на несколько миль. Тогда фермер Джайлс сам заявил вслух, что королевские рыцари оскандалились.

— Хотел бы я знать, как они оправдают свое жалованье, — говорил он.

— Мы тоже хотели бы, — соглашались жители Хэма. А мельник добавил:

— Ведь некоторые и сейчас получают рыцарство за личные заслуги, я слыхал. За примером недалеко ходить, наш славный Эгидиус — настоящий рыцарь. Разве король не прислал ему письмо, написанное красными буквами, и меч?

— Одного меча для рыцарства мало, — поспешно возразил Джайлс. — Посвятить еще должны, и всякое такое, я так понимаю. А у меня и без того хлопот полон рот.

— Не сомневаюсь, что король тебя посвятит, попросить только, — сказал мельник. — Попросим, пока не поздно!

— Ни в коем случае! — испугался фермер. — Не для меня всякие там эти посвящения. Я фер-

мер и горжусь этим, простой честный человек, а честным людям, я слыхал, плохо при дворе приходится. Это вам больше по вкусу, господин мельник!

Священник улыбнулся, но не возражению фермера, ведь Джайлс и мельник слыли кровными врагами и в своих спорах за словом в карман не лезли, как поговаривали в Хэме. Просто священнику кое-что пришло в голову, и мысль эта ему понравилась, но вслух он пока ничего не сказал. Мельник не был так доволен, и он нахмурился.

— Конечно, простой, а может, и честный, — отпарировал он, — Но разве так уж необходимо являться ко двору и быть посвященным в рыцари, чтобы убить дракона? Кроме храбрости, ничего для этого не требуется, не далее как вчера я слышал, что Эгидиус это утверждал. Несомненно, храбрости у него не меньше, чем у любого рыцаря!

Народ кругом зашумел:

— Конечно! Ура в честь героя Хэма! Ура, ура, ура!

Тогда фермер Джайлс в крайнем смущении отправился домой. Оказывается, местную репутацию нужно поддерживать, а это иной раз нелегко. Он пнул ногой пса и спрятал меч в кухонный

буфет. До того меч красовался над очагом.

На следующий день дракон добрался до деревни Кварцетум (по-простонародному — Оукли). Питался он не только овцами и коровами, проглотил не только двух-трех ребятишек, но и священника, который несколько необдуманно пытался убедить его свернуть с пути зла. Тут уж началась ужасная суматоха. Все население Хэма во главе со священником взобралось на пригорок и ожидало фермера Джайлса.

— Мы ждем тебя, — воззвали они, а сами стояли и глядели, пока лицо фермера не запылало ярче его рыжей бороды.

— Когда ты выступаешь? — спросили они.

— Ну, сегодня я уж точно не смогу, — отговаривался он. — Хлопот полон рот, а тут еще работник заболел. Я подумаю.

Все разошлись, а к вечеру поползли слухи, что дракон подобрался еще ближе, и народ вернулся.

— Мы за тобой, мастер Эгидиус, — позвали люди.

— Да вы что, — возразил он, — именно сейчас мне совсем не до того. Кобыла охромела, и овцы ягнятся. Потом видно будет.

Все опять разошлись, ворча и переглядываясь. Мельник ехидно посмеивался. Священник

остался, и от него никак было не избавиться. Он напросился на ужин и все на что-то намекал. Даже спросил, где меч, и настойчиво попросил его показать.

А меч лежал себе на верхней полке буфета, коротковатой для него, и, как только фермер Джайлс взял его в руки, выскочил из ножен, а фермер выронил ножны, будто они обожгли ему руки. Священник так и вскочил, даже пиво опрокинул. Он осторожно поднял меч и попытался снова вложить его в ножны, но меч входил туда всего на какой-нибудь фут, и, как только священник снял руку с рукоятки, он снова выскочил.

— Господи боже! Как странно! — воскликнул священник. Он хорошенько осмотрел и ножны, и клинок. Он ведь был человеком образованным: не то что фермер, который с трудом разбирал заглавные буквы унциального письма и не был уверен, что прочтет верно собственное имя. Потому он и не обратил внимания на чудные буквы, которые с трудом можно было разобрать на ножнах и на мече. Хранитель же королевского оружия так привык к рунам, именам и другим символам власти и знатности, начертанным на мечах и ножнах, что не забивал ими голову; кроме того, он считал, что они устарели.

А священник долго их разглядывал и хмурился. Он рассчитывал найти какую-нибудь надпись на мече или на ножнах, именно эта мысль и осенила его накануне, но то, что он теперь увидел, его поразило: там действительно были начертаны буквы, но он никак не мог разобрать их.

— На ножнах какая-то надпись, а на мече изображены эпиграфические знаки[57], - сказал он.

— В самом деле? — удивился Джайлс. — Что же они означают?

— Буквы старинные, а язык варварский, — сказал священник, чтобы выиграть время. — Надо их повнимательней изучить.

Он попросил меч до утра, и фермер с радостью его отдал.

Придя домой, священник снял с полок множество ученых книг и сидел над ними до глубокой ночи. Наутро стало известно, что дракон продвинулся еще ближе. Жители Хэма заперли двери домов на все засовы и закрыли окна ставнями; те же, у кого были погреба, спустились туда и дрожали при свете свечей. Но священник крадучись вышел из дому и, переходя от двери к двери,

---

[57] Примечания: 57

Эпиграфика - наука, изучающая древние надписи на камне, кости и т. п., -возникла только в XIX веке.

рассказывал в щелку или в замочную скважину всем, кто хотел его слушать, об открытии, которое сделал ночью у себя в кабинете.

— Наш добрый Эгидиус, — говорил он, — благодаря милости короля оказался владельцем знаменитого меча Кодимордакса, в романсах на простонародном языке его называют Хвостосеком.

Услышав эти слова, люди открывали двери. Всем была известна слава Хвостосека: ведь этот меч когда-то принадлежал Белломариусу, величайшему в королевстве победителю драконов. Согласно некоторым сведениям, возможно не совсем достоверным, он был прапрадедушкой нынешнего короля по материнской линии. О его подвигах сложили множество песен и легенд, — если их забыли при дворе, то в деревнях помнили прекрасно.

— Этот меч, — объяснял священник, — не лежит в ножнах, если дракон находится в пределах пяти миль. Несомненно, он сразит любого дракона, если будет в руках храбреца.

И люди начали собираться с духом, иные даже окна раскрыли и выглянули на улицу. В конце концов, священник убедил нескольких человек выйти и следовать за ним, но охотно это сделал

один мельник. Он решил — стоит рискнуть, чтобы поглядеть, как попался Джайлс. Люди поднялись на пригорок, бросая беспокойные взгляды на север через реку. За рекой не было ни малейших признаков дракона. Возможно, он спал: он ведь отлично питался все рождественские праздники.

Священник с мельником забарабанили в дверь Джайлса. Ответа не последовало, они забарабанили еще сильнее. Наконец вышел Джайлс. Лицо у него было красное. Он вчера тоже засиделся допоздна и выпил много пива. Утром встал и начал снова.

Все толпой окружили его, называя добрым Эгидиусом, храбрым Агенобарбусом, великим Юлиусом, стойким Агриколой, гордостью Хэма, героем всей округи. И заговорили о Кодимордаксе, Хвостосеке, мече, не уходящем в ножны, знаменующем Победу или Смерть, Славу Йоменов, Опору Страны и Благо Народа, и в голове фермера все перепуталось.

— Эй! Давай по одному, — вставил он, как только получил такую возможность. — Что все это значит? У меня же с утра самая работа.

Разъяснить ситуацию предоставили священнику. Тут мельник, к своей радости, увидел, как

Джайлс попался в самый крепкий силок — крепче и пожелать было нельзя. Но все обернулось не совсем так, как ожидал мельник. Во-первых, Джайлс выпил много крепкого пива. Во-вторых, он необыкновенно возгордился и воодушевился, узнав, что его меч и есть самый настоящий Хвостосек. В детстве он очень любил сказки о Белломариусе, и, пока не научился уму-разуму, иной раз ему хотелось владеть таким же замечательным героическим мечом. И ему вдруг пришло в голову, что надо взять Хвостосек и отправиться охотиться на дракона. Но он слишком привык торговаться, так что опять попытался отсрочить это событие.

— Что? — воскликнул он. — Мне охотиться на дракона? Это в моих-то старых гамашах и жилетке? На дракона в хороших доспехах ходят, так я слыхал. А в моем доме их нет, это уж точно, — обрадовался он.

С минуту все неловко молчали, потом послали за кузнецом. Кузнец покачал головой. Человек он был медлительный и мрачный, а прозвали его Солнечным Сэмом, хотя настоящее его имя было

Фабрициус Кунктатор[58]. Он никогда не свистел за работай, за исключением тех случаев, когда происходило несчастье, из числа предсказанных им ранее. А так как он без конца только и делал, что предсказывал всякие несчастья, редко могло случиться что-нибудь такое, чего бы он до того не успел предсказать, а потому все, что бы ни произошло, приписывали его пророчествам. Для него это была главная радость, поэтому он никогда ничего не делал для предотвращения несчастья. Он снова покачал головой и объявил:

— Из ничего оружия не сделаешь. Да и не по моей это части. Лучше бы попросили плотника изготовить деревянный щит, — да и это мало поможет: дракон горяч.

Лица жителей Хэма вытянулись, но мельник не собирался так легко отступить от своего плана отправить Джайлса на бой с драконом, а если тот все-таки откажется, он мечтал увидеть, как лопнет мыльный пузырь его славы.

— А как насчет кольчуги? — спросил он, — С ней надежней, только чтоб не слишком тонкая была.

---

[58] Примечания: 58

Фабрициус Кунктатор - имеется в виду римский полководец Фабий Кунктатор (Медлитель), добивавшийся побед медлительностью и осмотрительностью.

Она ведь для дела, а не для щегольства при дворе. У тебя найдется старая кожаная куртка, друг Эгидиус? А в кузнице отыщется куча металлических колец. Думаю, мастер Фабрициус и не подозревает, что там могло заваляться.

— Ничего ты не смыслишь, — кузнец повеселел. — Настоящая кольчуга все равно не получится. Нужна ювелирная ловкость гномов, чтобы каждое крошечное колечко соединить с четырьмя другими. Если бы я даже владел таким искусством, пришлось бы трудиться много недель. К тому времени мы все окажемся в могиле, — заключил он, — во всяком случае, в драконьем брюхе.

— Жители Хэма в отчаянии заломили руки, кузнец улыбнулся. Но теперь все были в такой панике, что никак не хотели отказаться от плана мельника и повернулись к нему, ища совета.

— Что ж, — сказал тот. — Слыхал я, что в старину те, кто не мог купить настоящую кольчугу из южных стран, нашивали стальные кольца на кожаную рубаху — и сходило. Поглядим, что в таком роде можно сделать.

Так что пришлось Джайлсу притащить старую кожаную куртку, а кузнеца заставили живо вернуться в кузницу, Порылись там во всех углах и

разворошили кучу старого железа, которую не трогали много лет. В самом низу нашли массу колечек, траченных ржавчиной — очевидно, они остались здесь от забытой когда-то куртки, именно такой, о какой говорил мельник. По мере того как дело оказывалось не таким уж безнадежным, Сэм все больше мрачнел, но его заставили приняться за работу. Он собирал, сортировал и чистил эти кольца; и когда (о чем он радостно сообщил) выяснилось, что их совершенно недостаточно для такого широкоплечего человека, как мастер Эгидиус, кузнеца заставили разбить старые цепи и расплющить звенья в тонкие колечки — насколько хватило мастерства. Колечки помельче нацепили на куртку спереди, а те, что покрупнее и погрубее, укрепили на спине. Колец все прибавлялось, потому что бедный Сэм трудился в поте лица, и тогда жители Хэма нашили кольца еще и на штаны фермера. А высоко на полке в темном уголке кузницы мельник разыскал железный каркас шлема и засадил за работу сапожника, чтобы тот обшил каркас кожей.

Так трудились весь остаток дня и весь следующий день, а после наступления Двенадцатой

ночи[59] пришел канун крещения, но было не до праздника. Фермер Джайлс выпил по этому случаю больше пива, чем обычно, а дракон милостиво спал. Он совсем позабыл на это время о голоде и о мечах.

Рано утром в день крещения все поднялись на холм, держа в руках диковинный результат своей работы. Джайлс ждал их. Отговорок у него не осталось, пришлось надевать куртку-кольчугу и штаны. Мельник презрительно хихикал. Потом Джайлс натянул болотные сапоги, прикрепил к ним пару шпор и нахлобучил обитый кожей шлем. Но в последний момент прикрыл сверху шлем старой фетровой шляпой, а на кольчугу накинул серый плащ.

— Зачем это, мастер? — спросили люди.

— Ну, — отвечал он, — неужели вы воображаете, что на дракона надо идти звеня и грохоча, точно Кентерберийские колокола?[60] Мне как-то кажется, что ни к чему оповещать дракона о своем приближении раньше времени. А шлем — это

---

[59] Примечания: 59

Двенадцатая ночь - так в Англии называют крещенский вечер, двенадцатый вечер после рождества, который традиционно посвящают обрядам и развлечениям.

[60] Примечания: 60

Колокола Кентерберийского собора отличались чистотой и силой звучания.

вызов на битву. Пусть ящер видит поверх изгороди только мою старую шляпу, тогда я, может, подберусь поближе, пока не начнется суматоха.

Кольца пришили так, что они звенели, задевая друг за друга. Прижатые плащом, они не звенели, но Джайлс в таком снаряжении выглядел довольно странно, однако ему об этом не сказали. Поверх плаща с трудом нацепили пояс и привязали ножны, но меч пришлось держать в руках: в ножны его было никак не упрятать, разве что прижать изо всех сил.

Фермер кликнул Гарма. Он был человек справедливый в меру своего разумения.

— Пес, — позвал он. — Пойдешь со мной.

— Спасите! Караул! — взвыл пес.

— Перестань! — прикрикнул Джайлс. — Не то вздую тебя не хуже любого дракона! Ты же ящера по запаху знаешь и сможешь на этот раз оказаться полезным.

Потом фермер Джайлс кликнул свою серую кобылу. Она наградила его недовольным взглядом и фыркнула, увидев шпоры, однако дала ему сесть в седло и быстро понесла его вперед, хотя никто из них не испытывал при этом удовольствия. Они проскакали через всю деревню; жители радостно приветствовали их из окон и аплодировали.

Фермер и его кобыла старались не показать виду, что что-то не так, а Гарм стыдиться не умел, он просто плелся за ними, опустив хвост.

Они проскакали через мост над рекой в конце деревни. Когда наконец никто не мог их видеть, они замедлили скорость до шага, и все-таки очень быстро миновали владения фермера Джайлса и других жителей Хэма и оказались в тех местах, которые успел посетить дракон. Кругом были сломанные деревья, сожженные изгороди, почерневшая трава — и зловещая тишина.

Солнце светило вовсю, и фермер Джайлс уже подумывал, не скинуть ли что-нибудь из одежды и не хватил ли он лишнюю пинту пива. «Хорошенький конец рождества, — подумал он. — Счастье еще, если жив останусь». Он вытер лицо большим носовым платком — зеленым, а не красным, он слыхал, что красный цвет разъяряет драконов.

Но дракона он не обнаружил. Он миновал множество просек, широких и узких, много опустошенных фермерских полей, а дракона все не было. От Гарма, конечно, не было никакого проку: пес трусил за лошадью и вовсе не собирался принюхиваться.

Наконец выехали на извилистую дорогу, почти нетронутую, она казалась спокойной и ровной.

Проехав по ней с полмили, Джайлс подумал, что, пожалуй, он уже исполнил свой долг и все, к чему обязывает его репутация. Он решил, что хватит с него, и уже подумывал о том, как вернется и сядет обедать, а друзьям расскажет: дракон только увидел, как он подъезжает, так сразу просто-напросто улетел, — и тут дорога резко повернула. А за поворотом лежал дракон, загородив своей отвратительной мордой самую середину дороги.

— Караул! — тявкнул Гарм и кинулся прочь.

Серая кобыла резко осела, и фермер свалился в канаву. Когда он высунул голову, дракон окончательно проснулся и смотрел прямо на Джайлса.

— Доброе утро, — поздоровался дракон. — Вы, кажется, удивлены?

— Доброе утро, — ответил Джайлс. — Я и в самом деле удивлен.

— Прошу прощения, — сказал дракон. Когда при падении фермера зазвенели кольца, он что-то заподозрил и насторожил уши. — Прошу прощения за такой вопрос, но не меня ли вы случайно ищете?

— Нет, что вы! — заверил фермер. — Кто бы мог подумать, что вы здесь окажетесь? Я просто катался.

Он поспешно выбрался из канавы и направился

к своей серой кобыле. Она была уже на ногах и с совершенно безразличным видом щипала траву у обочины дороги.

— Значит, мы встретились благодаря счастливой случайности, — заметил дракон. — Мне очень приятно. Это что же, ваш праздничный наряд? Новая мода, вероятно?

Фетровая шляпа слетела с фермера Джайлса, а плащ распахнулся, но он решил держаться понахальнее.

— Да, — сказал он, — самая последняя. Но я должен догнать свою собаку, боюсь, что она за кроликами погналась.

— Боюсь, что это не так, — возразил Хризофилакс, облизываясь (он всегда облизывался, когда его что-нибудь забавляло). — Полагаю, она доберется до дому гораздо раньше вас. Но прошу вас, продолжайте ваш путь, мастер — не припомню вашего имени?

— А я вашего, — подхватил Джайлс, — наверно, так оно и лучше.

— Как вам угодно, — Хризофилакс снова облизнулся и притворился, будто закрыл глаза. Сердце у него было злое (как у всех драконов), но не очень смелое (что тоже не так редко встречается). Он предпочитал такие блюда, за которые

не приходится сражаться, но после долгого сна аппетит его возрос. Священник из Оукли был довольно поджарым, упитанного человека дракон давненько не пробовал. Вот он и вздумал полакомиться мясом, которое само так и шло ему в рот, он ждал только, чтобы этот дурень ослабил бдительность.

Но дурень был вовсе не так глуп, как казалось, он не спускал глаз с дракона, даже взбираясь на лошадь. У нее, однако, были совсем иные намерения, и она лягалась, когда Джайлс стал пытаться на нее сесть. Дракон начал проявлять признаки нетерпения и приготовился к прыжку.

— Извините, — сказал он, — вы, кажется, что-то уронили?

Старый трюк сработал: Джайлс и в самом деле кое-что уронил. Падая, он выронил Кодимордакс (а попросту — Хвостосек), и меч лежал на обочине. Джайлс наклонился за ним, а дракон прыгнул. Но Хвостосек оказался проворнее. Едва фермер подобрал его, как он молнией скользнул вперед, прямо к драконьим глазам.

— Эй! — дракон остановился. — Что это там у вас?

— Да всего-навсего Хвостосек, мне его король подарил, — ответил Джайлс.

— Как я в вас ошибся! — воскликнул дракон. — Прошу прощения. — Он лег перед фермером ниц, тому стало чуть полегче. — А вы нечестно со мной обошлись.

— Разве? — удивился фермер. — А с какой стати я должен был поступать с вами честно?

— Вы скрыли свое славное имя и притворились, будто наша встреча случайна, но ведь вы знатный рыцарь. Прежде в таких случаях рыцари имели обыкновение открыто вызывать на битву, объявив свой титул и полномочия.

— Может, так и было, а может, и нынче так принято, — сказал Джайлс. Он был очень доволен собой. Можно извинить человека за некоторое самодовольство, если перед ним пресмыкается огромный величественный дракон. — Но ошибка ваша гораздо больше, старый вы ящер. Вовсе я не рыцарь. Я фермер Эгидиус из Хэма и терпеть не могу браконьеров. Мне уже случалось стрелять из мушкетона в великанов, а они куда меньше навредили, чем вы. Их я тоже и не думал вызывать.

Дракон несколько обеспокоился. «Проклятый великан солгал, — подумал он. — Ввел меня в заблуждение. Как же себя вести с таким храбрым фермером, да еще владеющим столь блестящим

и воинственным мечом?» Дракон не мог припомнить ни одного подобного прецедента.

— Меня зовут Хризофилакс, — представился он. — Хризофилакс Богатый. Что я могу сделать для вашей милости? — льстиво спросил он, косясь одним глазом на меч и надеясь избежать боя.

— Ты можешь отсюда убраться, рогатый безобразник, — сказал Джайлс, которому тоже хотелось избежать битвы. — Мне нужно только от тебя избавиться. Убирайся в свою грязную берлогу! — Он шагнул к дракону, размахивая оружием так, будто ворон пугал.

Хвостосеку это только и было нужно. Сверкнув в воздухе, он описал круг и опустился, поразив дракона в сочленение правого крыла. Удар сильно испугал дракона. Конечно, Джайлсу было неизвестно, как надо убивать драконов, не то меч попал бы в более уязвимое место; но Хвостосек сделал все, что мог в неопытных руках. Хризофилаксу и этого хватило: он долго не мог пользоваться крыльями. Он вскочил и попробовал взлететь, но убедился, что не в состоянии это сделать. Фермер прыгнул в седло. Дракон побежал, кобыла за ним. Дракон с пыхтением и свистом пересек поле, кобыла не отставала. Фермер кричал и улюлюкал, будто на скачках.

При этом он все время размахивал Хвостосеком. Чем быстрее мчался дракон, тем он становился растеряннее, а серая кобыла скакала во весь опор и не отставала от него.

Они скакали сквозь просеки и проломы в изгородях, по полям и ручьям. Дракон изрыгал дым, ревел, — он потерял всякое представление о направлении. Наконец они стремительно вступили на Хэмский мост, с грохотом проскакали по нему и помчались по деревенской улице. Здесь Гарм имел наглость выскочить из переулка и присоединиться к погоне.

Жители прильнули к окнам или вылезли на крыши. Кто смеялся, кто кричал «ура», а кто бил в кастрюли, сковородки и котлы. Некоторые дули в рожки или свистки, а священник велел звонить в колокола. Лет сто в Хэме не было такой суматохи.

Дракон сдался у входа в церковь. Он лег посреди дороги и пытался отдышаться. Подоспел Гарм и начал нюхать ему хвост, но Хризофилаксу уже ничуть не было стыдно.

— Люди добрые и храбрый воин, — начал он, едва переведя дух, когда подъехал фермер Джайлс, а жители деревни окружили его (правда, на безопасном расстоянии), вооружась кто вилами,

кто колом, а кто и кочергой. — Люди добрые, не убивайте меня! Я очень богатый. Возмещу весь ущерб, который вам причинил. Оплачу похороны всех убитых, особенно священника из Оукли, роскошный памятник ему поставлю, хотя покойный и был худоват. Щедро вас вознагражу, если только вы отпустите меня домой за выкупом.

— Сколько? — спросил фермер.

— Ну, — дракон быстро подсчитывал в уме.

Он заметил, что толпа собралась порядочная. — Тринадцать шиллингов восемь пенсов на каждого?

— Чепуха какая! — фыркнул Джайлс.

— Ну и ерунда! — завопил народ.

— Чушь! — тявкнул Гарм.

— Две золотые гинеи каждому, детям полцены?

— А собакам? — уточнил Гарм.

— Дальше! — предложил фермер. — Мы слушаем!

— Десять фунтов и кошелек с серебром на душу, а собакам по золотому ошейнику, — неуверенно предложил Хризофилакс.

— Убить его! — в нетерпении завопил народ.

— Каждому по мешку с золотом, а женщинам

— бриллианты?[61] — поспешил вставить Хризофилакс.

— Так-то получше, да не совсем ладно, — заметил Джайлс.

— Опять собак забыл, — пролаял Гарм.

— Какого размера мешок? — поинтересовались жители Хэма.

— Бриллиантов сколько? — спросили их жены.

— Боже, боже, — простонал дракон. — Я же разорюсь!

— Поделом тебе, — сказал Джайлс. — Выбирай — или разоришься, или тебя убьют. На этом самом месте. — Он взмахнул Хвостосеком, дракон так и съежился.

— Решайся! — Жители Хэма, смелея, подступали все ближе.

Хризофилакс заморгал, но незаметно для всех рассмеялся в глубине души. Торговля начала его развлекать. Очевидно, люди хотели что-то из нее извлечь. Они так мало знали об окружающем мире — ведь ни один житель королевства никогда не имел дела с драконами и не был знаком с их штучками. Постепенно Хризофилакс отдышался и успокоился. Он облизнулся.

---

[61] Примечания: 61

Анахронизм: слово «бриллиант» появилось лишь в XVII веке, когда была изобретена алмазная огранка.

— Назовите свою цену, — предложил он.

Тут все разом заговорили, перебивая друг друга. Хризофилакс слушал с интересом. Один только голос ему не понравился — голос кузнеца.

— Ничего хорошего не выйдет, помяните мое слово! — воскликнул кузнец. — Врет он все, не

вернется он. Да и в любом случае ничем хорошим это не кончится.

— Можешь от своей доли отказаться, если ты так считаешь, — предложили ему, а сами продолжали рядиться и спорить, не очень-то следя за драконом. Хризофилакс поднял голову, но, если он и подумывал прыгнуть на кого-нибудь или улизнуть под шумок, то ему пришлось испытать разочарование. Рядом стоял фермер Джайлс, жуя травинку и размышляя. Держа Хвостосек в руке, фермер не сводил глаз с дракона.

— Лежи, где лежишь, — приказал он, — не то получишь, что заслужил, и золото не поможет!

Дракон поник. Наконец священника выбрали говорить от имени всех, он шагнул вперед и встал рядом с Джайлсом.

— Гнусный червяк! — заявил он. — Ты должен принести сюда все свое неправедное богатство. После того как ты возместишь убытки всем, кого ограбил, остальное мы поделим по справедливости. Затем, если ты дашь нам торжественную клятву никогда больше не разорять наших земель и не подстрекать никакое другое чудовище нападать на нас, мы дадим тебе уйти и унести и голову, и хвост. А теперь ты должен поклясться, что вернешься, — такой клятвой, какую даже

дракон обязан выполнить.

Хризофилакс правдоподобно изобразил колебание — и согласился. Он даже поплакал горючими слезами над своим богатством и оплакивал его до тех пор, пока на дороге не задымились большие лужи, но его слезы никого не тронули. Он принес самые торжественные и твердые клятвы, что вернется со всем своим достоянием к празднику святого Хилариуса и святого Феликса. В его распоряжении было восемь дней, — даже самые несведущие в географии могли бы сообразить, что срок для такого путешествия маловат. Тем не менее дракона отпустили и проводили до моста.

— До встречи! — сказал он, переправляясь через реку. — Уверен, что все мы будем ждать её с нетерпением.

— Уж мы-то будем, — сказали люди.

И понятно, поступили неразумно. Клятвы, которые он давал, должны были бы тяжким грузом лечь на его совесть, но — увы! — совести у него не было вовсе. Если эти доверчивые люди в простоте своей не допускали столь досадного недостатка у существа столь высокого происхождения, то уж священник (при его книжной учености) мог бы об этом догадаться. Возможно, он и догадывался. Он ведь был человек образованный и мог пред-

видеть будущее гораздо лучше других.

По дороге в кузницу кузнец качал головой.

— Недоброе сулят эти имена, — повторял он. — Хилариус и Феликс. Не нравится мне, как они звучат.

Король, конечно, скоро узнал эту новость. Она молниеносно пронеслась по всему королевству и ничуть не исказилась по пути. Король был сильно задет — по разным причинам, не последняя из которых была финансовая. Он решил сейчас же лично отправиться в Хэм, где происходили такие странные события.

Он прибыл спустя четыре дня после ухода дракона — проехал по мосту на белом коне в сопровождении множества рыцарей, герольдов и целого обоза с багажом. Жители Хэма принарядились и выстроились вдоль улицы, чтобы приветствовать его. Кавалькада остановилась перед церковными воротами. Фермер Джайлс преклонил перед королем колена, его представили, король велел ему подняться и запросто потрепал его по спине. Рыцари сделали вид, будто не заметили такой фамильярности.

Король приказал всем жителям деревни собраться на обширном пастбище Джайлса на берегу реки. Когда все были в сборе (включая и

Гарма, который считал, что происходящее имеет к нему прямое отношение), Август Бонифаций, государь и повелитель, милостиво обратился к ним с речью. Он четко объяснил, что все богатства негодника Хризофилакса принадлежат ему как господину здешних земель. Он ловко обошел вопрос о своих притязаниях на право повелителя горной страны, каковые были весьма спорны, но объявил, что «мы нимало не сомневаемся: все сокровища дракона были украдены у наших предков. Но мы, как всем известно, столь же справедливы, сколь великодушны, и наш любезный вассал Эгидиус будет должным образом вознагражден, и ни один из наших верных подданных в здешних местах не останется без какого-либо знака нашего расположения, начиная священником и кончая самым малым ребенком. Ибо мы очень довольны Хэмом. Здесь, по крайней мере, остались еще смелые и мужественные люди, оправдывающие древнюю славу нашей нации». Рыцари тем временем обсуждали новые фасоны шляп.

Жители кланялись и приседали, униженно благодаря монарха. Но жалели, что сразу не приняли предложения дракона получить по десять фунтов и не держали сделку в секрете. Они пре-

красно понимали, что расположение короля не дойдет и до этой суммы. Гарм заметил, что опять не вспомнили о собаках. Доволен был только фермер Джайлс. Он был уверен, что его наградят, и уж, во всяком случае, радовался, что выпутался из этой истории, благополучный конец которой придал ему еще больше веса в глазах соседей.

Король не уехал. Он велел раскинуть шатры на поле фермера Джайлса и ждал четырнадцатого января, стараясь развлекаться, насколько это было возможно в жалкой деревушке вдали от столицы. В первые же три дня королевская свита съела почти весь хлеб, масло, яйца, цыплят, сало и баранину и выпила до капли все запасы старого эля, какие были в деревне. Потом стали ворчать, что их плохо кормят. Король великодушно за все заплатил (квитанциями, которые после можно будет обменять на деньги: ведь он надеялся, что скоро казна сильно пополнится), так что жители Хэма обрадовались, не зная истинного состояния казны.

Наступило четырнадцатое января, праздник Хилариуса и Феликса. Все встали очень рано. Рыцари надели кольчуги. Фермер нацепил свою самодельную кольчугу, и рыцари откровенно смеялись над ним, пока не поймали на себе гнев-

ный взор короля. Фермер пристегнул Хвостосек — меч вошел в ножны легко, как нож в масло, и остался там. Священник внимательно поглядел на меч и только головой покачал. Кузнец посмеивался.

Наступил полдень. От волнения никто не мог есть.‘День тянулся медленно. Хвостосек по-прежнему не проявлял ни малейшего стремления выскочить из ножен. Никто из наблюдателей на холме, даже мальчишки, взобравшиеся на деревья, ни на земле, ни в воздухе не замечал признаков приближения дракона.

Кузнец расхаживал посвистывая, но остальные жители деревни только вечером, когда появились звезды, начали подозревать, что дракон и не думает возвращаться. Но они вспоминали его торжественные клятвы и продолжали надеяться. Когда же наступила полночь и назначенный день истек, разочарованию жителей Хэма не было предела.

Зато кузнец торжествовал.

— Я же говорил, — напомнил он. Но они еще ничего не поняли.

— Он все-таки тяжело ранен, — говорили одни.

— Мало мы ему времени дали, — соображали другие. — В горы так тяжело и долго добираться,

а ему нужно столько нести. Может, помочь ему надо.

Но миновал следующий день и еще один. Надеяться уже перестали. Король пришел в ярость. Еда и питье кончились, и рыцари начали громко роптать. Им хотелось вернуться к дворцовым развлечениям. Но королю нужны были деньги. Он простился со своими подданными поспешно и холодно и аннулировал половину квитанций. Фермеру Джайлсу он на прощанье едва кивнул.

— Мы обратимся к вам позже, — сказал он и уехал со своими рыцарями и герольдами.

Самые простодушные энтузиасты надеялись, что скоро придет письмо от короля, он призовет мастера Эгидиуса к себе и хотя бы посвятит его в рыцари. Через неделю письмо действительно пришло, но совершенно иного содержания. Оно было в трех экземплярах: для Джайлса, для священника, — а третий надлежало вывесить на дверях церкви. Только из экземпляра, предназначенного священнику, можно было извлечь какую-то пользу, потому что написано письмо было особым шрифтом, столь же непонятным жителям Хэма, как книжная латынь. Но священник перевел его на простонародный язык и прочел с церковной кафедры. Письмо было

не по-королевски коротким и сугубо деловым: король торопился.

«МЫ, АВГУСТ Б. А. Ю. А. П., ГОСУДАРЬ И ПР., СООБЩАЕМ, ЧТО РЕШИЛИ ДЛЯ БЕЗОПАСНОСТИ НАШЕГО КОРОЛЕВСТВА И ПОДДЕРЖАНИЯ НАШЕГО ПРЕСТОЛА ДРАКОНА, ИМЕНУЮЩЕГО СЕБЯ ХРИЗОФИЛАКСОМ БОГАТЫМ, РАЗЫСКАТЬ И ЖЕСТОКО НАКАЗАТЬ ЗА ЕГО КОВАРНЫЕ ДЕЛА И ЗЛОНАМЕРЕННЫЕ ПОСТУПКИ. РЫЦАРСТВО НАШЕГО ДВОРА ДОЛЖНО НЕЗАМЕДЛИТЕЛЬНО ВООРУЖИТЬСЯ И БЫТЬ ГОТОВЫМ К СВЕРШЕНИЮ ЭТОГО ПОДВИГА, КАК ТОЛЬКО МАСТЕР ЭГИДИУС А. Ю. АГРИКОЛА ПРИБУДЕТ К ОНОМУ ДВОРУ, ПОСКОЛЬКУ ОЗНАЧЕННЫЙ ЭГИДИУС ПОКАЗАЛ СЕБЯ ЧЕЛОВЕКОМ ПРЕДАННЫМ И СПОСОБНЫМ СРАЖАТЬСЯ С ВЕЛИКАНАМИ, ДРАКОНАМИ И ПРОЧИМИ ВРАГАМИ, НАРУШАЮЩИМИ КОРОЛЕВСКИЙ ПОКОЙ, МЫ ПРИКАЗЫВАЕМ ЕМУ НЕМЕДЛЕННО ОТПРАВИТЬСЯ В ПУТЬ И ПРИСОЕДИНИТЬСЯ К НАШИМ РЫЦАРЯМ СО ВСЕЙ ВОЗМОЖНОЙ БЫСТРОТОЙ».

Жители Хэма считали, что это большая честь и следующим шагом будет посвящение в рыцари. Мельник страшно завидовал.

— Высоко поднимется друг Эгидиус, — сказал он. — Надеюсь, он нас не забудет, когда воро-

тится.

— Может, он и вовсе не воротится, — сказал кузнец.

— Хватит, заткнись, морда лошадиная, — оборвал Джайлс. — Будь проклята такая честь! Если вернусь, даже общество мельника будет мне приятно. Все-таки меня утешает то, что некоторое время я не увижу вас обоих. — С этими словами он ушел.

Для короля не изобретешь отговорки, как для соседей: овцы, пахота, молоко или вода, — пришлось оседлать серую кобылу и отправиться в путь. Провожал его священник.

— Надеюсь, ты взял крепкую веревку? — спросил он.

— Это зачем? — удивился Джайлс. — Повеситься?

— Никоим образом! Мужайся, мастер Эгидиус! — сказал священник. — Мне кажется, ты можешь положиться на свою удачу. Но всё же захвати веревку подлиннее, она тебе пригодится, если меня не обманывает моя проницательность. Ну, прощай же, да смотри возвращайся невредимым!

— Ох! Вернуться и увидеть свой дом и землю совсем запущенными… Будь они прокляты,

драконы! — ответил Джайлс. Потом запихнул в седельную сумку большой моток веревки и отправился в путь. Пса он не взял — тот все утро старался не попадаться на глаза. Когда хозяин уехал, Гарм прокрался в дом и выл всю ночь. За это его поколотили, но он продолжал свое.

— Караул, караул! — тявкал он. — Не увижу я больше моего дорогого хозяина, а ведь он такой был грозный и великолепный!

Лучше бы я с ним пошел.

— Заткнись! — прикрикнула жена фермера. — Не то не доживешь до того, чтобы увидеть, вернется ли он.

Вытье собаки услышал кузнец и объявил:

— Дурной знак! — При этом вид у него был довольный.

Прошло много дней — вестей не было.

— Отсутствие вестей — дурные вести, — провозгласил кузнец и громко запел.

Фермер Джайлс прибыл ко двору усталый и запыленный, но рыцари в начищенных кольчугах и сверкающих шлемах стояли наготове возле своих коней. Им не нравилось, что король вызвал фермера и включил его в их славные ряды, поэтому они настояли на буквальном выполнении приказа и ждали появления Джайлса, чтобы

сразу же выступить в поход. Бедный фермер едва успел проглотить кусок хлеба и запить его вином, как снова оказался в пути. Кобыла его обиделась. К счастью, её мнение о короле осталось невысказанным: оно было весьма непочтительным.

День клонился к вечеру. «Слишком поздно начинать охоту на дракона», — думал Джайлс. Но много они не проехали. Рыцари не спешили: ведь главное — это выступить в поход. Они ехали шагом нестройными рядами: рыцари, эсквайры, слуги и пони с поклажей. Позади на своей усталой кобыле трясся фермер Джайлс.

Когда наступил вечер, сделали привал и раскинули шатры. О съестных припасах для фермера Джайлса никто не позаботился, пришлось ему одалживать у других. Кобыла негодовала и отреклась от верности династии Августа Бонифация.

На второй день продолжали путь. На третий различили вдали туманные очертания негостеприимных гор. В скором времени оказались там, где полностью не признавалась власть Августа Бонифация. Ехали осторожно, держась ближе друг к другу. На четвертый день добрались до Диких Холмов, до границы таинственной страны, где, по слухам, обитали сказочные жители. Вдруг ехавший впереди всадник заметил на песке у

ручья огромные следы. Подозвали фермера.

— Что это, мастер Эгидиус? — спросили у него. Драконьи следы, — отвечал он.

— Вперед!

Теперь устремились на запад. Фермер Джайлс оказался во главе колонны, кольца на его кожаной куртке так и звенели. Но это было неважно, потому что рыцари громко болтали и смеялись, а ехавший среди них менестрель пел песни. Припев то и дело громко подхватывали хором. Пение всех приободряло: песня была хорошая, её сложили в прежние времена, когда битвы случались чаще, чем турниры. Но петь было неблагоразумно: из-за этого все здешние обитатели слышали приближение рыцарей, во всех западных пещерах драконы настораживали уши. Трудно было надеяться застигнуть Хризофилакса спящим.

То ли судьба так захотела, то ли кобыла сама была виновата, но у самого подножия темных гор она охромела. Все как раз начали подъем по каменистой тропе, продвигались с трудом и все с возрастающим беспокойством. Серая кобыла все больше отставала, спотыкаясь и хромая, вид у нее был такой терпеливый и печальный, что фермер Джайлс наконец счел нужным спешиться и пойти за ней. Вскоре они отстали от самых по-

следних пони, но никто этого не заметил. Рыцари были заняты тем, что обсуждали, кому за кем следовать согласно этикету. Иначе они заметили бы, что драконьи следы стали отчетливей и многочисленней. Они и в самом деле попали в места, где частенько бродил Хризофилакс, приземлившись после разминки в воздухе. По обе стороны тропы земля была выжжена и вытоптана. Травы осталось мало, а стебли вереска и дрока торчали черными прутиками среди обширных прогоревших участков земли. Много лет здесь была площадка драконьих игр. Над ней темной стеной нависала гора.

Фермер Джайлс беспокоился о своей кобыле, но радовался предлогу не быть в центре внимания. Не нравилось ему возглавлять кавалькаду в таком мрачном и ненадежном месте. Вскоре он обрадовался еще сильнее и с полным основанием благодарил судьбу (и кобылу): ровно в полдень (а это был праздник сретенья[62] и седьмой день пути) Хвостосек выскочил из ножен, а дракон — из пещеры.

Дракон ринулся в бой без предупреждения и не соблюдая формальностей. С рёвом и свистом

[62] Примечания: 62
Праздник сретенья (2 февраля)-день сбора податей и уплаты долгов.

обрушился он на людей. Вдалеке от дома он, несмотря на свое высокое происхождение, не проявлял особенной храбрости. Но теперь он был исполнен ярости, потому что сражался у собственных дверей и защищал свои сокровища. Он кружил вокруг горы, точно грозовая туча, шумя подобно ветру, изрыгая красные молнии.

Препирательства о порядке следования тотчас прекратились. Лошади кинулись в разные стороны, некоторые рыцари с них свалились. Пони с поклажей и слуги бросились бежать: они ведь не думали об этикете.

Тут все окутали клубы дыма, а среди них возник дракон и кинулся на голову кавалькады. Несколько рыцарей погибло, так и не успев произнести традиционный вызов на битву; многие были сброшены на землю. Об остальных позаботились кони, которые повернули и понесли своих хозяев прочь, не спрашивая их согласия. Но многим именно того и хотелось.

А серая кобыла и с места не сдвинулась. Возможно, боялась переломать ноги на каменистой тропе, а может, слишком устала. Она инстинктивно понимала, что дракон представляет гораздо большую опасность, летя позади нее, чем впереди, и что тут может помочь только скорость

отличной скаковой лошади. Кроме того, она не забыла, как гналась за Хризофилаксом через поля и ручьи в родных своих местах и как он улегся, точно ручной, прямо на главной улице деревни. Одним словом, она расставила ноги и зафыркала. Фермер Джайлс страшно побледнел, но остался стоять рядом, так как другого выхода, по-видимому, у него не было.

И вышло так, что дракон, налетев на кавалькаду, увидел прямо перед собой своего старого врага с Хвостосеком в руке. Этого он никак не ожидал. Он кинулся в сторону, как гигантская летучая мышь, и свалился на склоне холма возле дороги. Серая кобыла двинулась к нему, позабыв, что хромает. Приободрившись, фермер Джайлс поспешно вскарабкался в седло.

— Прошу прощения, но не меня ли вы случайно ищете?

— Что вы, нет! — заверил его Хризофилакс. — Кто бы мог подумать, что вы здесь окажетесь? Я просто пролетал мимо.

— Значит, мы встретились благодаря счастливой случайности, — сказал Джайлс, — и мне очень приятно, ведь я искал именно вас. Более того, я должен уладить с вами одно неприятное дело, вернее; несколько дел.

Дракон захрапел. Фермер Джайлс поднял руку, чтобы защититься от его горячего дыхания, и тут Хвостосек, угрожающе сверкнув, подлетел к самому носу дракона.

Ой! — Дракон даже храпеть перестал, он задрожал и попятился, весь огонь в нем мигом остыл. — Надеюсь, вы явились сюда не для того, чтобы убить меня, добрый мастер? — спросил он жалобно.

— Да нет, — сказал фермер. — Разве я это сказал?

Серая кобыла фыркнула.

— В таком случае, что вы тут делаете со всеми этими рыцарями, можно узнать? — спросил Хризофилакс. — Рыцари всегда убивают нас, драконов, если мы сами не успеем их убить.

— Ничего я не делаю, да и они вовсе не со мной, — заверил его Джайлс. — У них теперь кто убит, а кто убежал. Как насчет того, что вы обещали в крещенье?

— Это вы о чем же? — удивился дракон.

— Месяц уже просрочили, — напомнил Джайлс, — а долг платежом красен. Вот я и приехал с вас получить. А вам бы надо прощения у меня попросить, что я из-за вас угодил в эту передрягу.

— Простите, — взмолился дракон. — Мне, право, совестно, что вы взяли на себя этот труд.

— На этот раз — все сокровища, до последней монетки, и никаких фокусов, не то я порешу вас на месте и вывешу вашу шкуру на церковном шпиле, чтобы другим неповадно было.

— Это ужасно жестоко, — поежился дракон.

— Уговор дороже денег, — отпарировал Джайлс.

— Нельзя ли мне оставить себе два-три колечка и золотую монетку — мало ли, придется наличными за что-нибудь платить? — спросил дракон.

— Нет уж, ни одной медной пуговицы!

Они торговались и спорили, точно на ярмарке. Но результат был именно таков, как следовало предвидеть: ведь мало кто мог переспорить фермера Джайлса на ярмарке.

Пришлось дракону отправиться в пещеру, так как Джайлс с Хвостосеком наготове не отставал от него ни на шаг. Тропа, которая вилась вокруг горы, была узкой, на ней едва хватало места для двоих. Кобыла с задумчивым видом следовала за ними. После пяти миль тяжелой дороги фермер Джайлс тащился с трудом, пыхтя и отдуваясь, но не сводя глаз с ящера. Наконец они подошли ко входу в пещеру на западном склоне горы.

Вход был широкий и черный, его загораживали медные двери, которые раскачивались на железных столбах. Очевидно, в былые времена здесь жили сильные и гордые существа, драконы не строят подобных сооружений и не выкапывают пещер, они просто живут где придется — в гробницах или в сокровищницах древних героев и великанов. Двери этого подземного жилища были массивными, и они остановились в их тени. До сих пор у Хризофилакса не было случая обратиться в бегство, но теперь, у дверей своего дома, он неожиданно прыгнул вперед и собирался исчезнуть в глубине пещеры. Фермер плашмя ударил его мечом.

— Эй! — крикнул он. — Пока ты еще тут, я должен кое-что тебе сказать. Если ты живо не выйдешь и не принесешь что-нибудь стоящее, я войду следом и для начала отрублю тебе хвост.

Лошадь фыркнула: она не могла себе представить, чтобы фермер Джайлс вошел в драконье логово даже за все деньги на земле. Но Хризофилакс с готовностью в это поверил: острый Хвостосек так и сверкал в руке фермера. А может, он говорил правду и лошадь, при всей её мудрости, просто не поняла, что её хозяин переменился. Фермеру Джайлсу везло, и после двух встреч он

вообразил, будто его не одолеет ни один дракон. Как бы то ни было, вышел Хризофилакс довольно скоро. Он притащил фунтов двадцать золота и серебра, да еще сундук, полный колец, ожерелий и других драгоценностей.

— Вот! — объявил он.

— Что — вот? — передразнил фермер. — Что ты такое говоришь? Здесь и половины твоего добра нет.

— Конечно! — поспешно согласился дракон, немало обеспокоенный тем, что фермер, кажется, стал сообразительнее со дня их разговора в деревне. — Мне сразу все и не принести.

— Держу пари, и за два раза всего не принесешь, — согласился Джайлс. — Давай иди, да возвращайся поскорее, не то дам тебе отведать Хвостосека!

— Нет! — испугался дракон и сбегал на этот раз с двойной скоростью. — Вот! — Он выложил огромный мешок золота и два сундука с бриллиантами.

— Еще давай! — скомандовал фермер. — Да побольше!

— Тяжело же! — простонал дракон, углубляясь в пещеру.

Теперь уже серая кобыла забеспокоилась. «Ин-

тересно, кто всю эту тяжесть потащит домой?» — подумала она и с такой тоской поглядела на мешки и сундуки, что фермер догадался, о чем она загрустила.

— Не горюй, голубушка, — успокоил он её. — Заставим-ка мы ящера самого доставить поклажу.

— Боже милостивый! — воскликнул дракон, который услышал его, выбираясь из пещеры. На этот раз он принес массу драгоценных камней, сияющих зелеными и синими огнями. — Боже милостивый! Если я всё потащу, мне и конец придет! А еще мешок добавить — так и вовсе не управиться, хоть убивайте!

— Значит, еще есть? — спросил фермер.

— Есть, — признался дракон. — Достаточно, чтобы пользоваться уважением. — Он говорил правду, что с ним бывало редко, и это, как выяснилось впоследствии, было весьма благоразумно. — Если вы мне оставите остальное, — добавил он лукаво, — я навеки стану вашим другом. И сам все это снесу к дому вашей милости, а не к королевскому дворцу. И, что еще важнее, помогу вам сохранить сокровища.

Фермер левой рукой вытащил зубочистку и с минуту размышлял.

— По рукам! — воскликнул он, проявляя похвальное благоразумие.

Рыцарь, конечно, стал бы настаивать на целом кладе — и испытал бы на себе его проклятие. Вполне возможно, что если бы фермер Джайлс продолжал спорить и довел бы ящера до отчаяния, тот бился бы до последнего, несмотря на меч. А в этом случае, если бы даже Джайлс уцелел, он вынужден был бы собственными руками уничтожить свою тягловую силу и оставить большую часть сокровищ в горах.

На том и порешили. На случай, если что выйдет неладно, фермер набил драгоценностями карманы и нагрузил лошадь. Остальное, сундуки и ящики, взвалил на спину Хризофилакса, так что дракон стал похож на фургон с королевской мебелью.

У него не было ни малейшей возможности улететь, ибо груз был тяжелым, да и крылья ему фермер связал.

— Вот и веревка пригодилась, — сказал Джайлс, с благодарностью вспоминая священника.

Пыхтя и отдуваясь, дракон затрусил вперед, лошадь за ним, а позади всех — фермер с Хвостосеком в руке, так что дракон никаких трюков не выкидывал. Несмотря на груз, дракон и ко-

была теперь двигались быстрее, чем кавалькада на пути в горы. Фермер Джайлс спешил еще и потому, что съестные припасы в его мешке подходили к концу. Да и Хризофилаксу доверять не приходилось после того, как тот нарушил столь торжественные клятвы. Джайлс все раздумывал, как бы ему за ночь не лишиться жизни или богатства. Но еще до наступления ночи ему снова повезло: они догнали нескольких слуг и пони, которые заблудились после своего поспешного бегства в Диких Холмах. В изумлении и страхе те бросились наутек, но Джайлс их окликнул:

— Эй, ребята! Назад! У меня есть для вас работа и хорошее жалованье, пока идет перевозка груза!

И они поступили к нему на службу, довольные, что нашли проводника, и полагая, что теперь они, возможно, станут получать более регулярное жалованье, чем до сих пор. Так и пустились в путь: семь человек, шесть пони, лошадь и дракон. Джайлс, чувствуя себя господином, выпятил грудь. Останавливались как можно реже. На ночь Джайлс привязывал дракона за лапы к четырем кольям, три человека по очереди стерегли его. Но серая кобыла поглядывала, чтобы слуги не учинили какого-нибудь фокуса в свою пользу.

Через три дня они уже были на родной земле.

Появление их вызвало ликование, невиданное между морями. В первой же деревне, где они появились, их бесплатно накормили и напоили, а половина молодых местных жителей захотела присоединиться к ним. Джайлс отобрал дюжину молодцов, обещал им хорошее жалованье и купил самых лучших лошадей. Он становился все более сообразительным.

Отдохнув денек, он двинулся дальше в сопровождении нового эскорта. Спутники Джайлса распевали в его честь песни, грубые и неприхотливые, но ему они нравились. Кто его приветствовал, а кто смеялся. Зрелище было и веселое, и удивительное. Вскоре фермер Джайлс свернул к югу, по направлению к дому; к королевскому двору он не пошел и письма не отправил. Но весть о возвращении мастера Эгидиуса распространилась, подобно пожару, идущему с запада, вызывая удивление и смятение. Ведь он явился вслед за приказом короля объявить во всех городах и деревнях траур по случаю гибели рыцарей в горном походе.

Везде, где появлялся Джайлс, о трауре мгновенно забывали, колокола начинали вовсю звонить, а люди толпились на улицах, крича и размахивая шапками и шарфами. Все они улюлюкали в мор-

ду бедному дракону, и тот начал горько сожалеть о заключенной сделке. Для потомка древнего царского рода она оказалась унизительной. Когда прибыли в Хэм, все собаки презрительно на него залаяли. Все, кроме Гарма: он был слишком поглощен хозяином, обратив к Джайлсу и глаза, и уши, и нос. От радости он прямо голову потерял и ходил колесом по всей улице.

В Хэме, разумеется, встретили Джайлса бурной радостью, но приятнее всего ему было видеть, как безуспешно пытается усмехнуться мельник и как изменился в лице кузнец.

— Помяните мое слово, это еще не всё! — буркнул кузнец и, не в силах придумать более мрачное пророчество, угрюмо повесил голову.

Фермер Джайлс со свитой, с драконом и с поклажей поднялись на пригорок. В дом пригласили только священника.

Скоро новость дошла до столицы; позабыв официальный траур и собственные дела, люди толпились на улицах. Было много шума и крика.

Король во дворце кусал ногти и выдирал себе бороду. Он так горевал и гневался, так оплакивал свои финансы, был так мрачен, что никто не осмеливался с ним заговорить. Наконец уличный шум достиг его ушей: непохоже было на траур

и рыдания.

— Что за шум? — спросил он. — Велите народу отправляться по домам и соблюдать траур, как подобает. Шумят, будто гуси на ярмарке!

— Дракон вернулся, государь, — отвечали ему.

— Как? — изумился король. — Так соберите немедленно рыцарей — вернее, то, что от них осталось!

— В этом нет нужды, государь, — объяснили ему. — Ведь с ним едет мастер Эгидиус, и при нем дракон совсем ручной и послушный. По крайней мере, так говорят. Новость только что дошла до нас, слухи разные.

— Боже милостивый! — воскликнул король с явным облегчением. — Подумать только, что на послезавтра мы заказали торжественную мессу по случаю гибели этого человека! Отменить её! А что слышно о наших сокровищах?

— Говорят, их там целая гора, государь, — доложили ему.

— Когда же они прибудут? — заволновался король. — Ну и славный человек этот Эгидиус — проведите его прямо к нам, как только явится!

Придворные в нерешительности ничего не отвечали. Наконец один из них набрался храбрости:

— Извините, государь, но мы слыхали, что фермер миновал столицу и направился к себе домой. Несомненно, при первой же возможности он должным образом переоденется и поспешит сюда.

— Несомненно, — согласился король. — Но к чему эти переодевания? Какое право он имел пройти мимо не доложившись? Мы очень недовольны.

Первая возможность давно представилась — и прошла, как и многие другие. Фермер Джайлс уже целую неделю жил дома, но так и не написал во дворец ни слова. На десятый день король совсем разъярился:

— Послать за негодяем!

И послали. До Хэма был целый день пути в один конец. Через два дня посыльный явился и, трепеща, доложил:

— Он не желает ехать, государь!

— Гром и молния! — рассердился король. — Так велите ему явиться в следующий вторник, не то его пожизненно заключат в тюрьму!

— Извините, государь, но он все равно не явится, — доложил несчастный посыльный, возвратившись во вторник.

— Десять тысяч молний! — воскликнул ко-

роль. — Так отправить его в тюрьму! Сейчас же пошлите людей заковать этого грубияна в цепи! — приказал он слугам, которые попались ему под руку.

— Сколько же людей посылать? Там ведь дракон, да Хвостосек, да еще…

— Да еще палки от метелок и смычки от скрипок! — передразнил король. Затем приказал подать ему белого коня, собрал рыцарей (вернее, то, что от них осталось) и оруженосцев и отправился в путь, кипя от ярости. Народ в удивлении высыпал из домов.

Но фермер Джайлс теперь был не только Героем Округи, он уже стал Любимцем Страны. Народ и не думал приветствовать рыцарей и королевскую свиту на пути их следования, хотя перед самим королем еще снимали шляпы.

Но чем ближе он подъезжал к Хэму, тем угрюмее на него глядели; в иных деревнях люди запирались в домах и не выглядывали из окон.

От кипящего гнева король перешел к холодной ярости. Когда наконец он подъехал к реке, за которой лежал Хэм и виднелся дом Джайлса, он совсем помрачнел. Ему захотелось даже сжечь деревню. Но на мосту восседал на своей серой кобыле сам фермер Джайлс и держал в руке

Хвостосек. Кроме Гарма, разлегшегося на дороге, никого больше не было видно.

— Доброе утро, государь, — вежливо поздоровался Джайлс, не ожидая, когда к нему обратятся.

Король посмотрел на него холодно и сказал:

— Твои манеры в нашем присутствии оставляют желать лучшего, но это не освобождает тебя от обязанности явиться, когда за тобой посылают.

— И правда, государь, я об этом и не подумал, — ответил Джайлс. — У меня и своих дел по горло, а я на ваши поручения и так столько времени потратил.

— Десять тысяч молний! — закричал король, опять раскаляясь от гнева. — Иди ты к дьяволу вместе со своей наглостью! Раз так, ничего ты не получишь, и благодари бога, если тебя не повесят! А надо бы тебя повесить, если ты не попросишь у нас прощения и не вернешь нам меч!

— Что такое? — переспросил Джайлс. — По-моему, я все уже получил. Нашел — храни, а хранишь — значит, имеешь, так уж у нас говорят. И я думаю, Хвостосеку у меня лучше, чем у ваших слуг. А для чего вам все эти рыцари и свита? Если вы в гости, так добро пожаловать, но тогда хватило бы и поменьше людей. А если меня хотите взять, так

вам бы побольше надо.

Король чуть не задохнулся от негодования, а рыцари покраснели и опустили головы. Некоторые оруженосцы заулыбались за спиной у короля.

— Отдавай мой меч! — громко потребовал король, позабыв величать себя во множественном числе.

— Отдайте нам вашу корону! — возразил Джайлс. Вот это было требование, такого ещё никогда не слышали в Среднем Королевстве.

— Гром и молния! Схватить его и связать! — Король разъярился до последней степени. — Да что вы топчетесь? Хватайте его — или убейте на месте!

Оруженосцы выступили вперед.

— Караул! Караул! — залаял Гарм.

Именно в эту минуту дракон вылез из-под моста. Он прятался глубоко в реке, у дальнего берега. Он выдохнул могучую струю пара, потому что выпил немало воды. Образовался густой туман, в котором сверкали только красные глаза дракона.

— Домой, дурни! — загремел он. — Или я разорву вас всех в клочья. В горах уже лежат трупы рыцарей, скоро новые появятся, в реке. Вся коро-

левская конница, вся королевская рать![63]

Он прыгнул и вонзил коготь в бок белого королевского коня, и тот помчался прочь, как десять тысяч молний, так часто поминаемые королем. Остальные лошади поскакали следом с той же скоростью: кое-кто из них встречался с драконом раньше, и воспоминание это было не из приятных. Оруженосцы разбежались кто куда, подальше от Хэма.

Белый конь был только слегка поцарапан, но ему не удалось убежать далеко. Король заставил его вернуться: ведь для своей лошади он, по крайней мере, еще был господином, никто не посмел бы сказать, что он боится хоть одного человека или дракона на свете. Когда он вернулся, туман рассеялся, но рассеялись и рыцари с оруженосцами. Положение изменилось: король оказался один на один со здоровенным фермером, а ведь тот был господином Хвостосека и дракона! Переговоры ни к чему не привели. Фермер Джайлс заупрямился. Он не уступал и не вступал в бой, хотя король неоднократно вызывал его на поединок.

— Нет уж, государь, — отвечал он улыбаясь. —

---

[63] Примечания: 63
Строчки из популярного детского стишка «Шалтай-Болтай».

Ступайте-ка домой и успокойтесь. Не хочу вас поранить, но, если вы немедленно не уедете, за дракона я не ручаюсь. Всего хорошего!

Так окончилась Битва на Хэмском Мосту. Не получил король ни единого пенса и ни слова извинения от фермера Джайлса, который возвысился таким образом в собственных глазах. Более того, с этого дня Среднее Королевство утратило власть над здешними землями. Люди признали Джайлса своим господином. При всех своих титулах король не мог найти ни одного человека, который выступил бы против бунтовщика Эгидиуса, потому что он стал Любимцем Страны, менестрели пели о нем, и невозможно было запретить все песни, воспевающие его деяния. Самой популярной была баллада из ста насмешливых куплетов о знаменитой встрече на мосту. Хризофилакс надолго остался в Хэме, к великой выгоде Джайлса: ведь естественно, что человек, владеющий ручным драконом, пользуется большим уважением. С разрешения священника дракона держали в амбаре для хранения церковной десятины[64], и его стерегли двенадцать молодцов. Так возник первый из ти-

[64] Примечания: 64

Церковная десятина-это десятая часть урожая, взимаемая в средние века в пользу церкви.

тулов Джайлса: DOMINIUS DE DOMITO SERPENTE, что на простонародном языке означает: Господин Ручного Ящера, сокращенно — просто Ручного. Джайлсу воздавали большие почести, но он все еще платил дань королю: шесть бычьих хвостов и пинту пива в день святого Маттиаса — это была как раз дата встречи на мосту. Однако через некоторое время он заменил «господина» на «графа», — размера его владений было вполне достаточно для этого титула.

Через несколько лет он стал принцем Юлиусом Эгидиусом, и выплата дани прекратилась. Джайлс, будучи сказочно богат, выстроил величественный дворец и окружил себя многочисленными оруженосцами. Все они были довольны и веселы, одежда их поражала роскошью. Двенадцать молодцов стали капитанами. У Гарма появился золотой ошейник, и пес до конца своих дней свободно шатался везде, где хотел. Он стал гордым и счастливым псом и презирал других собак, считая, что они должны оказывать ему почести, соответствующие богатству и власти его хозяина. Серая кобыла в мире дожила свои дни, так и не поделившись ни с кем своими мыслями.

В конце концов, Джайлс, конечно же, стал ко-

ролем — Малого Королевства. Его короновали в Хэме под именем Эгидиуса Драконiуса, но чаще называли Старым Ящерным Джайлсом. При его дворе в моду вошел простонародный язык, сам король никогда не произносил речей на книжной латыни. Его жена стала весьма величественной королевой и держала под строгим контролем хозяйственные счета. Трудно было перехитрить или обойти королеву Агату, по крайней мере, на это требовалось немало времени.

Так Джайлс дожил до преклонных лет. Он отрастил седую бороду до колен и завел представительный двор, где заслуги людей часто вознаграждались по достоинству. Им был основан совершенно новый рыцарский орден.

— Орден Ящера, эмблемой его стал дракон, а старшими членами — всё те же двенадцать молодцов.

Следует признать, что Джайлс обязан своим возвышением случаю, хотя использовал он этот случай с умом. И удача, и ум остались при нем до конца дней, к великой выгоде его друзей и соседей. Он щедро вознаградил священника, и даже кузнец с мельником получили свою долю, ибо Джайлс мог позволить себе щедрость. Но став королем, он издал суровый закон против

любителей дурных предсказаний и сделал помол королевской монополией. Кузнец переменил профессию и стал гробовщиком, зато мельник подобострастно служил короне. Священник сделался епископом и учредил кафедру в Хэмской церкви, которую для этого перестроили.

Нынешние жители бывшего Малого Королевства найдут в этой истории правдивые объяснения названий, которые и в наше время носят некоторые города и деревни этой местности. Ведь сведущие люди уверяют, что, когда Хэм стал столицей нового королевства, из-за естественной путаницы между прозвищами Лорд Хэма и Лорд Тэма, т. е. Ручного, город этот стали ошибочно называть Тэмом. А в память о драконе, благодаря которому они прославились и разбогатели, драконарии (Рыцари Дракона) построили большой дом на расстоянии четырех миль к северо-западу от Тэма, в том самом месте, где Джайлс познакомился с Хризофилаксом, Это место во всем королевстве стало известно как Aula Draconaria, или, на простонародном языке, Чертог Ящера — в честь короля, господина Ящера, и его знамени.

Ландшафт местности с тех пор изменился, королевства образовывались и рассыпались, реки поменяли русла; остались только холмы, но и они

разрушаются ветрами и дождями. А название еще сохранилось, хотя теперь, как мне говорили, его исказили и произносят-Черт из Ящика, ибо нынешние деревни утратили свою былую гордость. Но в те дни, о которых повествует эта история, место называлось Чертог Ящера и было королевской резиденцией, а над деревьями развевалось знамя с изображением дракона. Дела там шли хорошо и жилось весело, пока Хвостосек был на страже.

Эпилог

Хризофилакс часто просил отпустить его, да и кормить его оказалось дорого: он продолжал расти, все драконы растут, пока жизнь сохраняется в них.

Так что через несколько лет, когда Джайлс надежно укрепил свое положение, он отпустил бедного ящера домой. Расстались они с многочисленными уверениями во взаимном уважении и заключив пакт о ненападении. В глубине своей недоброй души дракон чувствовал самое доброе расположение к Джайлсу, на какое только способен дракон. А тут еще и Хвостосек: дракон легко мог лишиться жизни и клада. У него в пещере, как подозревал Джайлс, сохранилось еще доста-

точно сокровищ.

Хризофилакс полетел в горы медленно и осторожно, потому что крылья у него сделались неуклюжими от долгого бездействия, а размеры и броня сильно увеличились. Прибыв домой, он первым делом выставил из своей резиденции молодого дракона, который нахально её захватил в отсутствие Хризофилакса. Говорят, что шум битвы был слышен по всей округе. Когда он с удовлетворением сожрал своего побежденного врага, ему сразу стало легче. Раны былого унижения затянулись, и он очень долго проспал. Наконец, внезапно пробудившись, он отправился на поиски того самого огромного и глупого великана, который много лёт назад затеял всю эту кутерьму. Дракон высказал ему все, что о нем думает, и бедняга был очень подавлен.

— Так это был мушкетон? — переспросил он и поскреб в затылке. — А я-то думал — это слепни!

FINIS,
или —
на простонародном языке
КОНЕЦ

ПРИМЕЧАНИЯ

ДЖОН РЕСКИН

Джон Рескин (1819–1900) не был детским писателем. Это крупнейший английский теоретик искусства, критик и публицист, профессор Оксфордского университета, чьи груды оказали значительное влияние на развитие всей европейской культуры второй половины XIX века. Помимо сугубо эстетических проблем он занимался и социальными, утверждал примят добра над красотой. Написать сказку Рескина попросила маленькая дочь его знакомых. Он загорелся идеей и в два приема написал «Короля Золотой Реки». Публиковать ее он не стал и к сказкам больше не обращался, занявшись серьезными исследованиями. Она увидела свет только через десять лет, в 1851 году, когда друзья наконец уговорили Рескина ее опубликовать. Правда. выпустить ее под своим именем он отказался, и она появилась анонимно. Сказка сразу же привлекла внимание, с тех лор множество раз переиздавалась, последний раз — в 1978 году.

Серьезные труды по искусству не помешали

Рескину сохранить интерес к сказке. В 1868 году он написал предисловие к новому изданию сказок братьев Гримм, страстным почитателем которых он был. Предисловие открыло этим сказкам широкую дорогу к английским детям, убедив их родителей в полезности сказок для детей. Единственная сказка Рескина, написанная, когда он был еще никому не известным юношей, сохранила его имя и в истории детской литературы, явившись по сути первой в Англии удачной попыткой создать на основе народной сказки новый жанр — литературную сказку.

ФРЭНСИС БРАУН

Фрэнсис Браун (1816–1879) родилась в Ирландии, в семье сельского почтмейстера. От рождения Фрэнсис была слепой. С самых юных лет она настойчиво стремилась к знаниям: заучивала наизусть уроки, которые готовили ее братья, просила их читать ей вслух, за это рассказывая придуманные ею сказки. Особенно ей нравилось слушать, а затем по-своему пересказывать сказки. Литературные способности у нес обнаружились рано, уже в семь лет она написала первые стихи. И литературную деятельность она начала как поэт: в 1844 году вышел ее первый

сборник. Позднее она переселилась в Лондон, где занялась литературным трудом как профессиональный писатель. Широкую известность получил ее роман «Моя доля в жизни». В 1856 году она обратилась к сказкам к опубликовала сборник «Бабушкино волшебное кресло и его рассказы о волшебных временах», куда вошло семь сказок, объединенных общим сюжетом. Сборник был принят весьма сдержанно, и известность к нему пришла не сразу, переиздан он был только через двадцать лет, с подзаголовком «Забытые сказки детства», зато потом издания пошли одно за другим. После выхода книги писательница продолжала много работать, писала и для детей, и для взрослых, но к сказкам о феях больше не возвращалась. Тем не менее, в истории литературы она осталась как автор одного небольшого сборника сказок.

На русский язык сказки Браун не переводились. В нашем сборнике мы приводим историю волшебного кресла, объединяющую все сказки, и одну из сказок, рассказанных им.

ЭДИТ НЕСБИТ

Эдит Несбит (1858–1924) — известная детская писательница, создала для детей свыше пяти-

десяти книг. Начинала она, впрочем, со стихов и романов для взрослых. Первая ее книга, стихотворный сборник «Рассвет», появилась в 1876 году. В 1896 году «Журнал для девочек» попросил ее написать воспоминания о детстве. Она согласилась, и работа так ей понравилась, что она решила написать для детей еще. Так в 1897 году появилась ее первая детская книжка-роман «Искателя сокровищ», а в детской литературе — новое имя, быстро ставшее знаменитым.

Эдит Несбит писала для детей стихи, рассказы, пьесы, сказки и сказочные романы. Особенно знамениты ее сборники сказок «Книга о драконах» (1899). «Девять невероятных историй для детей» (1901), а из романов — «Пятеро детей и Оно» (1902), «Сфинкс и ковер» (1904). Ее книги постоянно переиздаются, последний раз сборник избранных сказок вышел в 1977 году.

Для сказок Несбит характерно сочетание фантазии и всевозможных чудес с удивительно знакомыми, реалистичными картинами. Она смело вводит в повествование все реалии современной жизни-автомобили и аэропланы, лифты и конторы по найму; смело использует элементы научной фантастики и детектива, а также разнообразные сюжетные ходы: перелет в другие

миры, в далекое прошлое, оживление царства мертвых и т. п. И не случайно, что из всего обширного наследия сохранились именно ее сказки.

На русском языке «Мелисанда» ранее не публиковалась.

ДЖЕЙМС МЭТЬЮ БАРРИ

Джеймс Мэтью Барри (I860-1937) с детства увлекался литературой и свою первую пьесу написал еще в школе. После университета работал в провинциальной газете, затем перебрался в Лондон, где помимо статей начал писать пьесы (некоторые в соавторстве с Конан-Дойлом), которые имели успех.

В 1897 году Барри познакомился с семьей Дэвисов и сильно привязался к их детям (своих детей у него не было). Им-то он и начал рассказывать истории про Питера Пэна.

Впервые Питер Пэн появился на страницах романа «Белая птичка» в 1902 году. Своего героя Барри поселил на острове в Кенсингтонском саду Однако позднее, в появившейся два года спустя пьесе, он переселил его на затерявшийся в океане остров Гдетотам. Успех пьесы превзошел все ожидания. Имя Питера Пэна, мальчика, который не хотел взрослеть, стало нарицательным. Это побу-

дило Барри вновь обратиться к первоначальной истории, и в 1906 году он опубликовал отдельной книжкой главы из «Белой птички», посвященные Питеру Пэну, под новым названием: «Питер Пэн в Кенсингтонском Саду». В этом виде книга потом часто переиздавалась. Наконец в 1911 году вышла повесть «Питер Пэн и Венди»-окончательный вариант истории о Питерс Пэне.

Уже через шесть лет после рождения Питера Пэна ему поставили памятник в Кенсингтонском саду. Там его можно видеть и сейчас.

РЕДЬЯРД КИПЛИНГ

Редьярд Киплинг (1865–1936) своей славой в значительной степени обязан произведениям, написанным для детей. Наибольшей известностью заслуженно пользуются рассказы о Маугли и «Сказки просто так», дети охотно читают романы «Отважные мореплаватели», «Стоки и компания», «Ким». Киплинг родился и первые пять лет прожил в Индии, затем был отправлен в Англию на учебу, в семнадцать лет он возвратился в Индию и начал работать журналистом в провинциальной газете. Индия захватила его воображение, и неудивительно, что первые его произведения посвящены именно ей. Так роди-

лись рассказы о Маугли. Покинув Индию в 1889 году, Киплинг недолго пожил в Англии и отправился в длительные путешествия, посетив почти все части света. Опыт этих поездок помог ему создать «Сказки просто так». В 1904 году он решил окончательно поселиться в Англии и купил в графстве Сассекс старый дом, где и прожил до самой смерти, более тридцати лет.

Приобретение дома в Англии имело большое значение для Киплинга. Будучи уже всемирно известным писателем (в 1906 году ему была присуждена Нобелевская премия), он впервые открыл для себя собственно английскую жизнь и захотел написать о родной земле, о неразрывном единстве прошлого и настоящего, о национальном характере англичан. Так появились циклы исторических сказок «Пак с холмов Пука» (1906) и «Награды и феи» (1910). Их подлинным героем является сама земля, на которой выковался дух народа, которая слилась с историей и сама стала историей. Именно она помогает людям осознать себя и излечивает, по мысли Киплинга, от многих болезней современного мира-безверия, слабости духа, пассивности, — какими они виделись Киплингу и с которыми он всю жизнь боролся своим творчеством.

Полностью на русский язык сборники не переводились. «Холодное железо», «Нож и Меловые Холмы» и «Доктор медицины» взяты из сборника «Меч Виланда» (Л., Детгиз, 1984 г., составитель и переводчик А. Слобожан).

Доктор медицины

В этой сказке Киплинг посмеивается над рассуждениями астрологов. Астрология-учение о связи между расположением небесных светил и судьбами людей, утверждает возможность предсказывать судьбу человека по расположению планет и знаков зодиака в час его рождения. Зодиак-«пояс» на себе с расположенными на нем двенадцатью созвездиями, или знаками зодиака.

АЛАН АЛЕКСАНДР МИЛН

Алан Александр Милн (1882–1956), создатель знаменитого Винни-Пуха. занялся литературным трудом сразу после окончания университета став «вольным» журналистом, а потом сотрудником юмористического журнала «Панч». С началом первой мировой войны пошел добровольцем на фронт. Там, во Франции, он в 1915 году и написал свою первую детскую книжку — веселую и остроумную повесть-сказку «Когда-то тому назад», острая антивоенная направленность которой

объясняется личными впечатлениями Милна от войны. Книга появилась в 1917 году. Она прошла незамеченной критиками и читателями, хотя потом несколько раз переиздавалась, последний раз в 1970 году.

После войны Милн продолжал писать для детей, в 1924 и 1927 годах появились его книжки стихов «Когда мы были маленькими» и «Нам уже шесть» — одни из лучших образцов детской поэзии.

В 1926 году вышла знаменитая сказка «Винни-Пух и все-все-все», а в 1928-м-ее продолжение «Дом на Пуховой опушке». Плюшевый медвежонок Винни-Пух сразу полюбился английским детям, а вскоре и детям всего мира.

В 1960 году сказка про Винни-Пуха была пересказана по-русски Борисом Заходером и с тех пор переиздавалась множество раз. Стихи Милна перевел на русский С. Маршак.

Сказка «Когда-то тому назад» в настоящем издании переведена с сокращениями. Читателю предлагается главная сюжетная линия, повествующая о начале и ходе войны между двумя королевствами.

УИЛЬЯМ СОМЕРСЕТ МОЭМ

Уильям Сомерсет Моэм (1874–1965) — известный писатель, эссеист, драматург, автор получивших широкую известность романов «Бремя страстей человеческих», «Театр», «Подводя итоги». Для детей ничего не писал. Единственное исключение — шуточная сказка «Принцесса Сентябрь», написана в 1922 году, в больнице. По его словам, он написал ее шутки ради и от нечего делать. Основой послужили сиамские легенды, которые он слышал во время своих путешествий по Востоку.

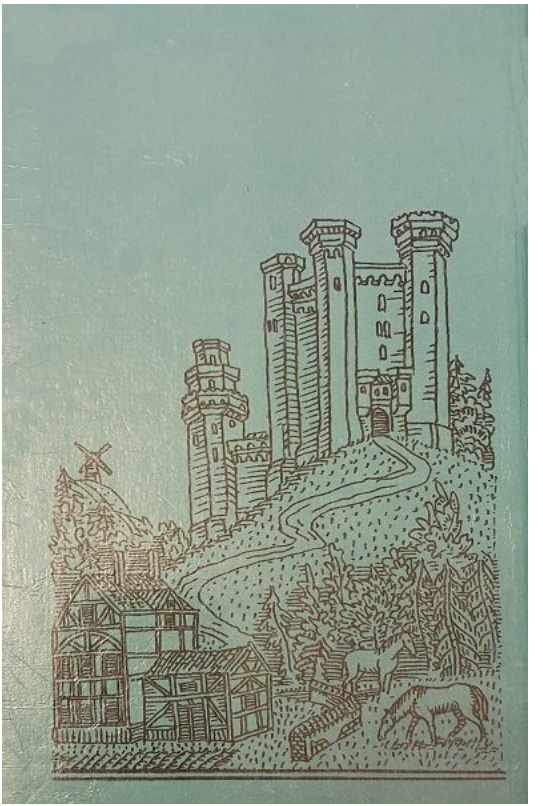
ДЖОН ТОЛКИН

Джон Рональд Рэуэл Толкин (1892–1973), основоположник новой школы сказочников XX века, создатель покорившего весь мир сказочного эпоса, родился в Южной Африке. Окончил Оксфордский университет, с 1924 года — профессор литературы, занимался германской и скандинавской мифологией, древнеанглийской литературой. В 1937 году вышла повесть «Хоббит», положившая начало новому эпосу, а с 1953-го по 1955-й трилогия «Братство кольца», за которую ему были присуждены несколько литературных премий и почетных званий. Вечная тема борьбы добра и зла раскрывается через увлекательней-

шие приключения. Толкин фактически создал новую мифологию, отчего его рассказ кажется чрезвычайно убедительным и реальным. Его повествование имеет такую привораживающую силу, что, раз погрузившись в него, оторваться уже невозможно. Десятки переизданий миллионными тиражами — таков масштаб произведений Толкина. В последние годы с ними смогли познакомиться и советские читатели. Помимо хоббитовского цикла Толкин написал несколько небольших сказок, из которых наиболее интересна сказка «Фермер Джайлз из Хэма»(1949), которая несет все черты толкиновского стиля.

Сказка представляет собой псевдогероическое повествование о событиях, связанных с возникновением Малого Королевства. Это остроумная литературная игра, и большинство исторических персонажей и фактов имеет у Толкина легендарный характер.

А. Слобожан



Внимание!

Текст предназначен только для предварительного ознакомительного чтения.

После ознакомления с содержанием данной книги Вам следует незамедлительно её удалить. Сохраняя данный текст Вы несете ответственность в соответствии с законодательством. Любое коммерческое и иное использование кроме предварительного ознакомления запрещено. Публикация данных материалов не преследует за собой никакой коммерческой выгоды. Эта книга способствует профессиональному росту читателей и является рекламой бумажных изданий.

Все права на исходные материалы принадлежат соответствующим организациям и частным лицам.